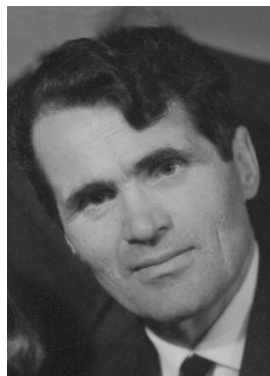

**Памяти дорогих, трагически погибших,
родителей посвящаю**

ВОСПОМИНАНИЯ

Вибе Корнея Корнеевича

Набережные Челны, 1999
Сыктывкар, 2002

От составителей

Свои «Воспоминания» наш отец начал примерно в 1991 году. Сначала это были устные рассказы, отрывки в письмах. Позже он неоднократно переписывал их заново, постоянно расширяя объем информации, так как вел активную переписку, дополняя, исправляя, корректируя написанное. Варианты рассылал родственникам и друзьям. Незадолго до своей смерти отец уже понимал, что оформить при жизни свой труд отдельной книгой он сам уже не успеет. Очень просил нас ускорить оформление, все еще надеясь увидеть свою работу завершенной. Увы...

Мы выносим на суд читателей то, что получилось. И надеемся, что труд нашего отца не пропадет даром...

Выражаем большую признательность всем, кто принял участие в составлении этой книги, дополнении, исправлении, корректировке, в подготовке ее к изданию: нашим многочисленным родственникам, маме, нашим супругам и детям, друзьям и знакомым.

Татьяна, **Надежда**, Сергей.

Сентябрь 2002, сентябрь 2009

Мы будем очень признательны, если получим от читателей этой книги отзывы о ней, исправления, дополнения (например, недостающие страницы воспоминаний отца, варианты), свои воспоминания, воспоминания своих родственников, новые документы и фотографии (или их копии). Мы очень надеемся, что они помогут нам подготовить следующую задуманную книгу, расширяющую историю нашей родни, и не только по линии Вибе.

Не стесняйтесь попросить у нас экземпляр книги, если Вы прочитали ее у своих родственников, а хотите иметь ее у себя. Мы обязательно постараемся выполнить Вашу просьбу.

Наши адреса всегда открыты для Вас:

167023, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 59, кв.86
Харюкову Сергею Корнеевичу.
Телефон (8212) 31-16-10 или мобильный +7 (912) 962-48-87
E-mail: SKharyukov@mail.ru

Памяти моих расстрелянных за ВЕРУ
родителей посвящаю.

«Блаженны изгнанные за правду,
ибо их есть Царство Небесное»
(Матв. 5:10)

«... блаженны мертвые, умирающие
в Господе, ... они успокоятся от тру-
дов своих, и дела их идут след за
ними»

(Отк. 14:13)

От автора

Много я в своей жизни совершил недостойного, такого, при воспоминании о котором мучают угрызения совести. Но самым, наверное, тяжелым преступлением моей жизни явилось предательство памяти моих родителей, наших предков. Именно этот тяжкий грех был началом и причиной последующей многозвенной цепи греховной жизни.

Сколько роковых ошибок избежал бы я, чаще и глубже обращаясь к этой памяти, прививая своим детям, внукам, племянникам уважение к их наставлениям, переданным нам с раннего детства не столько словами, сколько живым, личным примером повседневной жизни.

И вот теперь, когда мне исполнилось 80 лет, когда уже четыре года поражен злокачественной болезнью – лейкозом, когда прогрессирующая болезнь глаз – катаракта угрожает слепотой, я признал своим непреложным долгом, насколько еще возможно, восполнить этот пробел, поведать моим потомкам об их предках, хотя я сам до обидного мало знаю о них. К такому повествованию меня обязывает положение «последнего из могикиан»: из всех многочисленных внуков Иоанна Вибе (1840-1918), и носивших его фамилию, я один остался в живых. Дед мой отошел в вечность вскоре после моего появления на свет, в том же 1918 году.

Составление этой истории сильно затруднялось отсутствием семейных записей о жизни и деятельности деда Иоанна, его детей и их семей, а уж о родителях деда, его братьях и сестрах, не говоря уже о более ранних предках, я вообще ничего не знал. Многочисленные фотографии старины, о которых помню с детства, были частично конфискованы органами ОГПУ-НКВД-КГБ в годы репрессий (1930-е), а частью утеряны во время неоднократных выселений и пересылок.

Не восполненной утратой явилось изъятие при аресте отца, в июне 1930 года, ценнейших семейных записей деда Иоанна, продолженных его младшим сыном, моим отцом Корнелиусом. Эти записи я не читал, но помню их внешний вид. Это были два блокнота плотной мелованной бумаги в черном кожаном переплете, размером, примерно 25x20 см, листов по 200 каждый. Они были исписаны убористым почерком деда и отца. Вот где, очевидно, сохранилась богатейшая информация, так не достающая нам сегодня...

Решительным толчком к этому повествованию явилась выпущенная в 1997 году нашими родными в Канаде Эльзи и Джоном Вибе (о существовании которых я не имел и представления), книги по истории семьи Вибе. Из этой книги, любезно предоставленной мне (на английском языке), я и почерпнул большую часть информации о жизни и деятельности наших предков Вибе до моего деда Иоанна (1840-1918) и его детей. Как видно из этой книги, и родителями моего деда Иоанна, и его братьями и сыновьями велись семейные хроники, подобные конфискованным у моего отца.

Авторами книги о семье Вибе, Эльзи и Джоном, проделана большая работа по розыску и изучению семейных и библиотечных архивов по истории меннонитов вообще и фамилии Вибе в частности. Такие записи Эльзи разыскивала у родных, проживающих в Канаде, США, Германии, России. Закончив книгу на английском языке, Эльзи продолжает поиски и намерена значительно расширить информацию в подготавливаемой к изданию книге на немецком языке.

Большую помощь в составлении этой истории оказала мне написанная Бернгардом Гардером «История последнего немецкого родового селения «Александрталь». Мне эта «История» досталась в русском переводе, без приложений карт расположения меннонитских колоний в России.

Не могу не выразить глубокую признательность моим детям Татьяне, Надежде, Сергею, внучке Ольге (дочери Надежды), принявшим активное участие в составлении этой истории (сборе и обработке информации, переводах на русский язык, иллюстрировании книги фотографиями, схемами, картами, художественном внешнем оформлении). Их глубокий интерес к истории предков был для меня радостной неожиданностью. Зная, что это не моя заслуга, отдаю должное моей старшей сестре Екатерине, воспитавшей наших детей и незаметно пробудившей в них эти добрые чувства, прежде всего, конечно, личным примером.

Чтобы эта история-родословная не утратила интереса, была назиданием и следующим поколениям, ее надо систематически обновлять. Разумеется, это невозможно по всему «древу», а только каждому поколению по своей «ветви». Информацию для продолжения родословной надо накапливать постоянно путем ведения семейных записей основных, нерядовых событий: дат рождения, вступления в брак, смерти, учебы, рода и успеха деятельности. Дети, внуки должны записывать особо запомнившиеся дела, эпизоды из жизни своих семей, послужившие им назиданием. Хочу подкрепить сказанное примером для семьи моего старшего брата Ивана, уж его детям есть чего вспомнить и увековечить для потомков. Это просто обязанность его детей, особенно его внука Ивана, носящего имя деда (широко распространенное в нашем семействе).

Если у кого-то из моих детей, внуков, племянников и других родных в результате чтения (изучения) этой истории появится повышенный интерес, уважение к нашим предкам, стремление подражать им, особенно в их вере и уповании на Бога, то труд этот будет оправдан. Молю Бога, чтобы таких были не единицы.

г. Набережные Челны
август 1998

Корнелиус Вибе

1 Предисловие

Написать о семье, в которой родился и провел свое детство, меня побудили настойчивые просьбы моего сына Сергея. Заинтересованность, жажду знаний истории, и жизни своих предков проявили и дочери Татьяна и Надежда, дети моих сестер и покойных братьев.

Так что удовлетворить их просьбы и желания – моя святая обязанность. Должен же я сгладить непростительные упущения, заключающиеся в том, что держал своих детей в неведении о своих предках.

Приступив к этому повествованию, я со стыдом и горечью обнаружил, как мало, до обидного мало знаю о своих предках. Задача сильно усложнялась отсутствием каких-либо документальных материалов, дневниковых записей. Не увенчались успехом и попытки найти литературу по истории меннонитов в библиотеках г. Перми.

Уже отчаявшись найти что-либо достойное по этой истории, случайно узнаю, что у моей двоюродной сестры Эрны Гардер (урожденная Классен), имеется рукописный текст «Истории последнего немецкого родового селения в России «Александрталь»».

Эту Историю написал на немецком языке уехавший в 1918 году из колонии Александрталь в Германию Бернгард Юльиосович Гардер. Перевела ее на русский язык и переписала от руки сестра Эрны Ядвига. История уложилась в 163 страницы убористого текста в общей тетради.

Выражаю сердечную благодарность Эрне Гардер за предоставленную возможность изучения и использования этой Истории. Она явилась практически единственным источником для описания дореволюционной жизни наших предков.

Теперь постараюсь как смогу, поведать историю переселения наших предков в Россию, обживания ими новых мест поселения, о жизни и приключениях нашей семьи.

Для того, чтобы глубже понять мотивы переселения, надо, хотя бы в общих чертах, знать предысторию меннонитов, к которым принадлежали наши предки и ныне принадлежат их потомки. Знание этой предыстории позволит и понять, как выковывались передаваемые из поколения в поколение упорство и выдержка, железное трудолюбие, непримиримость ко всякой лжи и фальши, постоянная готовность помочь друг другу, которые никогда не утрачивались на всех путях по земному шару.

Заранее прошу извинить нескладность повествования. Это объясняется недостатком образования, отсутствием литературного дара и опыта.

Сразу хочу рассеять могущие возникнуть предубеждения в том, что попытаюсь обелить свою роль в описываемых событиях, обойти негативные моменты моего участия в них, умолчать о своих неблагоприятных действиях.

Завещаю Вас, что, несмотря на все старания как самого, так и «наставников», вытравить все задатки нравственности, я не утратил способности к самоанализу, объективно оценивать свои поступки и действия. Эти генетиче-

ски унаследованные от родителей и их предков качества обязывают меня быть правдивым.

Так пусть же, дорогие мои дети, племянники и племянницы, эти воспоминания послужат Вам и Вашим потомкам памятью о своих предках.

2 Меннониты

Более далекие наши предки относились к немногочисленной группе церковных реформаторов, так называемых «крестителей» (они объявили себя сторонниками совершеннолетнего крещения), которые, будучи преследуемы римской церковью, находили себе убежища в расселинах гор и других укрытиях Швейцарии. Их потомки в этой стране и поныне называются «крестителями».

Под давлением преследований «крестители» двинулись вниз вдоль Рейна. Отдельные группы их оседали по пути на прирейнских землях. Наибольшая же группа (в которой были и наши предки) остановилась только у берегов Северного моря - в Нидерландах, тогдашних «Генеральных штатах», где им удалось значительно всколыхнуть движение. Одним из руководителей этой группы был Менно Симонс, 1492 г. р., бывший католический священник, вышедший из этой церкви. Он образовал из разбросанных групп «крестителей» общины, выпустил первые основополагающие печатные издания.

Лишь после смерти Менно Симонса в 1561 году общины его последователей получили название меннонитов по примеру больших реформаторских церквей.

Каковы же основные принципы меннонитов?

Они отклоняли всякую разновидность иерархии, приняв за основу претворение в жизнь направления библейской общины, которая всем членам предоставляла одинаковые права и обязанности. Единство общины являлось во всех вопросах жизни решающей инстанцией. Каждый в равной мере обязан любовным участием поддержать собрата, вдову или сироту. Служба выбранных старейшин, проповедников, дьяконов не оплачивается.

Община занимается воспитанием своих членов. Кто пускается в беспорядочную жизнь, безнравственность, жадность, пьянство, ссоры, раздоры в семье или с соседями, или обличается в несправедливых действиях, того по решению общины исключают. Если же он искренне раскаивался, его могли принять вновь.

Крещение производится после определенной беседы по библии в присутствии всей общины, и только после крещения они становятся полноправными, равноответственными членами общины.

Любая клятва, т. е. уверение с призыванием Бога, отвергалась. В случае необходимости требовалось торжественное обещание простым «да» или «нет». Такая форма признавалась и прусским и русским правительством.

Воинская служба считалась, по библии, запрещенной.

Брак, заключенный с благословения общины, не подлежал расторжению. Когда же мир в брачной чете подвергался угрозе, обязанностью служителей общины было по возможности восстановить согласие. Если же супруги оставались непримиримыми, предстояло разлучение, но не развод. Вторичное вступление в брак считалось недопустимым нарушением заповеди.

К старейшим принципам меннонитов относилось то, что среди них не должно было быть нищих. Поэтому каждая община была обязана иметь фонд из добровольных взносов, чтобы в случае необходимости помочь нуждающимся.

Со стороны меннонитов действующие законы и правительства признавались. Лояльность была само собой разумеющейся обязанностью каждого, как и добросовестное исполнение налогов и податей. В случае требований государства, касающихся веры, основывались на слове: «Бога нужно слушаться больше, чем людей». Конфликты, возникающие на этой почве, во многих случаях кончались выездом в такие страны, где свобода веры гарантировалась.

Так, по причине жестоких гонений с 40-х годов XVI века меннониты массами переселялись из Нидерландов в Северную Германию, Польшу и Пруссию. (Наши предки переселились в Пруссию.)

За 200 с лишним лет эмигранты - меннониты почти целиком смешались с немецким населением Пруссии, усвоили его культуру, быт, традиции и нижнемецкое наречие - платтдейч. Поэтому все меннониты, переселившиеся затем в Россию, считают себя немцами.

Как в Нидерландах, так и в Пруссии нашим предкам пришлось осваивать лежавшие без пользы пустоши, осушать болота, корчевать кустарники, отвоевывать земли у моря путем строительства дамб и других сооружений. Благодаря исключительному трудолюбию, организованности и коллективизму им удавалось в короткие сроки превращать непригодные участки в плодородные земли. Успехи в работе этих тихих поселенцев становились общеизвестными, где бы они ни появлялись.

К концу XVII века положение меннонитов, живших на территории Пруссии, стало ухудшаться. Прусские короли постепенно перешли к отмене ранее данных привилегий, к репрессиям и ограничениям. В 1774 году король Фридрих II издал указ, которым, по существу, ликвидировались меннонитские землевладения. В этих условиях перед меннонитами встал вопрос о переселении. Но куда?

2.1 Переселение в Россию

Гонения на меннонитов в Пруссии совпали со временем, когда царское правительство России активизировало свою колониальную политику.

После завоевания больших территорий на юге и востоке русские власти решили приобретенные земли преобразить на пользу. Собственное русское крестьянство бедствовало под тяжестью крепостного строя, поэтому оно не могло заселять эти земли. Попытки же насильственного заселения закончились неудачей. В то время большие угодья на Волге и Украине лежали без пользы, невозделанными. Уже при Елизавете граф Чернышев предложил вербовать поселенцев из соседних немецких государств, но его планы не были приняты, т. к. русская государственная церковь не хотела терпеть в своем народе иноверцев. При Екатерине II вновь поднялся этот вопрос, чтобы во вновь обретенные земли внедрять культуру Запада и таким образом показать пример русскому народу в хозяйственном и культурном отношении.

В 1763 году Екатерина II издала Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться в которых губерниях они пожелают». По этому Манифесту всем колонистам предоставлялись широкие льготы и свободное исповедание своей религии.

Откликнувшиеся первыми на этот Манифест и поселившиеся в степных районах нижней Волги были выходцами из южной Германии, по вероисповеданию лютеране и католики. Их поселения впоследствии образовали республику Немцев Поволжья.

Первая меннонитская колония в России образовалась в 1789 году на Днепровской дуге в Хортице. Она состояла из 228 семей, к которым в 1797 году присоединилось еще 118.

В 1803 году образовалась вторая меннонитская колония в Таврической губернии в районе реки Молочной с центральными городами Хальбштадт и Гнаденфельд, которым суждено было стать самыми большими центрами сосредоточения меннонитов в России.

Наших предков среди этих поселенцев еще не было. Они продолжали оставаться в Пруссии.

Революция 1848 года была причиной новых волнений в общинах Пруссии, так что снова стали строиться планы эмиграции. Русское же правительство считало заселение Украины законченным.

И все же посланным осенью 1851 года в Петербург депутатам Исааку Классен и Клаасу Эпп удалось договориться с правительством России о переселении в Самарскую губернию. При этом правительство гарантировало всем меннонитам и их потомкам освобождение от воинской службы «на вечные времена».

Фото 1. Открытка издательства Тевсь и Вилеръ. Александрталь, Кошки, Самарская губ.

В 1853 году первые поселенцы прибыли на «Солянный тракт». Это была большая дорога для транспортировки соли от озера Эльтон вглубь страны. У этого тракта, по которому и называлась колония, переселенцы получили 10.000 десятин (1 десятина = 1,25 га) степных земель. Со временем выяснилось, что выделенных здесь земель для желающих переселиться в Россию недостаточно, так что руководству по переселению пришлось подыскивать новые территории. Такими оказались угодья на севере Самарской губернии в 120 км от Самары, которые граничили непосредственно с Казанской губернией. Здесь в 1859 году было выделено 10.000 десятин земли для последней немецкой колонии в России. Вот тут-то и поселились наши предки.

Приготовления к переселению в Пруссии проходили в относительно короткий срок. Большие фургоны, в которые впрягались по 3 - 4 лошади, на-

грузенные домашней утварью, одеждой, полевым инвентарем, конской сбруей и т. п., составляли солидный обоз, в котором участвовали в основном молодые семьи, устремившиеся на Восток. Нужно было преодолеть 2000 км по незнакомой стране. Никто не знал русского языка.

Все переселенцы, оставившие весной 1859 года осушенные земли Пруссии, были выходцами из крестьянского рода.

Когда граница Пруссии осталась позади, начались приключения. С юмором и остроумием колонисты потом вспоминали это путешествие. Во время покупки корма для скота и продуктов питания, как и на ночлегах в русских населенных пунктах, возникала масса конфликтов и анекдотов из-за незнания языка. Население встречало переселенцев, шествие которых представляло для них зрелище, достойное внимания, исключительно гостеприимно.

Без серьезных происшествий переселенцы, после нескольких месяцев пути, в разгаре лета достигли места назначения.

2.2 Образование Александртальской колонии

Хозяйственное и культурное устройство, духовная жизнь.

Отведенная поселенцам территория была расположена на холмогорье, пересеченном небольшими лиственными лесами и многочисленными оврагами. Ландшафт был привлекателен тем, что представлял переход от дремучих северорусских лесов к южным степям, т. е. он соединял богатства и прелести обеих географических зон. На востоке границей новой колонии была река Кондурча, на севере и юге - русские села. На западе непосредственными соседями стали несколько лет спустя переселившиеся немцы переселенцы, которые во время польской революции 1863 - 1864 гг. пришли сюда беженцами. Поселенцев этих называли «новыми немцами». По вероисповеданию они были лютеране и католики.

На расстоянии от 10 до 30 км были расположены мордовские, татарские и чувашские села.

Обустройство начали со строительства землянок. Покупались и русские избы, которые перевозились и быстро собирались в жилища. К зиме кровом были обеспечены и люди и скот. Таким образом, колонисты первую зиму пережили сравнительно хорошо.

Весной 1860 года начался подъем целины. Почва оказалась плодородной и высокоурожайной. Под черным слоем перегноя толщиной до одного метра лежала толстая шихта жирной красной глины. При достаточном количестве осадков собирали рекордные урожаи, но при их недостатке часто нависала угроза неурожайного года. Поэтому крестьяне вынуждены были держать много рабочего скота, чтобы сразу, как только земля отойдет от мороза, в целях сохранения влаги, за 8 - 10 дней закончить весенний сев. Густые всходы покрывали поле и препятствовали испарению влаги.

Согласно плану заселения закладывались села: Александрталь, ставший самостоятельным коммунально-политическим центром полного самоуправления, к нему примыкало Надеждино, на севере - Мариенталь, на западе расположились Муравьевка, Гротсфельд, Орлов, Шенау, Линденау, Мариенау, Либенталь.

Русские власти, после того как земли были отмерены, в дела Александртальской колонии уже не вмешивались. Жалобы и затруднения за пределы колонии не выносились, а разбирались самими колонистами.

В каждом селе избирался сельский староста, в обязанности которого входило в случае необходимости собирать сход с участием от каждого двора по

человеку для обсуждения назревших вопросов или сельских проблем. Решения, вынесенные на таких сходах, носили характер предписаний, которые должны были выполняться беспрекословно. Сельский староста отчитывался один раз в год о проделанной работе. В остальном каждый крестьянин был полновластным хозяином своего двора.

В своей Истории Бернгард Гардер пишет:

«Оглядываясь назад на историю колонии меннонитов в России, мы становимся перед загадкой: как могло самодержавие, руководимое абсолютистским царем государство, дать иммигрантам полное демократическое управление. И это в то время, когда крепостное право в стране лишало русского крестьянина какого бы то ни было персонального права. Можно только полагать, что этот эксперимент самоуправления русским правительством был проведен, чтобы в 1862 году, после отмены крепостного права, использовать его при внутривластных мероприятиях с собственным населением. Но ничего подобного не произошло, осталась система, при которой никакой хозяйственный прогресс был невозможен. Только в 1906 году, в связи с первой революцией, после поражения России в войне с Японией, министру Столыпину удалось сделать крестьянина владельцем ему предназначенного земельного участка».

Крестьянские дворы строились большими, добротными, по образцу западно-пруссских. Каждый двор был ограничен с трех сторон в виде подковы: дом с конюшней как одно целое, напротив амбар и отдельно, чуть отдаленно, просторная рига для хранения кормов.

Фото 2. Шенау-Красновка, Кошкинский р-он.

Дом, построенный Иоанном Вибем (1840-1918) по прибытию в Россию. Потом дом был продан семье Валь. Снимок сделан в конце 1920-х годов, на повозке супруги Валь, кучером Бернгард Зуккау.

человеку для обсуждения назревших вопросов или сельских проблем. Решения, вынесенные на таких сходах, носили характер предписаний, которые должны были выполняться беспрекословно. Сельский староста отчитывался один раз в год о проделанной работе. В остальном каждый крестьянин был полновластным хозяином своего двора.

Трудности со строительными материалами, которые доставлялись гужевым транспортом за 50 - 60 км, преодолевались организацией их собственного производства. Был построен кирпичный завод и в Мариентале Яковом Регер, непосредственным соседом нашего деда, в доме которого впоследствии жила наша семья, родились и выросли мы.

В добротности произведенного этим предприятием огнеупорного, водонепроницаемого кирпича довелось убедиться не только нашему поко-

добрую половину из которых они пролежали разбросанными по земле. При всем своем старании, ударяя кирпич о кирпич, разбить их не смогли.

Колония развивалась бурно, жизнь колонистов протекала в упорном труде, постоянных поисках новых методов хозяйствования, повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Несмотря на хорошие урожаи высокосортной пшеницы, доходы от ее продажи, ввиду низких цен, уже не могли удовлетворять требованиям хозяйственного развития.

Фото 3. В родных местах.

Братья Гергард, Корней, Иван. Мариенталь, 1973 год.

Тогда, в 90-х годах прошлого столетия, колонисты начали усиленно развивать продуктивное животноводство, резко увеличивать поголовье молочного скота, повышать его продуктивность. Организовывалась переработка продуктов животноводства, производство тельзитского сыра, экспонировавшегося на всех выставках страны.

Эти усилия обеспечили резкий рост денежных доходов и благосостояния колонистов, не говоря уже о насыщении рынка не только региона, но и страны высококачественными продуктами.

В 1906 году в Александртале была основана база сельскохозяйственных машин и орудий, вскоре переросшая в «Торговый дом Гардер, Вибе и К°». Компаниями этого предприятия были два брата Гардер, один из которых - автор упомянутой выше «Истории Александрталя», и два родных брата Вибе, один из которых - наш отец, Корней Иванович. В селе Кошки, уездном, а теперь районном, центре, они открыли филиал своей фирмы, с помощью которого население могло продавать излишки зерна и приобретать технику.

Этот «Торговый дом» сыграл весьма положительную роль в развитии сельского хозяйства не только меннонитской колонии, но и далеко за ее пределами. Во многих русских хозяйствах посев, кошение, молотья начали выполняться с помощью машин, в избах появились сепараторы. Где одиночным хозяевам это было не под силу, механизмы приобретали и эксплуатировали сообща, кооперативно.

В результате такого бурного развития, быстрого роста населения, колония испытывала недостаток земельных угодий. Расширение их происходило за счет покупки земли у русских помещиков, аренды у государства. Так в конце XIX столетия колонисты закупили у помещика Массолова около трех тысяч десятин земли. В 1897 году арендовали у государства 2.000 десятин земли в районе железнодорожной станции Безенчук. Это были бесплодные земли между Самарой и Сызранью, которые из-за недостатка воды не удавалось заселить русскими крестьянами. Неутомимым трудом, рытьем колодцев, в ко-

торых вода появлялась только на глубине 20 метров, эти степи были превращены в плодородные земли. В них выросли большие благоустроенные крестьянские подворья, окруженные благоухающими садами.

Все эти приобретенные земли вне границ колонии назывались хуторами. Жизнь колонистов и хуторян была на удивление мирной и безмятежной.

Фото 4. Безенчук, Самарской губ.

Дом, построенный Генрихом Вибе (1871-1919) для своей семьи в конце XIX века. Семья жила в нем до осени 1929 года.

Б. Гардер в своей «Истории» пишет:

«Вопрос безопасности в Александртале никогда не был первоочередным. Известно только два случая, когда члены одной семьи были убиты, а другой - ранены. Чаще бывали кражи, крали лошадей и зерно.

Если глубже вдуматься в обстоятельства, то нельзя не удивляться безмятежному спокойствию этого крестьянского микромира. Ясно, что из-за разницы в правах, т. к. они в общественном, социальном и хозяйственном отношении колонистами были побеждены. Еще стоит отметить, что у этих полукочевых народов мораль была на низком уровне.

Наконец, хранение спокойствия колонии вызывает удивление еще и потому, что люди не владели здесь никаким оружием».

Большое внимание колонисты уделяли культурной и духовной сторонам жизни. Каждое село имело свою школу, которая строилась и содержалась силами села. Шесть лет учебы были обязательными для всех детей. Преподавание велось на немецком языке. Учебники присылали из Германии. Позднее был введен и русский язык, но только в последних трех классах. С помощью школ, где пение и музыка играли большую роль, устраивались летние вылазки на природу, в лес, что привлекало как учеников, так и родителей, и всех объединяло в одну школьную общину.

Большинство семей поддерживало живую связь с родными, оставшимися в Германии. Письма оттуда читались и обсуждались в кругу родных. Издаваемые в Германии журналы, христианские листы оживляли память и укреп-

ляли связь. Чтение этих изданий превращалось в лекции, которые после чтения живо обсуждались. Так что и молодое поколение было в курсе событий, происходивших на родине отцов.

Гостеприимство в колонии относилось к неписанным законам. Оно охватывало не только родных, друзей и соседей, которых не выпускали из дома без угощения, но распространялось и на странников. Большинство колонистов имели среди русских друзей, с которыми обменивались визитами. Это были в основном семьи русских врачей и других представителей интеллигенции, отношения с жителями русских сел были мирными и доброжелательными. Торжества: помолвки, свадьбы, похороны превращались в общие, на которые сходилось и съезжалось до 50 семей.

Во второй половине октября, с наступлением морозов, начинали резать скот. Эти дни тоже превращались в праздники, в которых принимали участие соседи и родственники. Дружно, общими силами мясо разделялось, перерабатывалось, делались колбасы, зельцы и другие мясопродукты на всю зиму. К вечеру обычно вся работа заканчивалась, а остаток дня посвящался общению с гостями и торжественному ужину.

Сельским увеселением считалось катание на коньках, для чего были широкие возможности. Оно распространялось не только на молодежь, но и на пожилых. Такие катания носили характер торжества, при этом предоставлялась возможность общения с русским населением.

Во время половодья ездили верхом не только из-за бездорожья, но и ради спорта. Обычно такие массовые выезды верхом организовывались во время Пасхи. В этих кавалерийских выездах и соревнованиях доводилось участвовать еще и мне, будучи 8-10-летним парнем.

Все эти эпизоды в жизни колонии были ярким отражением стремления к общению между собой. Вечерами обсуждалось прочитанное, вспоминалось прошлое, при этом часто играли в шахматы, шашки. Игра на деньги запрещалась, алкогольные напитки не употреблялись.

Основополагающими для меннонитов во всех их жизненных делах были положения Священного писания, служившие не только нормой исповедания, но и нормами практической совместной жизни. Где бы ни создавались новые общины, этот принцип оставался базисом жизни.

Первая мировая война. Октябрьская революция.

Во время первой мировой войны со стороны шовинистских правительственных кругов началась травля немецких иммигрантов, хотя лояльность меннонитов к России всегда была вне сомнения. В довоенное время около двух тысяч мужчин служили в лесничествах. В 1915/16 годах насчитывалось в различных вспомогательных военных организациях: обществе красного креста, лазаретах, лесничествах до 22 тысяч служащих меннонитов. Кроме того, меннониты добровольно жертвовали массу продовольствия для русской армии.

Со стороны национальной группы внутри правительства (черносотенцев) меннонитов настиг особенно тяжелый удар. Министр внутренних дел Хвостов внес предложение, чтобы в отношении воинской службы меннониты были приравнены ко всем остальным гражданам России. Но до того как это предложение было рассмотрено, Хвостова сменил Протопопов, который расценил привлечение меннонитов к воинской службе как пренебрежение к ранее изданному указу о привилегиях и отклонил его.

И все же недоброжелателям удалось добиться принятия в 1916 году закона об изгнании меннонитов из России. Только напоминанием о своем фриз-

голландском происхождении, доказательством которого служили фамилии и диалект меннонитов, а также подтверждение нидерландского правительства, удалось предотвратить приведение этого закона в исполнение.

Октябрьская революция упразднила земельную собственность. Раздел оставил каждому члену семьи 2,5 десятины. Реальную перспективу хозяйственного развала колонии предотвратила введенная революционным правительством новая экономическая политика, НЭП. Снова была разрешена частная собственность, поощрялась личная инициатива.

С введением НЭП организовалось Александртальское скотоводческое, посево-хозяйственное товарищество, оживилось выведение племенного скота, ввоз сельскохозяйственных машин из-за границы, торговля, организовывались выставки.

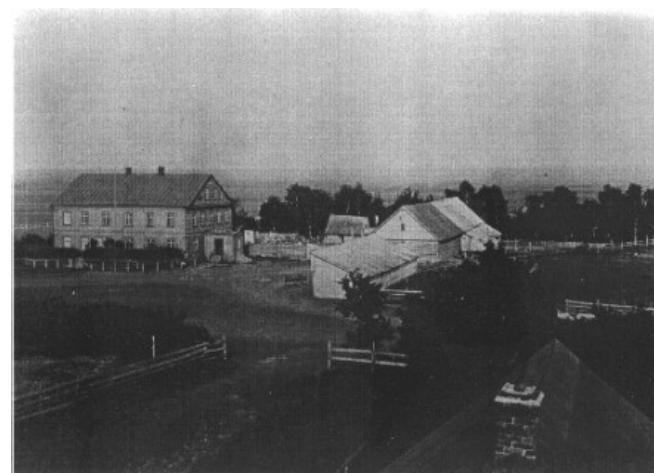

Фото 5. Центральное здание предприятия Германа и Гергарда Вибе в Самаре

Для колонии это время в какой-то мере означало повторение времени первоначального обоснования. Но этот новый расцвет был очень непродолжительным. Начавшиеся с конца 1928 года репрессии, коллективизация побудили многих колонистов покинуть страну. В 1929 году много семей Александртальской колонии бросало свои хозяйства и уез-

жало в Москву, чтобы оттуда уехать за границу. Удалось это очень немногим, остальные были возвращены в колонию, а главы большей части этих семей репрессированы.

Последние годы периода возрождения колонии, 1925-1928, довольно хорошо сохранились в моей памяти. Помню и дальнейшие события, в частности касающиеся жизни нашей семьи, ее ближайших родственников и друзей. Поскольку для дальнейшего повествования отсутствуют какие-либо письменные материалы, придется мобилизовать свою память, прибегнуть к памяти своих сестер.

Из нашей колонии высылка производилась в 1930-31 годах в три этапа: первый, с наибольшим числом семей - в Архангельскую область, второй - в Читинскую область (Прибайкалье) и третий - в село Коровино Куйбышевской области. В общей сложности из колонии было выслано около одной трети семей. Полностью Александртальская колония была очищена от немцев - потомков ее основателей в 1941 году путем насильственного переселения в Казахстан. На этом колония и перестала существовать.

Список семей, раскулаченных и высланных 30 марта 1930 года из Александртальской колонии в Архангельскую область.

Глава семейства	Село	Количество душ	Репрессировано (осуждено) в 30-е годы	Умерло, погибло	
				Умерло в по-селках в Арх. обл.	Умерло в лагерях (споря-мах)
Берген Иван Борисович	Александрталь	12	3	1	1
Бергман Генрих Иванович	Либенталь	7	4	1	2
Валь Иван Иванович	Шенау	5	1	2	1
Валь Франц Яковлевич	Муравьевка	7	6	0	4
Вибе Иван Иванович	Гротсфельд	6	2	2	2
Вибе Корней Иванович	Мариенталь	13	5	4	2
Гамм Иван Корнеевич	Ретгунгсталь	9	2	4	1
Гамм Яков Корнеевич	Гротсфельд	4	1	2	1
Гамм Генрих Корнеевич	Гротсфельд	3	1	1	1
Гамм Давид	Мариенталь	5	1	1	1
Гамм Давид Давидович	Мариенталь	2	0	0	0
Гардер Иван Борисович	Надеждино	2	1	0	1
Герц Вильгельм Андреевич	Муравьевка	8	2	2	2
Дик Яков Петрович	Александрталь	12	4	2	1
Дридгер Вильгельм	Муравьевка	2	1	0	1
Дридгер Эдуард	Муравьевка	3	0	0	0
Зуккау Иван Борисович	Шенау	6	2	1	2
Зуккау Иван	Надеждино	4	2	1	2
Классен Дмитрий Петрович	Шенау	7	2	0	2
Классен Иван Петрович	Ретгунгсталь	8	2	2	2
Классен Эдуард Петрович	Ретгунгсталь	8	2	1	1
Маттис Бернгард	Александрталь	8	3	2	2
Реймер Франц	Мариенталь	6	4	2	2
Ризен Гергард Яковлевич	Гротсфельд	4	1	2	1
Ризен Яков Яковлевич	Муравьевка	10	3	3	3
Ризен Бернгард Бернгардович	Мариенталь	5	2	2	1
Ризен Герман Бернгардович	Гротсфельд	9	1	3	0
Тевс Иван Яковлевич	Мариенау	7	2	1	1
Тиссен Бернгард	Орловка	9	4	1	2
Франц Герман Иванович	Либенталь	6	2	1	1
Эпп Рудольф Иванович	Шенау	6	3	2	1
Янцен Густав Густавович	Мариенталь	4	1	1	1
Янцен Генрих Генрихович	Шенау	7	3	3	2
Янцен Гергард Генрихович (в)	Мариенталь	5	2	2	2
Янцен Давид Давидович	Мариенталь	4	2	0	2
Янцен Гергард Иванович (н)	Мариенталь	8	1	0	1
Всего:		231	78	52	52

3 История семьи Вибе. Наша родословная

Все, что описано до сих пор, непосредственно касается наших далеких и более близких предков, носивших фамилию Вибе. Их жизнь, их переживания неразрывно связаны с историей меннонитов, все Вибе были меннонитами. Они были частью этой среды.

Фамилия Вибе широко распространена как в Европе, так и в Новом Свете – Америке, США и Канаде.

Первые исторически достоверные сведения о предполагаемом родоначальнике нашей родословной ветви, Адаме Вибе, почерпнуты из трудов историка Хорета Пеннера. Адам Вибе был строителем гидротехнических сооружений в Голландии в конце XVI, начале XVII столетия. В 1616 году он появляется в Данциге, в Западной Пруссии. Здесь он становится известным проектировщиком и строителем плотин, каналов, водопроводных систем, артезианских колодцев, водных фонтанов. Он строит мост через реку Вислу в районе Данцига. Здесь он изобретает канатный транспортер для перемещения грунта. Одаренность и трудолюбие обеспечили ему широкую известность далеко за пределами Данцига. Его приглашают в Ригу, Варшаву. Сам король Польши просит его услуг. Но этот гениальный человек пренебрегает славой и богатством, все свои силы и способности отдает родному городу. В архиве Данцига сохранилась гравюра Адама Вибе. Гениальность его подчеркивают чистые яркие глаза, сросшиеся на переносице брови. Несмотря на гениальность и трудолюбие, Адам Вибе не стал богатым, а в наследство своим сыновьям оставил лишь непоплаченные долги. Умер он в 1651 году.

Фото 6. Johann Wiebe 1806 – 1872 и Margarethe Hamm 1814 - 1885

Известно, что Адам Вибе имел, по крайней мере, двух сыновей. Старший сын Абрахам продолжил дело отца, стал гидротехнологом.

На этом сведения обрываются. Непосредственная связь между Адамом Вибе и нашими предками не прослеживается.

И все же такую связь я лично вижу в проявлении отголосков качеств этого гениального предка в моих братьях: Иване и Гергарде*, ставших со своим неполным средним образованием признанными изобретателями, конструкторами деревообрабатывающего оборудования. Да и характерные для нашего рода, сросшиеся на переносице брови, разве не указывают на историческое наследие?

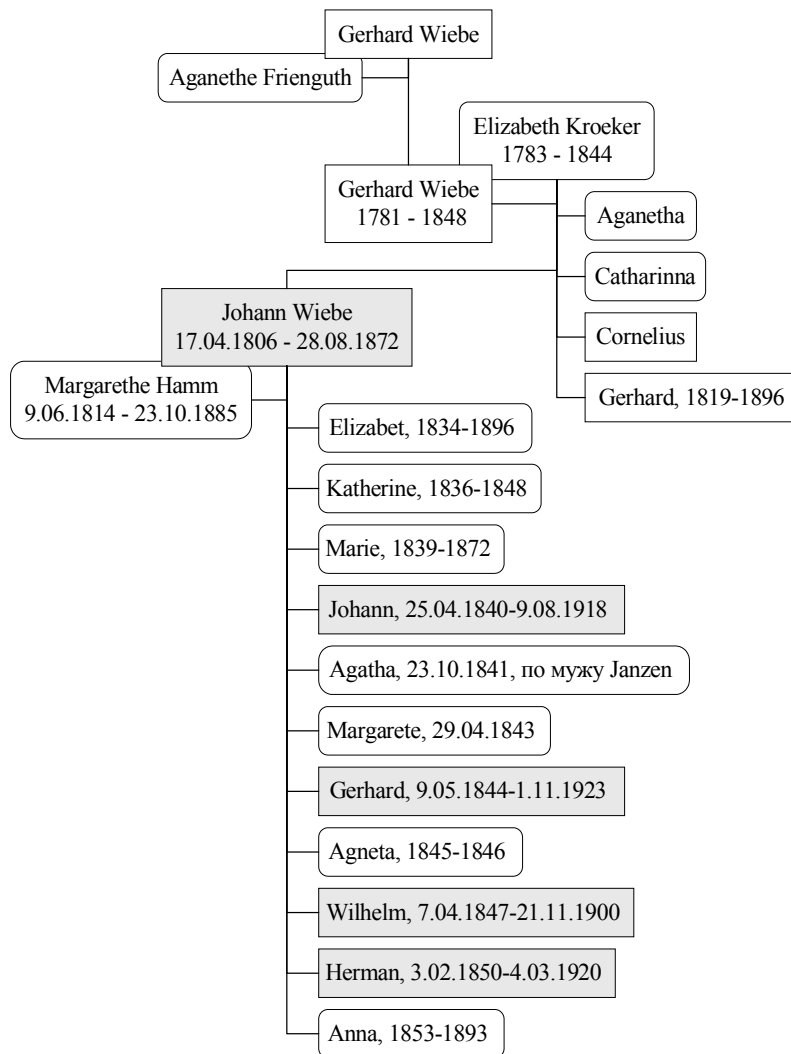
3.1 Семья моего отца

Достоверная, основанная на фамильных записях и других архивных документах

* Да и в самом авторе этих воспоминаний, нашем отце. (Эта и другие сноски сделаны составителями).

родословная нашей фамилии Вибе начинается с Иоанна Вибе (Johann Wiebe) (1806 - 1872). Его родителями были Гергард Вибе (Gerhard Wiebe) (1781 - 1848) и Элизабет Крекер (Elizabeth Kroeker) (1783 - 1844).

Его бабушка и дедушка по отцовской линии были Gerhard Wiebe и Aganethe Frienguth, но о них мы знаем очень немного, неизвестны ни точные даты рождения, ни даты смерти. У Johann'a было две сестры, Aganetha и

Catharina и два брата - Cornelius и Gerhard. Представляет интерес то, что Gerhard (1819 - 1896), эмигрировал в США в 1850 году. Он и его жена были бездетны, и эта ветвь семьи Вибе прервалась с их смертью.

Между 1868 и 1872 годами вся семья Иоанна Вибе переехала из Западной Пруссии в Россию, и осела в Самарской области. Глава семьи, Иоанн, вскоре после прибытия в Россию умер.

Многие меннониты переселялись из Пруссии приблизительно в это время. Это происходило по причине увеличивающегося давления на меннонитов: принуждения к участию в военных силах и нарушения их изолированного образа жизни. Российское правительство обещало им более высокий уровень независимости и освобождение от воинской обязанности.

Дальнейшую родословную мы рассмотрим по четырем ветвям, возглавляемым четырьмя сыновьями Johann Wiebe (1806-1872) и Margarethe Hamm (1814-1885), о которых у нас есть информация. Всего у них было 13 детей, несколько из них умерли младенцами или совсем молодыми, но имеется и несколько других, о которых мы просто не имеем информации. В основании четырех главных ветвей этого дерева семьи поставлены четыре сына Иоанна и Маргариты: Johann (1840-1918), Gerhard (1844-1923), Wilhelm (1847-1900) и Herman (1850-1920). Для автора этой Истории и его семьи большой интерес представляют и потомки их сестры, Агаты, вышедшей замуж за Генриха Янцен. Их внук Генрих (отец его тоже был Генрих), его жена Августа (рожденная Ризен) и их сыновья Рудольф, Эльмар и Генрих были большими друзьями нашей семьи. Мы с ними еще встретимся в этой Истории, т. к. наши жизненные пути были тесно связаны.

Фото 7. Семья Gerhard Wiebe

Слева направо, первый ряд: Justina, Gerhard, Elizabeth; второй ряд: Magdalene, Agatha; третий ряд: William, Gerhard C.

Наша родословная ветвь начинается со старшего сына Иоанна Вибе, Иоанна (1840-1918). Но сначала мы вкратце рассмотрим три ветви младших братьев, чтобы затем уже не прерывать более подробного изучения нашей родословной, начиная от ее родоначальника Иоанна Вибе (1840-1918) и до наших дней.

В книге «Wiebe Family Tree, потомки Johann Wiebe, 1806-1872, и Margarete Hamm, 1814-1885», написанной в Канаде Джоном и Эльзи Вибе в 1997 году, сравнительно много места отведено двум братьям - Гергарду и Герману, помещены их биографии. И, наоборот, очень мало сообщается о среднем брате Вильгельме и его семье.

Гергард (Gerhard) и Герман (Herman) Вибе были торговыми бизнесменами еще в Пруссии. По прибытии в Россию они занялись тем же сначала в Александртале, а затем и в Самаре.

Однако в России уже начинались изменения. Большинство семей меннонитов жили в сельской изоляции и не знали происходящих политических изменений.

Широкие же связи братьев с миром бизнеса вне меннонитских колоний, с различными политическими и деловыми кругами позволили им разглядеть надвигающуюся революцию, грядущие нарушения финансовой и экономической стабильности в стране. Они знали гораздо больше, чем большинство меннонитов о политических волнениях и неопределенности, которые форми-

Фото 8. Семья Herman Wiebe

Слева направо, сидят: Kathryn Wiebe (Johnson), Herman, стоит William, Marie Wiebe (Albrecht), Helen Wiebe (Classen), John, Ernest, Elizabeth Wiebe (Penner);
Стоят: Herman, Jakob, Gertrude Wiebe (Classen)

ровали новую Россию. Поэтому, меньше, чем через 25 лет жизни в России, они приняли трудное решение - оставить преуспевающий бизнес и вторично полностью начать все сначала. Теперь - в малоизвестной Америке. Они осели вблизи Beatrice, штат Небраска, а в более поздние годы их семьи распространились по всей территории США, и теперь их многочисленные потомки преуспевают в различных отраслях бизнеса в США.

Отклоняясь от последовательности повествования, хочу отметить любопытную деталь. Хотя наши предки были искусными земледельцами, они не игнорировали и другие виды деятельности, в частности торговый бизнес. Еще Иоанн Виебе (1806-1872) в свои молодые годы в Западной Пруссии, в Данциге, занимался им. Только будучи избран священником общины вне города Данцига, он занялся сельским хозяйством по месту духовного служения. Своему сыну Гергарду он дал основательную теоретическую и практическую подготовку в этой отрасли. Гергард стал преуспевающим бизнесменом еще до переселения в Россию. Позже, в начале 20-го столетия торговлей занялись братья Иоганн (1872-1936) и Корнелиус (1885-1931) Виебе, мои дядя и отец, стали организаторами и компаньонами «Торгового дома Гардер, Виебе и К^о». Но об этом еще впереди, а теперь вернемся к последовательности повествования.

Как уже упоминалось, о среднем сыне Иоанна, Вильгельме (1847-1900), в канадской книге написано очень мало. Бернгард Гардер в своей «Истории» упоминает Вильгельма Виебе, как поселившегося в селе Надеждино (Нойхеффунг). Из схемы видно, что у него было двенадцать детей, из которых семеро умерли младенцами и двое в молодости, не вступив в брак. Любопытную деталь я узнал из этой схемы: семья старшей дочери Вильгельма,

Фото 9. Семья Willhelm Wiebe

Слева направо, сидят: Margarethe Wiebe Sukkau, Maria Wiebe Hamm, Helene Reimer Wiebe, Maria Wall Wiebe, стоит Auguste Wiebe;
Стоят: Johann Sukkau, Cornelius Hamm, Abram Wiebe

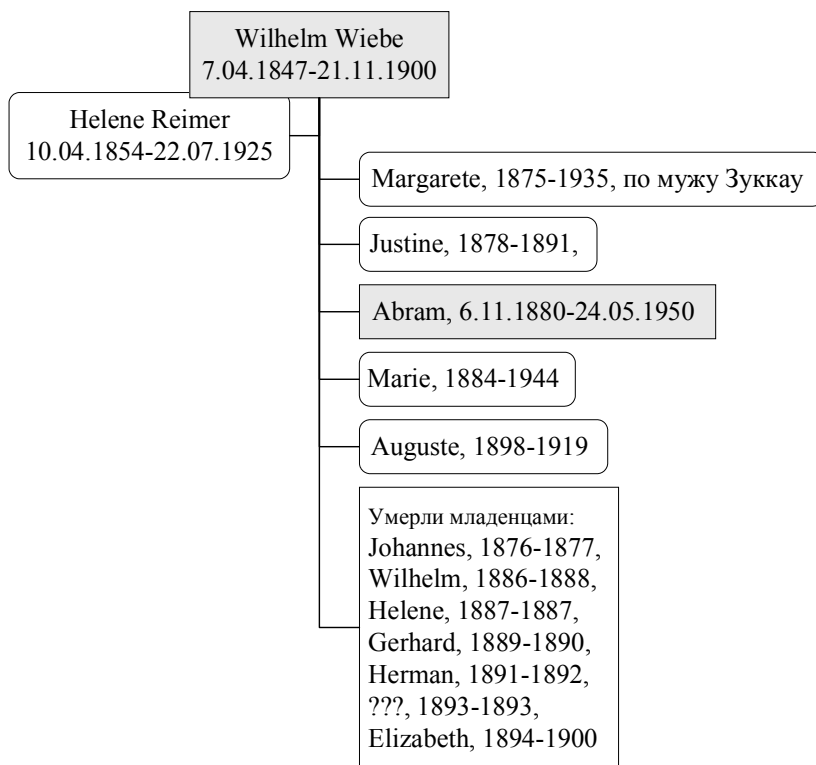
Маргариты, вышедшей замуж за Ивана Зуккау, мне хорошо знакома. Она была выслана вместе с нами в Архангельскую область. Их дочь Маргарита (1905-1930) умерла в один день, 21 мая, с моей сестрой Агатой, и они похоронены в одной могиле в глухой Архангельской тайге. Отец, Иван Зуккау, сыновья Вильгельм и Иван, были репрессированы и расстреляны со многими другими, в том числе и с моей матерью, в 1938 году. Зная хорошо эту семью, я не знал, что мы родня.

Единственным продолжателем фамилии Виебе в этой ветви был сын Вильгельма, Абрам (Abraham Wiebe).

У него было 10 детей, двое из которых умерли младенцами. Абрам Виебе с молодой женой Марией в 1909 или 1910 году переселились из Александртальской колонии в Башкирию, селение Сурово (50 км от Уфы), купив землю у богатой наследницы помещика Суорова. Там же тогда купили земельные угодья и другие колонисты из Александрталя, в т. ч. и брат моего отца Гергард, и брат моей матери Абрам Гамм. Хозяйство Абрама Виебе в Сурове быстро и успешно развивалось, достигнув высшего расцвета в годы НЭПа. Но, подобно братьям своего отца, Гергарду и Герману, эмигрировавшим в США, Абрам, предвидя мрачную перспективу жизни в России, продал свое преуспевающее хозяйство, всей семьей, с четырьмя детьми, в конце 1924 года

эмигрировал в Канаду. Первые годы на новом месте были трудными, но снова они создали фермерское хозяйство и успешно развили его. В Канаде у Абрама и Марии родилось еще пятеро детей. Теперь там в разных районах от Восточного до Западного побережья проживает многочисленное потомство ветви Вильгельма Вие, в том числе два сына Абрама – Вильям (Вильгельм) и Джон (Иоанн), с которыми у меня установилась родственная переписка. Жена Джона, Эльзи, и является главным инициатором и исполнителем составления Истории семьи Вие. До начала работы над этой историей мы ничего друг о друге не знали.

К 1927 или, самое позднее, к 1929 году стало невозможным покинуть Россию и эмигрировать в другие страны. Это было начало самой резкой обработки российских людей под властью Сталина.

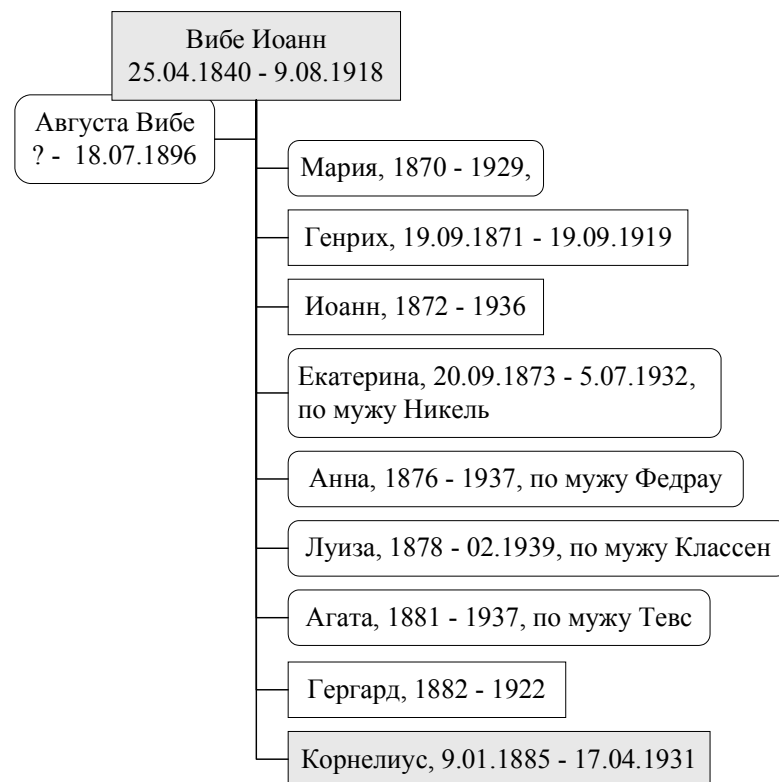

Интересно, что и проживающие в Америке потомки трех братьев Вие, до начала работы над семейной историей, мало что знали друг о друге, не общались между собой. Только в августе 1997 года они организовали встречу в США, участники которой, более 100 человек, впервые познакомились. Копию фотографии той встречи хочу сделать достоянием всех читающих эту Историю. (См. в конце книги).

Теперь перейдем к истории нашей ветви родословного дерева Вие, родоначальником которой был старший из четырех братьев, Иоанн Вие (1840-1918).

Написать эту историю, не имея никаких семейных записей, ни другой информации о жизни дедушки Иоанна, его детей и их семей, задача трудно решаемая. О том, что такие семейные записи в двух объемных блокнотах были у моего отца, но при его аресте в июне 1930 года изъяты и уничтожены, я уже упоминал. Восстановить эти записи невозможно. Содержание их я не помню, так как сам никогда не читал, а рассказы о них родителей и старших сестер и брата, если когда-то и слышал, тоже не помню.

И вот как чудесно складываются обстоятельства, какие уроки дает нам история, мудрые действия наших предков. В процессе сбора информации о различных ветвях и их представителях широко разветвленного семейного дерева Вие, авторы Истории Эльзи и Джон находили все новых представителей, и через них открывали все новые страницы. Так в Канаде отыскивались престарелые дети Генриха и Катерины Никкель, внуки моего деда Иоанна Вие (1840-1918), по его дочери Катерине (1873-1932), рожденной Вие: 96-летний Корнелиус Никкель и 94-летняя Анна Фаст, рожденная Никкель. Через них вышли на хранящиеся в музее в провинции Манитоба записи деда Иоанна (1840-1918), сделанные им в марте 1916 года, и содержащие информацию о нем самом, его детях и внуках, родившихся до 1915 года включительно.

Кроме нужной для истории информации, я извлек из этого случая и хочу передать своим детям, внукам, племянникам и последующим потомкам жизненно важные уроки:

1. Престарелый, 76-летний, больной астмой дед оставляет своим потомкам записи о себе, своих детях и внуках. Очевидно, такие записи дед готовил каждому из своих сыновей и дочерей, хотя два блокнота семейной хроники хранились у младшего сына Корнелиуса. Не мог же дед тогда, до революции, предвидеть, что эти записи будут конфискованы и уничтожены. Какая забота о потомках, какая страховка.

2. Внуки, заботясь о сохранении исторических записей, сдают их оригиналы в музей, очевидно оставляя себе копии. Снова видим трогательную заботу о потомках, обеспечении их знаниями своей истории.

3. Авторы фамильной истории Эльзи и Джон проявляют достойное восхищения упорство в поисках представителей различных ветвей родословного дерева, обогащения Истории достоверной информацией, представляющей немалый интерес для потомков.

Если бы автор этих строк проявил бы такие старания в течение последних 15-20 лет, когда еще были живы двоюродные братья и сестры старшего поколения, 1900-1910 годов рождения, когда он сам был еще относительно здоров, насколько богаче могла бы быть эта История. Но, увы... Это запоздалые «если бы, да кабы...»

Продолжу повествование, вернее начну его, о жизни моего дедушки Иоанна Вибе, его детей, внуках и их семьях на основе имеющейся в наличии информации.

У дедушки Иоанна (1840-1918) и бабушки Августы родилось семнадцать детей, с 1868 по 1891 годы, из которых восемь умерли младенцами. Эти девять собрались с мест своего жительства в Александрталь на свадьбу своего младшего брата Корнелиуса и Ренаты Фаст, моих родителей. Собравшихся возглавил отец семейства Иоанн Вибе, с некоторыми были их жены. Мы всех их видим на фотографии:

Фото 10. Семья Вибе Иоанна

Слева направо, сидят: Иоанн Вибе, Мария, Луиза Классен, Иван, Магдалена (жена Ивана), Флорентина (Япс, жена Гергарда), Гергард.

Стоят: Катерина Никкель, Агата Тевс, Генрих, Анна Федрау, Рената (Фаст, жена Корнелиуса), Корнелиус.

О бабушке Августе не располагаю никакой информацией. Знаю только от своих старших сестер, что она умерла, когда ее младшему сыну, моему отцу, было 10 лет.

Дедушка, как видно из его записей, был очень энергичным и предприимчивым человеком. Очевидно, до переселения в Россию (1870) он имел приличное состояние, вероятно доставшееся ему от своего отца. Дедушка не поехал, как многие в «неизвестную Россию», не видя, что ждет его самого и его семью на новом месте. Сначала он предпринял основательную «разведывательную» поездку. Вот что он пишет в своих записях об этой поездке. *

.....

Семьи, как и у большинства колонистов, у наших родителей были большие. В семье нашего отца было пять сестер: тети Мария, Анна, Катя, Луиза и Агата, и четыре брата: Иоанн, Гергард, Генрих и Корнелиус (мой отец).

О каждом из них, об их жизненных путях, семьях, можно было бы написать отдельно повести, очерки. Остановлюсь лишь кратко на сестрах отца.

Старшая сестра, тетя Мария, в детстве болевшая то ли менингитом, то ли полиомиелитом, осталась пожизненным инвалидом, у нее была полностью парализована правая половина тела. Долгое время она жила у нас. Взаимоотношения у нас, детей, с тетей Марией были исключительно дружественными. С трудом передвигаясь при помощи специально для нее сделанного инвалидного стула, она играла с ними в самые различные детские игры, вплоть до прятков, хотя прятаться, забираясь под кровать, она, конечно, не могла.

Как она могла искренне забавляться и веселиться с нами, несмотря на свое трагическое состояние. Никогда эта, казалось бы горемычная, а в нашей памяти милая, удивительно жизнерадостная тетя Мария, не сидела праздно, постоянно была чем-то занята: шитьем, вышиванием, починкой, проявляя удивительную изобретательность в приспособлении своих неподвижных рук, и выражая буквально детский восторг и радость каждому успеху, результату своего труда.

Умерла тетя Мария уже после нашего выселения из колонии.

Тетя Анна, фамилия по мужу – Федрау, несла тяжелый жизненный крест. Муж ее, отец двух ее детей, Августы и Ивана, стал душевнобольным, и последние годы жизни провел в психбольнице в Самаре, где и умер. Сын Иван в молодости заболел туберкулезом костей и умер в 1921 году в возрасте около 20 лет. Жили они тоже в нашем доме. Видимо, отец наш, самый младший в семье, для своих сестер был самым любимым, заботливым.

Августа получила высшее образование, стала учительницей, вышла замуж за Бернгарда Матисс, свадьба их справлялась в нашем доме. На их золотой свадьбе в Караганде в 1973 году был и я со своими братьями, Иваном и Гергардом и сестрой Катей. Они так и остались бездетными.

Последние годы, с 1924 года, тетя Анна жила в доме зятя и дочери, с ними жила и тетя Мария. Умерла тетя Анна тоже после нашего выселения на север, в 30-е годы, в г. Кировске, Мурманской обл., где жила ее дочь с мужем.

Тетю Катю помню очень туманно. Не помню и их семью, за исключением одной дочери Кати, которая появилась в нашей колонии со своей семьей в 1928 или 1929 году.

Тетя Катя была замужем за меннонитом из южных колоний, из Украины. Фамилия по мужу – Никкель.

* На этом записи отца (что есть у нас) обрываются... Дальше – снова из Воспоминаний.

Вся многочисленная семья, кроме Кати в 1920-25 гг. выехала в Канаду, связь прервалась в 1930-е годы. Судя по присланным фотографиям, жили они в Канаде на своей ферме хорошо: большое благоустроенное подворье, жизнерадостные интеллигентного вида прилично одетые члены семьи.

Связь с семьей Никкель в 30-е годы прервалась в связи с репрессиями за родственников за границей и больше не возобновлялась.

Уже сейчас в Канаде отыскивались престарелые дети Генриха и Екатерины – 96-летний Корнелиус и 94-летняя Анна Фаст (урожденная Никкель). Через них вышли на хранящиеся в музее провинции Манитоба записи Иоанна (1840-1918), сделанные им в марте 1916 года и содержащие информацию о себе, своих детях и внуках, родившихся до 1915 года включительно.

Дочь тети Кати, тоже Катя, была замужем за меннонитом Украинской колонии Яковом Абрамовичем Фаст. Жили в колонии с 1928/29 гг., видимо в результате каких-то преследований, возможно за попытку покинуть Россию, до этого - на Украине. Какое-то время жили у нас, затем у соседей Регер. Остались они в колонии и после нашего выселения.

Из трех их сыновей наибольший интерес представляет младший, Абрам, ставший впоследствии, в результате побега из трудармии и участия в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, Корчагиным Иваном Ивановичем. К сожалению, мы с ним после 1930 года не встречались. Живет он в Копейске.

Тетя Луиза вышла замуж за вдовца Иоанна Классен, имевшего двух детей, Давида и Елену. Совместных детей у них было шестеро: пять дочерей и один сын. Двоюродного брата Корнея я почти не помню, он умер в юношеском возрасте. Наиболее дружественные взаимоотношения у нас сложились с ныне здравствующими сестрами Эрной (Гардер), Луизой, Агнессой и Ядвигой.

Вся семья Классен характерна своей образованностью. Все, кроме Луизы, получили высшее образование. Старший - Давид, образование получил в Германии. Вернулся в 20-е годы оттуда молодым ученым с невестой, однако вскоре после женитьбы умер от туберкулеза легких.

Тетя Агата получила высшее образование, работала учительницей в Мариентальской школе, часто бывала у нас. У нее учился наш брат Иван, и остался ей благодарен за привитую любовь к математике и физике. До 45 - 47 - летнего возраста Агата жила одна, замуж вышла в конце 20-х годов за вдовца Иоанна Тевс, в семью из шестерых детей, младшему из которых было 7 - 8 лет. С этой семьей, раскулаченной в 1930 году, тетя Агата и попала на Север, в Архангельскую область.

3.2 Семья моей мамы

Семья образовалась в 1885 году, когда Барбара Гамм, в девичестве Вибе, после смерти мужа, Генриха Гамм, умершего в Мариентале, вышла замуж за вдовца Якова Фаст. При образовании этой семьи у них было тринадцать детей, т. е. всего в этой семье их было двадцать два.

Генрих Гамм (Heinrich Hamm) участвовал в переселении в Россию вместе со своей семьей в 1862 году, в возрасте 14 лет. Выехали из Восточной Пруссии (?) 22.06.1862 г.

Фото 11. Семья Якова и Барбары Фаст, 1905 год

На фотографии, слева направо:

Первый ряд: стоит Генрих, сидят: Лиза Шмидт (Реймер), Агата Изак, Барбара Фаст (Вибе, Гамм), Яков Фаст, Анна – 1-я жена Юлиуса, Юстина – жена Якова, стоит Гермина Энс.

Второй ряд: Иоган Шмидт - муж Лизы, Эдуард Изак - муж Агаты, Гергард Фаст, Петер Фаст, Юлиус Фаст, Яков Фаст.

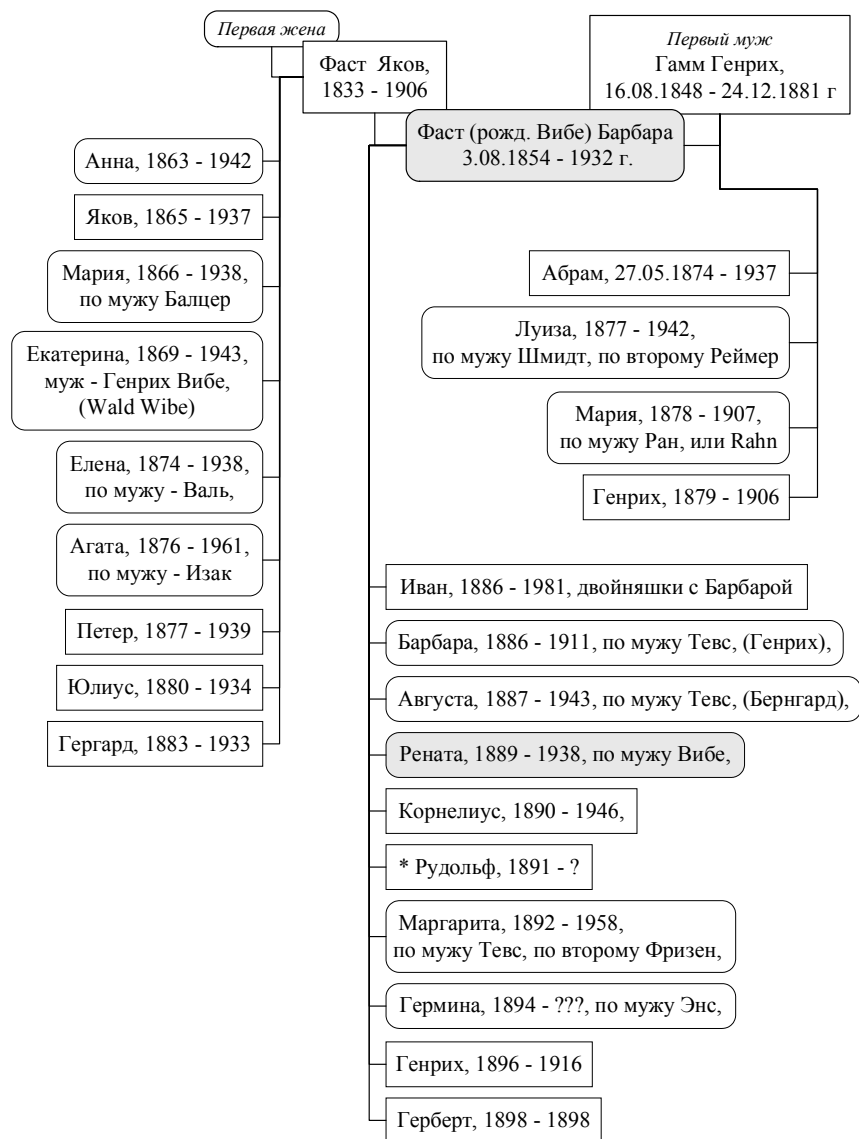
Третий ряд: Маргарита Тевс, Анна Фаст, Рената Вибе, Августа Тевс, Барбара Тевс, Иван Фаст, Корней.

Барбара маленькой девочкой, одиннадцати лет, тоже участвовала в переселении из Германии (?) в Россию.

Умерла в Самаре в 1932 году в возрасте почти 80 лет. В августе 1924 праздновали день рождения, на котором Эрна, дочь Ренаты, была сотым внуком бабушки Барбары. Своим двоюродным братьям и сестрам просто не знаю счета.

Приведу лишь краткие сведения о некоторых из детей этой семьи.

Абрам Гамм и Анна поженились в 1897 году. Во втором браке у них всего было 14 детей, трое из них умерли в детстве. Абрам расстрелян в 1937 году в Омске.

Их дети, Гергард и Бернгард написали книгу «Eine Familie mit über 700 Kindern» («Семья из более, чем 700 детей»).

Гергард Гамм (Григорий Абрамович) жил по адресу: Латвия, Цесисский р-он, ст. Лигатне, дом Германе. Умер в Германии.

Генрих Гамм (Андрей Абрамович), женат на дочери Гергарда Ивановича Вибе и Юстины Япс - Анне, им написаны «Короткие Воспоминания из трудармии».

Жили в Эстонской ССР, Кохтла-Ярвесский р-он, совхоз Мяэтогузе, дом 6. Ж/д станция Цыхви, автобус 114. Живут в Бонне.

Лица Шмидт - Реймер умерла в Караганде в 1942 году

Семья Якова Фаст была бедной, поэтому ее не сослали до переселения немцев в Казахстан, в 1941 году.

Первый, добрый, ребенок Екатерины - Рудольф считался 22-м ребенком семьи Фаст. После этого ее выдали замуж за Вибе (не родня, Wald Wiebe, т. к. он жил в лесу).

Лена Валь. Жили в Холмолеево со своими четырьмя взрослыми дочерьми и сыном.

В Германии, в обществе, организовавшем сбор средств в помощь голодающим в России, была проживавшая в Германии дочь Франца Валь - Лица, которой он сообщал адреса нуждающихся с ходатайствами об оказании помощи. Помощь этого немецкого благотворительного общества была сильной поддержкой, без которой многие бы не выжили. Позже, в 1938 году, эту помощь обратили в массовые обвинения в шпионаже и контрреволюционной деятельности. В числе первых жертв были и Франц Валь и его жена Лена, а затем и вся их семья.

По следственному делу № 22083 вместе с Ренатой Яковлевной проходила и ее сестра, Елена Яковлевна, и тоже была расстреляна; ее дочь Рената была оправдана, но позже все-таки была осуждена на 10 лет; муж Лены - Рудольф Тиссен, был расстрелян; еще одна их дочь, Катя со своим будущим мужем, Францем Тиссен дружили еще до ареста, и после 10 лет срока они с большими трудностями встретились и поженились. Его после заключения в лагерях Воркуты отправили на поселение в Акчатау, в Казахстан. Она отбывала срок в Кемеровской области, а по окончании оставалась «под комендатурой», т. е. без права выезда.

Франц Валь до ареста сапожничал, в основном делал широко применяемые тогда по бедности башмаки на деревянной подошве, а зимой подшивал валенки. Еще в 22-м квартале, а потом и в Холмолеево, у него в учениках был и я.

Петер учился в Швейцарии, в библейской школе, вместе с братом Иваном. Старший сын Генрих там и родился.

Их дети: Фрида, Лена и Катя живут в Форцхайме, Германия, старшая Шарлотта - в Канаде, Генрих жил в Латвии, умер.

Барбара рано умерла, ее муж Генрих Тевс женился на ее сестре Маргарите Фаст.

Корнелиус Фаст. Жили в Мариентале, напротив школы.

Его старший сын, Петр, служил всю войну в действующей армии, что было крайне редким явлением для немцев. Живет в Плесецком районе Архангельской обл.

Андрей живет в Копейске, где всю войну служил (отбывал) в трудармии, работая в угольных шахтах.

Обе эти семьи, Якова Энса и Корнея Фаста, то ли в результате какой-то несправедливости при наделении землей, то ли по другим причинам имели весьма скромные подворья, жили значительно беднее остальной родни. По этой причине они не попали под раскулачивание и прожили в Александровской колонии до войны, до переселения всех немцев в Казахстан.

После ранней смерти жены, Барбары Фаст, Генрих Тевс в 1912 женился на ее родной сестре - Маргарите. Семья очень большая.

Второй муж Маргариты - Иоганн Фризен, 1877, детей не было.

Их дети: Тереза в Германии, Элла в Свердловской обл., Вильгельм уехал в Америку.

Гермина Фаст – Энс. Жили в Реттунгстале

Их дети: Владимир умер в Копейске, Генрих живет в Копейске или уже уехал в Германию, Яков в Казахстане, Тереза в Германии, тройняшки - Вильгельм, Зельма и ??? - в Германии.

Генрих, 1896 – 1916, самый молодой. Погиб на войне в Турции, где служил в каком-то стройбате без оружия.

4 Вибе – Фаст, наша семья

Вибе Корней Иванович, 9.01.1885 - 17.04.1931 г.

Жена - Вибе (в девичестве - Фаст) Рената Яковлевна, 28.01.1889-11.11.1938 г.

Дети - Екатерина, 20.07.1910 - 21.11.1995

Луиза, 18.02.1912 - 21.11.1931, умерла от тифа

Иван, 21.09.1913 - 08.01.1986,

Агата, 25.05.1915 - 21.05.1930, умерла от менингита

Маргарита, 04.03.1917

Корней, 16.08.1918 *

Андрей, 29.05.1920 - 07.03.1989

Гергард, 28.05.1923 - 21.01.1976

Эрна, 26.08.1924

Альфред, 22.07.1927 - 07.06.1930, умер от менингита

Вильгельм, 24.07.1929 - 08.06.1930, умер от менингита

Наша семья жила в селе Мариенталь в доме, в котором родилась и выросла наша мама. Этот дом отец купил у бабушки Барбары в 1914 - 1915 году. Начиная от Агаты, мы все родились в этом доме. Первые годы родители жили в селе Александрталь, где родились Екатерина, Луиза и Иван.

Корней Иванович родился в селе Шенау.

Поженились они 15 июня 1909 года.

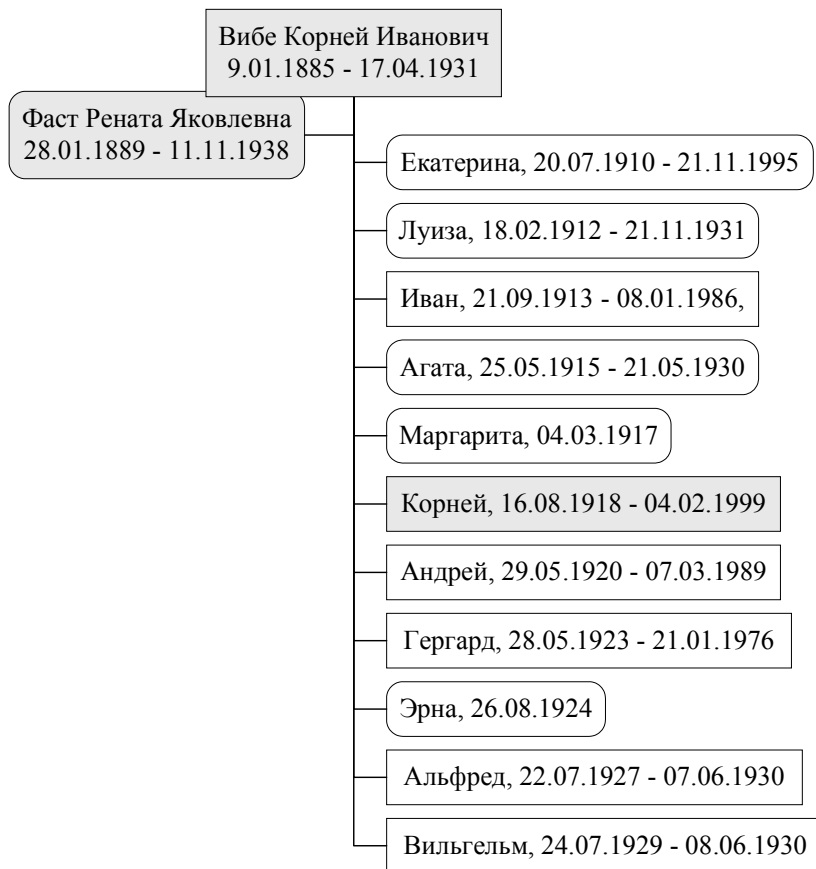
Фото 12. Семья Корнея Ивановича и Ренаты Фаст, ок. 1928 г.

Слева направо: стоит Агата, Рената Яковлевна с Альфредом на руках, Маргарита, Корней Иванович, перед ним Эрна, Корней, сидят на скамье Гриша и Андрей. Сзади стоят Луиза, Катя и Иван.

Наше село Мариенталь находилось в 5 - 7 км от районного центра, села Кошки. Желаящим найти место, где оно было, советую поездом доехать до

* Наш отец, автор этих Воспоминаний, умер 4 февраля 1999 года.

станции Погрузная, оттуда автобусом, можно и пешком, до села Кошки, а уж оттуда вниз по правому берегу реки Кондурча, на юг, километров 5. Это будет место, где стояла, да, пожалуй, и теперь стоит, Мариентальская школа, в которой мы учились. Там же, напротив, стоял дом дяди Корнея Фаст. Чтобы попасть на место, где стоял наш дом, надо повернуть от школы направо и пройти прямо на восток около двух километров. На карте село Кошки найдете на севере Куйбышевской области, на самой границе с Ульяновской.

Насчитывало наше село не более 30 дворов, но было растянуто на 3 - 4 км. Хозяйства в основном были крепкими. Подворья располагались как бы в хуторном порядке - вокруг каждого двора располагались пахотные и пастбищные земли каждого хозяйства.

Нашими ближайшими соседями была семья Регер. О Якове Регер, организовавшем в начале основания колонии кирпично-черепичное производство, уже шла речь. В наше время хозяевами там уже были его единственный сын, дядя Эдуард и его жена, тетя Агата, которые были значительно старше наших родителей. Дедушка Яков Регер, которому в конце 20-х годов было около, а возможно и за, 80 лет, никогда не сидел праздну. Всегда он что-то делал по

хозяйству. Больше всего помню его занятым столярным делом в своей мастерской.

Трагической была судьба наших соседей. Два взрослых сына, Вильгельм и Корней, и дочь Агата во второй половине 20-х годов один за другим умерли от туберкулеза легких.

Эта болезнь вообще была очень распространена в колонии, что видимо было следствием недооценки вопросов охраны здоровья. Бани немцы не строили, купания устраивали в корытах. Зимний рацион изобилывал мясом и животными жирами, овощи в него почти не входили. Дома были слишком затенены деревьями, препятствовавшими проникновению солнечных лучей в жилые помещения. Способствовали заболеваниям и браки между близкими родственниками, причиной которых были ограниченные размеры колонии.

Нашу семью эти коварные болезни обходили стороной. До рождения одиннадцатого ребенка не было случаев заболеваний, грозящих смертельным исходом. В этом была, безусловно, заслуга наших родителей, приучавших нас с раннего возраста к физическому труду на свежем воздухе, не допускавших переедания. Наш дом хорошо просвечивался солнцем. Игры, как летом, так и зимой, в основном проходили вне дома.

Наш отец был широко образованным, эрудированным человеком, свободно объяснялся (устно и письменно) на немецком и русском языках. Последний он знал тоже в совершенстве. С татарами из окружающих деревень он свободно разговаривал на татарском языке.

В империалистическую (1-ю мировую) войну какое-то время служил в санитарных частях царской армии (без оружия). Помню, что у нас дома были фотографии отца в форме военного санитаря. Отец был очень красивым и стройным.

Фото 13. Корней Иванович Вибе

Трудолюбию и работоспособности отца не было предела. Никогда он не бывал праздным. Содержать такую семью, накормить и одеть всех – это без упорного труда всех членов семьи и, прежде всего ее главы, было бы просто невозможно. Близко знавшие отца рассказывали имевший место эпизод в начале 20-х годов. Отца мучила малярия, ежедневно в самый разгар хлебоуборочных работ, сваливая его приступами. Так он, работая в поле и чувствуя приближение приступа, рвал и съедал пучки полыни, горечью ослабляя силу приступа. Работу в поле он не прекращал.

Он был совершенно лишен стремления к наживе. В любом деле преследовал, прежде всего, пользу для общества. Ярким подтверждением этому служит то, что будучи много лет одним из ведущих компаньонов торгового дома

«Гардер, Вибе и К°», осуществлявшем в крупных объемах завоз из-за границы сельскохозяйственной техники и торговлю ею, он не нажил капиталов. Больше всего отец подавлял в нас проявления жадности, зависти, прививая доброжелательность, скромность, любовь к ближнему.

Мама не уступала отцу ни в красоте, ни в трудолюбии, ни в других добродетелях. Если отец был строг, иногда до жестокости, то мама была очень кроткой, с огромным запасом душевной доброты, распространявшейся не только на родных и близких, но и на всех окружающих и встречающихся.

На ее плечах лежало все домашнее хозяйство. А это был огромный объем работы. Сюда входили: приготовление пищи, уборка помещений, уход за малолетними детьми, шитье, чинка и стирка одежды и белья для всей семьи, дойка коров, переработка молока, кормление домашней птицы, сбор яиц, да еще масса садовых дел летом.

Уже только то, что в доме долгое время жили тетя Анна с детьми, тетя Мария, нуждавшаяся в постоянной помощи калека, при многочисленных своих малых детях, а мы никогда не замечали недовольства мамы, разногласий или ссор ее с золовками – уже дает нашей маме характеристику не только добрейшего, но и очень сильного духом человека.

Отец и мать, как и большинство меннонитов - колонистов, были убежденно верующими и глубоко нравственными. В этом духе они воспитывали и своих детей. Из нас не надо было «выбивать» признания в совершенных неблагоприятных, нечестных поступках. Собственная совесть не давала покоя, и мы, освобождаясь от мучивших ее угрызений, признавались сами, даже не пытаясь избежать заслуженных наказаний.

Хозяйство у нас было большое. Уже в мою бытность, к концу 20-х годов у нас было 7 - 8 лошадей, 10-12 коров, десятка два овец. Ежегодно осенью резали 2 - 3 свиньи, 2 - 3 бычков. Мясо все перерабатывалось: изготавливались и коптились колбасы, окорока, готовились зельцы, различные полуфабрикаты. До середины 20-х годов домашним способом изготавливались масло и сыр.

Кроме пахотных земель, на которых выращивались зерновые, картошка, бахчевые культуры, (к сожалению, не могу назвать площадь земельных угодий), около дома был солидный сад с 10 - 12 яблонями, ягодными кустарниками, обеспечивающими потребности семьи в вареньях, компотах, соленьях. Все работы по обработке земли, обслуживанию скота, переработке продуктов выполнялись самими. Это был «семейный подряд», порядок организации ко-

Фото 14. Мама, Рената Яковлевна, со старшими детьми: Катя, Луиза, Иван, Агата.

торого сегодня мог бы служить образцовой моделью. Со стороны привлекались работники на уборку урожая, человек 5 - 6 на неделю.

Хотя земля после революции и перешла в собственность государства, в пользовании у нас остались ранее принадлежавшие участки. На них мы были обязаны выращивать высокоурожайные сорта зерновых, в частности пшеницы, и сдавать весь урожай государству для обеспечения других регионов страны сортовыми семенами. Для собственного употребления государство продавало нам взамен какое-то количество бессортного продовольственного и фуражного зерна. Так использовался опыт немцев - меннонитов по выращиванию высокоурожайных зерновых культур.

Сельхозинвентарь, продуктивный и рабочий скот вплоть до 1929 года, до массовой коллективизации, оставались нашей собственностью.

Хотел бы что-то поведать о семейном бюджете, да, к сожалению, не имею сам никакого представления. Основной статьей доходов, очевидно, была выручка от продажи государству сортовой пшеницы. Сдавались на заготпункт и шерсть и кожи. Еще помню, что в начале 20-х годов продавали сливочное масло и сыр собственного производства. Позднее молоко уже сдавали на маслозавод и сыроварню. В весенне-летний период это составляло ежедневно по три - четыре 30-литровых фляги. Мясо и мясопродукты, насколько помню, не продавались.

Денежные расходы были, видимо, очень небольшими. Питались полностью продуктами собственного производства. Часть одежды и обуви (шубы, валенки, платки, носки, варежки) тоже изготавливались из собственного сырья.

Жили мы очень экономно.

Дети с 6-7-летнего возраста уже вовлекались в посильные им работы по хозяйству, в поле. Девочки помогали матери по домашним делам, нянчили малышей, рано приучались к шитью, вязанию, дойке коров, полевым и огородным работам. Мальчики привлекались к работам по уходу за рабочими и продуктивными животными, полевым работам. Семилетними мы уже самостоятельно пахали, а пахота производилась двухлемешным плугом, в который запрягали 4-5 лошадей. Хорошо помню, как мы со старшим братом Иваном жали хлеба самовязкой. Тринадцатилетний Иван управлял агрегатом, а я – четырьмя впряженными в самовязку лошадьми. И работали не сколько хотелось, а весь крестьянский рабочий день. И так всю страду.

Конечно не обходилось без игр и веселья, которые как бы сливались с работой, дополняли ее, не оставляя времени на празднотания.

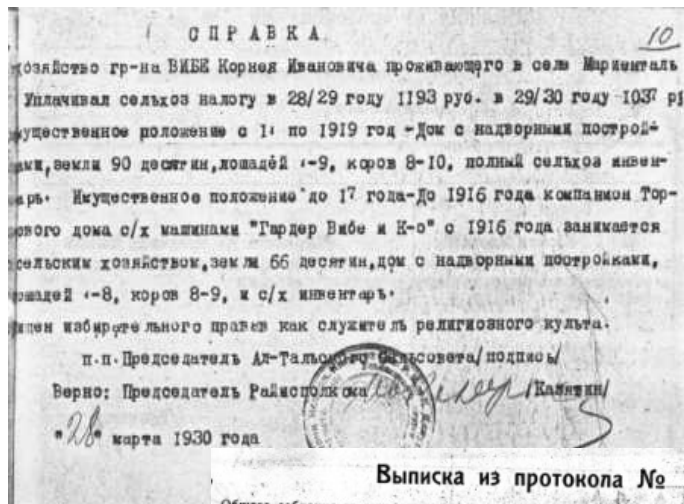
Хорошо помню день своего рождения, когда мне исполнилось 8 лет. Приехали двоюродные братишки и сестренки, и мы, включая и их, гостей, весь день ставили снопы в сулоны. На игры оставались обеденный перерыв и вечер.

Интересные, разумные игры, способствовавшие физическому и умственному развитию, организовывались и всемерно поощрялись родителями.

Да, к добросовестному и упорному труду, честности, нас приучали с малых лет. Больше всего признателен я своим родителям именно за это. Привитое ими трудолюбие и высокое чувство долга – вот что удержало меня на поверхности во всех жизненных бурях.

Школа в селе была только начальная. Преподавание в ней вплоть до 1928 года велось на немецком языке. Все старшие до меня получили в этой школе начальное образование. Для четырех сестер на этом учеба и закончилась. Один Иван продолжал учиться в средней школе уже в другом селе. Он был очень способен и трудолюбив. Особенно силен он был в математике и физике.

Я пошел в школу осенью 1926 года, в возрасте 8 лет. Первые два года обучение шло на немецком языке, а уже в третьем классе учителя-немца сменила русская учительница. Русским языком мы владели очень слабо, хотя отец знал его в совершенстве. На третьем классе моя учеба в школе прервалась событиями, внесшими коренные изменения в нашу жизнь.

Брат Андрей в этой школе учился только в первом классе.

До школы от нашего двора было километра 3 по конной дороге, напрямую же, пешеходной тропинкой было всего 1,5-2 км. Осенью и весной мы в школу ходили пешком, этой тропинкой. С наступлением же холодов, снегопадов и метелей, когда тропинку заметало, мы ездили в школу на санях - розвальнях. У школы была конюшня, в которой оставалась лошадь до окончания уроков. Так было заведено, начиная со старших.

Когда я пошел в школу в первый класс, Иван уже учился в другом селе, и в мои обязанности в течение трех зим входило кучерство при поездках в

школу. Надо было запрягать и выпрягать лошадь дома и в школе, там ее вовремя накормить и напоить.

Летом 1929 года Корней Иванович вступил в организованный в колонии колхоз. Разумеется, весь скот, надворные постройки и сельхозинвентарь были обобществлены. Но производство продолжалось без существенных изменений, как бы по «семейному подряду». В наших надворных постройках содержался тот же рабочий и продуктивный скот. Обслуживание его обеспечивалось нашей семьей. Продукция сдавалась то ли на колхозные склады, то ли государству. На лошадях мы выполняли сельхозработы колхоза.

Не могу не отметить один эпизод, относящийся к осени 1929 года, свидетельствующий о высоком уровне чувства долга, чести и ответственности отца. Я пахал зябь. В двухлемешный плуг были запряжены 5 лошадей, на одной из задней пары которых я сидел в седле, управляя передними тремя при помощи вожжей. При этом постоянно надо было оглядываться на плуг, чтобы не оставалось «огрехов», чтобы и захват был нормальным и плуг не шел бы вхолостую. В случае засорения лемехов стерней, сорняками приходилось слезать с лошади, поднимать рычагом лемеха и очищать их. Пахота затруднялась еще и извилистостью границ поля, да и холодом (был я в варежках). Не всегда справляясь с управлением лошадьми, а иногда и несвоевременно очищая лемеха, допустил довольно много «огрехов». И вот, вижу, через поле идет отец, внимательно всматриваясь в пахоту. Подошел он ко мне, укоризненно покачал головой и сказал: «Как же мне теперь смотреть в глаза бригадиру? Когда мы с тобой пахали только для себя, можно было простить такое качество пахоты, – себе лично сделали плохо. А теперь плохо сделали обществу». Эти слова отца крепко и на всю жизнь врезались в мою память, несмотря на различное к ним отношение на последующих этапах жизни.

Очень непродолжительным оказалось наше пребывание в колхозе. В марте 1930 года начались массовые раскулачивания и высылки как из колонии, так и из окружающих ее русских, татарских, мордовских, чувашских и эстонских сел.

4.1 Высылка, жизнь на севере, новые репрессии

В первую партию раскулаченных и высланных в Архангельскую область попало больше 30 семей колонистов-меннонитов, в том числе и мы. В категорию «кулаков» наша семья попала по прихоти недоброжелателей из числа тех же меннонитов, затаивших обиду на отца за его бескомпромиссную принципиальность.

Вспоминая теперь те события 60-летней давности, самому трудно поверить, что такое могло быть. В мирное время, в мирный дом большой трудовой семьи с малыми детишками, врываются представители власти и объявляют о раскулачивании и высылке. На сборы дают несколько часов, жестко ограничивая количество увозимых с собой предметов личного туалета и домашнего обихода.

Отца нашего дома не было. Он, узнав, что выселяют семью старшего брата Ивана, поехал к ним в село Гротсфельд помогать собираться. Пока он, узнав и о нашем выселении, вернулся домой, у нас не оставалось уже времени мало-мальски осмысленно собраться. Представители власти, зорко следя за каждым нашим шагом, все время поторапливали, понукали. Много самого необходимого осталось брошенным в покинутом нами доме. Помню, отец спохватился уже в дороге, что не взял бритву.

Всю семью с относительно небольшим скарбом привезли на железнодорожную станцию Погрузная, где скопилось большое количество таких же семей для отправки к месту ссылки.

Будь у меня хоть немного литературных способностей, можно было бы интересно (вернее, жутко) описать «увлекательное» двухнедельное путешествие в «телячьем» вагоне под военизированной охраной.

В малом двухосном вагоне ехало пять семей, самая малая из которых состояла из шести человек. Если для маленьких детей стоящая в вагоне «параша» просто заменяла ночной горшок, то для подростков, а особенно для взрослых, она представляла серьезные неудобства. Большой романтики в этом путешествии для них не было. Тем более, что любоваться ландшафтом проезжаемой территории не было возможности, так как лишь в один люк вагона сверху проникал свет. Остальные люки, как и двери, были задраены и снаружи заперты на замки.

Итак, в апреле 1930 года (число не помню, а дневников, если они кем-то и велись, не сохранилось) целый состав со спецпереселенцами прибыл и выгрузился на разъезде «836 км» Северной железной дороги, не доезжая около 300 км до Архангельска. Были здесь русские и немцы, мордва и чуваша, татары и эстонцы - все из Куйбышевской области, в основном многодетные семьи. Оглядываясь назад, у меня создается впечатление, что раскулачивали не «мироедов», а детей.

С разъезда повезли нас в лес по зимней лесовозной дороге (тогда дороги были только санные), уже основательно раскисшей под весенним теплом. Вещи и малых детей везли на конных подводах, остальные шли пешком. Приехали (пришли) в поселок, состоявший из лесорубочных бараков, расположенных в 22-м квартале в 8 км от железной дороги.

То ли по инициативе наших отцов, то ли у наших начальников хватило такта, поселение в бараки в самом начале было произведено по национальному признаку. Бараки были расположены как бы тремя хуторками по 3 - 4 барака. Расстояние между этими хуторками было 2 - 3 км, сообщение лесными тропинками. В среднем хуторе в четырех бараках поселили только немцев и эстонцев, последних было всего 3 - 4 семьи.

Наша семья, в числе шести немецких и одной эстонской семьи была поселена в бараке № 10. Примерные размеры барака: 12-13 x 7-7.5 м. Потолок, сложенный из необстроганых бревен, был чуть выше голов наших отцов и взрослых братьев. По обе стороны из конца в конец барака тянулись двухэтажные нары, на которых, тесно прижавшись друг к другу, мы ночью спали, а в холодные дождливые дни просто валялись, так как деваться было просто некуда. В середине барака в одном конце находилась большая русская печь, а в другом конце стоял длинный стол, за которым по очереди семьями принимали пищу обитатели барака, которых было больше 50 человек. Учитывая отсутствие кухонь и других подсобных помещений, особого раздолья нам не было.

Большое беспокойство, особенно ночью, доставляли клопы, полчищами вылезавшие из нештукатуренных стен барака, потолочных бревен, досок на полу.

Хотя и не было голода, но питание нас, привыкших к крестьянской пище, не устраивало. В получаемом пайке преобладала соленая рыба. Рыбу, часть сахара и махорку, ее давали на взрослых мужчин, а все наши мужчины не курили, носили в ближайшие деревни Шожма и Лельма, до которых было около 15 километров, в обмен на картошку, овощи и молочные продукты. Походы в деревни сильно затруднялись бездорожьем. Шли по лесным тропинкам, большая часть которых проходила болотами, таща в рюкзаках драгоценную

ношу выменянных продуктов. Даже мне, 11-12-летнему мальчугану, пришлось много раз курсировать из лесного поселка в деревню Шожма с рюкзаком за плечами, наполненным туда - рыбой, сахаром, вещами, а обратно - выменянными продуктами. Норма моей ноши была полпуда, тогда как у 16-летнего Ивана норма была уже пуд (16 кг). Правда, Иван очень редко ходил на «промыслы», так как обязан был ежедневно работать.

Взрослые, старше 16 лет, работали на лесозаготовках и строительстве, а также на лесных складах, биржах, на разделке и окорке древесины. Спецодежда и обувь не выдавались, а свои быстро изнашивались, обновление исключалось вообще. Люди работали в рваной, часто промокшей одежде, мерзли. Такие условия быстро привели к массовым заболеваниям тифом и другими болезнями. Ни врачей, ни другого медперсонала на поселке не было. Удивительно, что в этих ужасных условиях было сравнительно мало смертей.

Наши старшие - Катя, Лиза, Иван и Маргарита - тоже переболели тифом, а сестры Агата и Маргарита и меньшие братишки Альфред и Вильгельм заболели более страшной болезнью - менингитом. Агата умерла 21 мая 1930 года. Похоронили ее на лесном погосте в 22 квартале.

Маму с больными Маргаритой, Альфредом и Вильгельмом 25 мая увезли в Вологду в больницу. С ними туда поехала моя двоюродная сестра, мамаина племянница, Наталья Валь в помощь маме по уходу за больными. Больных из 22 квартала на носилках вынесли до железнодорожной станции, там погрузили в санитарный вагон. Папу в этот вагон не пустили, и он поехал в Вологду пассажирским поездом, устроил там маму и Наташу на частную квартиру. В больнице они дежурили по очереди.

Братишки вскоре умерли один за другим. Мама с Наташей похоронили их в одной могиле. А где эта могилка, теперь никто не знает. Маргарита перенесла болезнь, выздоровела.

Говорят, «беда не ходит одна». Для нашей семьи, особенно для нашей мамы, 1930 год был тяжелейшим. Как только она все выдержала, пережила. Ко всем переживаниям весной 1930 года обрушилось самое страшное: арестовали отца, обвинив его в контрреволюционной деятельности.

Вернулся папа из Вологды 5 июня, и в тот же день был арестован. При аресте, конечно, производился тщательный обыск, изымались все письменное, печатное. Все ведь было на немецком языке, а обыскивающие языка не знали, и во всем усматривали контрреволюционную литературу и переписку. Изъяли тогда же и дневниковые записи прадеда, продолженные дедом, а затем и отцом. Эти дневники я никогда не читал, но хорошо помню их внешний вид. Это были два блокнота плотной мелованной бумаги в черном кожаном переплете, размером примерно 20x15 см, листов по 200 каждый. Исписаны они были убогими почерками прадеда, деда и отца. **Вот где, очевидно, имелась богатейшая информация, которой нам так не достаёт.**

С отцом были арестованы еще двое, примерно одного с ним возраста: Гергард Ризен и Иоанн Гардер, бывший компаньон торгового дома «Гардер, Вибе и К^о». Всех троих поместили в тюрьму в городе Каргополе (место казни Ивашки Болотникова).

О судьбе отца и его товарищей мы знали очень мало. Продержав несколько месяцев в Каргопольской тюрьме, их отправили в Архангельск. Оттуда мы получили одно письмо отца о том, что их содержат без конвоя в бараке с какими-то ссыльными, не вызывают на допросы и, кажется, что о них забыли. Очевидно, и продуктов им не давали, что я заключаю по тому, что отец просил дядю Ивана, своего старшего брата, приехать и по возможности привести

* на поселке, с поселка – особенность речи ссыльных из поселка

какую-нибудь пищу. Если бы их мало-мальски кормили, он никогда не стал бы просить продукты, зная, что у семьи они не лишние.

Дяде Ивану удалось-таки поехать в Архангельск. А было это очень непросто, так как без разрешения коменданта нельзя было выезжать или выходить за пределы поселка, а получить разрешение было тоже нелегко. Однако дядя Иван был очень пробивной.

Итак, собрав сухарей и еще кое-какие продукты, дядя Иван поехал в Архангельск, но ни отца, ни его товарищей там не нашел. Обитатели барака на левом берегу Двины поведали ему такую историю: видя, что о них забыли, а вероятнее всего и голодные, они решили напомнить о себе. Сходить к прокурору или в ОГПУ поручили отцу, хорошо владевшему русским языком. Как только они о себе напомнили, их тут же забрали. Больше никаких вестей от отца мы не имели.

Забегая вперед, скажу, что отца расстреляли в 1931 году. Об этом мы узнали только в 1989 году, уже в период моей работы над этими воспоминаниями. Подробности, каким образом я узнал о судьбе отца, да и матери, репрессированной в 1938 году, опишу позднее.

Весть об аресте отца застала нашу маму в Вологде с больными, умирающими детьми. Похоронив двух малышек и оставив выздоравливающую Маргариту на попечение племянницы Наташи, она вернулась в 22-й квартал в начале июля 1930 года. В конце июля вернулись и Наташа с Маргаритой.

В этой связи вспомнился один эпизод. Пользуясь тем, что Наташа была уже в Вологде, а самая тщательная проверка документов проводилась именно до Вологды, родители Наташи, дядя Франц и тетя Лена Валь, мамина сестра, решили устроить Наташе побег на родину, в Куйбышевскую область. Дядя Франц с необходимыми вещами, нелегально, без разрешения коменданта, отправился в Вологду, но был задержан по дороге и посажен самодуром комендантом в темный подвал для хранения рыбы. В этом совершенно темном, сыром и вонючем подвале его продержали целую неделю.

Тут мне надо оговориться. В начале, характеризуя свою родню, я указал, что родных по маминной линии с нами на север не высылали. Там все же была с нами одна семья Валь, маминной сестры.

Итак, осталась мама одна с восемью детьми, из которых только трое - Катя, Лиза и Иван (20, 18, 16 лет) были подмогой.

Жизнь в лесном поселке протекала страшно однообразно: горестно для взрослых и беззаботно, но не радостно, для нас, детей. Школы в поселке не было, и мы не учились. Наши обязанности ограничивались заготовкой и разделкой дров для отопления и приготовления пищи, да периодически изготовлением, «гонкой», дегтя из бересты для смазки кожаной обуви. Живя в густом лесу, мы трудностей в этих занятиях не встречали, хотя технология «гонки» дегтя не так уж и бесхитростна.

Еще одним сезонным занятием, как детей, так и пожилых, был сбор ягод. Сколько их там было! Особенно черники и брусники. С удовольствием вспоминаю эту ягодную страду. Перед глазами возникают картины лесных полян, пригорков, усеянных ягодами. Ползай потихоньку и загребай в корзину.

В лесном поселке 22 квартала мы прожили до начала 1932 года. Промышленное значение этой территории освоением лесных близлежащих массивов было исчерпано.

На разъезде «816км» Северной железной дороги, в 20-ти километрах южнее первоначального нашего поселения, организовывался крупный лесозаготовительный пункт, для обеспечения которого рабочей силой было решено поселить здесь спецпоселенцев - высланных «кулаков». Сюда уже с весны 1931 года перевели почти всех трудоспособных из 22 квартала и с железно-

дорожной станции Междудворье (там был еще один временный поселок, в котором жили высланные с Украины), на лесозаготовки и строительство нового поселка. Попали сюда и наши старшие: Катя, Иван, Лиза.

В 22-м квартале остались только старые и малые.

В период строительства поселка сестра Лиза заболела тифом. Ее увезли в Няндомскую районную инфекционную больницу, где она 21 ноября 1931 года умерла. Хоронили ее на Няндомском кладбище мама, Катя и Иван.

В начале 1932 года нас всех переселили на новый поселок Холмолеево. Лесной поселок, в котором прожили почти два года, стал необитаемым. В последующие годы мы еще приезжали сюда собирать лесные ягоды, малину, чернику, бруснику. При этом открыли непонятное тогда для нас явление. Несмотря на то, что бараки после нашего выезда простояли пустыми и не обогревались в 40-градусные зимние морозы, там осталась уйма живых клопов. Когда мы улеглись, а приезжали мы с ночевкой, истощенные, прозрачные клопы накинудились и вынудили нас покинуть барак и переночевать под открытым небом.

Хотя и на новом поселке жильем снова были бараки, но уже каждая семья имела отдельную комнату с отдельным входом в каждую из четырех комнат из общего коридора. Каждые две смежные комнаты отапливались одной русской печью с топкой из коридора. На лежанку этой печи забирались на обогрев, а то и просто посидеть или поваляться, с обеих комнат. Разумеется, все дела и разговоры в соседней комнате свободно наблюдались и прослушивались.

Жило нас в этой комнате, площадью около 15 кв. м, восемь человек. Правда, Иван с нами на поселке почти не жил. Он, как специалист шпалопиления, работал на других лесных предприятиях, где имелись шпалорезные установки. Навещал он нас периодически в выходные дни.

Характерно, что и здесь сказались укоровившиеся трудолюбие, организованность и честность, привитые молодежи немцев-меннонитов. Вскоре многие из них стали высококвалифицированными специалистами шпалопиления. Заведующие соседними шпалозаводами всеми мерами старались заполучить наших молодых людей, обеспечивавших высокую производительность труда и хорошее качество продукции. Заполучить же их было не так просто, так как комендант-энкавэдэшник* не хотел отпускать людей с поселка, стараясь направлять их на лесоповал.

Особо радоваться жизни у нас не было оснований. Теснота, конечно, создавала большие неудобства, но с ней, при нашей скромности и взаимной доброжелательности, можно было еще смириться. Больше беспокоило весьма скудное питание, вернее сказать систематическое недоедание, и ужасные условия работы наших взрослых, особенно женщин, на лесоповале.

Продукты выдавались по карточкам по очень скудным нормам, особенно на иждивенцев. У нас на двух работающих, Катю и Ивана, было шестеро иждивенцев - мама, Маргарита, Андрей, Гриша, Эрн и я. На выкуп этого, хотя и мизерного, пайка нужны были еще и деньги. А откуда было их взять? Запасов у нас не было. Значит вся надежда на заработки. Непосильная же, изнуряющая работа Кати на лесозаготовках оплачивалась очень скупо. Спецодержу и спецобувь, как и в 22-м квартале, не давали. Их тоже надо было приобретать самим.

Иван, приезжая на выходные дни, обязательно привозил хлеба и денег, урывая их из своих не избыточных пайка и заработка. В свои 18-20 лет Иван

* НКВД – Народный Комиссариат Внутренних дел

самоотверженно заботился о семье, отказывая себе в самом насущном. Он вообще, сколько его помню, был исключительно добрым, смелым и ловким.

Мама, чтоб содержать нас, брала заказы на шитье и этим пополняла семейный бюджет. А ведь на шитье по заказам надо было выкраивать и время и место. Какую только изобретательность не проявляла наша мама. Ведь одежда на нас изнашивалась, рвалась. Покупать новую, если и с трудом находилось где, то было не на что. Как она только ни латала, лепила, перекраивала изношенную, рваную одежду. И в каких условиях. В нашей комнате стоял один стол, который служил и кухонным, и обеденным, и рабочим для всех. Мы, пятеро младших, наконец-то стали ходить в школу, и за этим столом делали уроки. Катя тут же вечерами чинила, штопала свою рабочую одежду, тут же мама шила. А всем нам в длинные зимние вечера светила одна лампа-коптилка - круглый фитилек, пропущенный через жестяную трубочку в бутылку с керосином. Зажигать нормальную лампу со стеклом было редкой роскошью из-за дефицита керосина.

Нашими соседями в смежной комнате была семья дяди Ивана Вибе, старшего папиного брата, состоящая из шести взрослых членов семьи: самого дяди Ивана, трех дочерей - Маргариты, Екатерины и Клары, и двух сыновей - Эрнста и Ивана. Самый младший из них Иван был ровесником нашего Ивана. Оба сына были глухонемыми от рождения. Жена дяди Ивана, тетя Магдалена умерла еще в колонии, я ее и не помню, и хозяйкой в этой семье была старшая дочь Маргарита, ее все звали Мейта.

Как и в 22-м квартале, не поселке был комендант-энкавэдэшник, державший при себе помощника-писаря из числа спецпереселенцев. Выезжать с поселка без разрешения коменданта запрещалось. Правда, этот запрет часто нарушался, и в большинстве случаев эти нарушения сходили с рук. Но можно было и наскочить на каприз коменданта, который вообще мог творить любой произвол. Такой именно случай постиг нас с мамой, когда мы как-то собрались поехать в районный центр, в город Няндому, в 20 километрах по железной дороге, чтобы кое-что продать, купить, выменять продовольствие на вещи. Везли мы еще посылочный ящик, чтобы отправить его родным в Куйбышевскую область. Операция с посылочным ящиком требует пояснения. Родные периодически посылали нам почтовые посылки с продуктами, а посылочные ящики и материалы для их изготовления были очень дефицитными. Чтобы получить следующую посылку, ящик надо было вернуть.

Чтобы не посылать ящик пустым и обрадовать родных, особенно их детей, к предстоящим рождественским праздникам, мы упаковали в него разобранную рождественскую елку.

Только мы собрались садиться в вагон пассажирского поезда, а из него выходит наш комендант. Конечно, он нас тут же зацапал и повел в комендатуру. Там он и его помощник обыскали нас, вскрыли посылку и составили протокол обыска. Вскрыв ящик и достав из него елку, комендант диктовал своему помощнику-писарю: «...пиши, что вложенная в посылку елка означает, что кормят их хвоей – это агитация против Советской власти». Посадили нас с мамой в «холодную», и продержали сутки. Отделались мы еще очень легко. В 1937-38 годах так бы нам это не сошло.

Осенью 1932 года на поселке открылась школа. Маргарита, Андрей и я возобновили прерванную учебу - пошли соответственно в четвертый, второй и третий классы. Явными переростками для соответствующих классов были почти все школьники, а особенно немецкие дети, преодолевавшие еще и языковой барьер. Правда мы быстро овладели нужными знаниями русского языка, и в течение года вышли в лучшие ученики.

Легче было нашим младшим, которые до высылки не учились. Они сразу втянулись в учебу на русском языке. В их числе были и наши Гриша и Эрн, вместе начавшие учебу с первого класса в 1933 году.

Школа на нашем поселке сначала была неполная средняя, семилетка, но потом, кажется в 1934 году, стала начальной, 4 класса. Окончившие начальную школу и желавшие, вернее сказать, имевшие возможность, продолжить учебу, должны были ехать на спецпоселок Конозерный. Это в 7 км от станции Коноша по бывшей в то время Вельской ветке, ставшей в войну при нашем участии железной дорогой Коноша - Котлас. Из-за ограниченности в средствах Маргарита на другой поселок не поехала и прекратила учебу на пятом классе.

Обучение детей спецпоселенцев допускалось только в обособленных школах, совместная учеба с детьми местного населения, вольными, не допускалась.

Андрею, Грише и Эрне повезло. Когда они закончили четвертый класс, поселковая школа снова преобразовалась в семилетку, и они получили неполное среднее образование, не выезжая с поселка.

Моя учеба закончилась четвертым классом, и то не до конца учебного года. Произошло это в апреле 1934 года, когда уже начались преследования и репрессии за религиозные убеждения, отождествленные с контрреволюционной деятельностью. Мы же были воспитаны в духе глубокой религиозности и убежденно верили в Бога.

Несколько отклоняясь, отмечу, что меннонитская община ни в 22-м квартале, ни на новом поселке Холмолеево не прекращала своей духовно - религиозной деятельности. Проводились общие богослужения в воскресные дни, детские и молодежные занятия по изучению святого писания. Не могу не вспоминать с глубоким благоговением влияние тех служб и занятий на формирование нас как личностей. Именно они привили нам основы нравственности, полностью выкорчевать которые, несмотря на утрату веры в загробную жизнь, были уже не в состоянии все старания «коммунистических» пропагандистов и воспитателей. Со всей убежденностью могу заверить, что эти службы и занятия носили чисто религиозно-духовный характер. В них не было ни намека, ни тени контрреволюционной, антисоветской направленности, хотя когда-то я утверждал обратное, чего себе до гробовой доски не прощу.

Итак, не без определенных заданий и намерений к нам в поселковую школу приехала инспектор Няндомского РОНО и на школьном собрании поставила отчет учкома, председателем которого был я. Что-то докладывал там, складно или нескладно, не помню. И вот вопрос инспектора: «А в Бога ты веруешь?» Ответил я, конечно, удовлетворительно. На дальнейшие ее вопросы я уже не мог отвечать. Спазмы сдавили горло, выступили слезы. Не владея собой, не отдавая себе отчета, я повернулся, и вышел из класса. Закрывая в состоянии крайнего возбуждения за собой дверь, видимо сильно хлопнул ею. Мой выход из класса с собрания был расценен как демонстрация моего пренебрежения, а хлопанье дверью – как хулиганство. Тут же я был исключен из школы.

Но прежде, чем описывать дальнейшие события, вернусь к 1933 году, году голодному для многих регионов страны вследствие неурожая, засухи летом 1932 года. Тогда так говорили. Теперь-то названы истинные причины этого голодного мора, этой массовой гибели людей – это насильственная коллективизация, раскулачивание, одним словом, раскрестьянивание.

Да, в 1933 году, пожалуй, впервые мы по-настоящему испытали голод. Говорят, что голод – это состояние организма, не получающего никакого питания извне и начинающего самопоедание. А мы, хотя и крайне недостаточное,

но постоянно чем-то питались. Скудный паек, при строгом его распределении, не давал умереть с голоду, но и далеко не обеспечивал насыщения. Из различных трав, крапивы, конского щавеля и др. с небольшим добавлением хлебопродуктов варили супы, пекли лепешки. Летом и осенью добрую долю рациона питания составляли дикорастущие ягоды и грибы, собирать которые не составляло большого труда. Благо лес был кругом.

Многие подростки из русских, украинцев отправлялись в деревни, как близлежащие, так и отдаленные, на «пропитание», кто чем мог: попрошайничеством, хозработами. Предпринял такой поход и я, хотя, помню, мама никак не хотела меня отпускать. С сестрой Катей, которую с бригадой направили на сенокос на отдаленные угодья, мы доехали (дошли) до деревни Шожма, в 20-ти км от нашего поселка. Оттуда бригада направилась на глубинные лесные луга, а я пошел по деревням без определенной цели. Намеревался пристроиться на сельхозработы в поле, или со скотом, и за счет этого какое-то время прокормиться. Но ничего у меня не вышло, никому я был не нужен, да и не приспособлен был навязываться. Попрошайничать же вообще не мог. Так я неделю проходил из одной деревни в другую – Шожма, Орма, около 70 деревень по реке Моша – ночуя и кое-как питаясь у сердобольных людей. За неделю прошел по Мошинскому кусту, вышел в районный центр, город Няндому, а оттуда на свой поселок уже с противоположной стороны. Вышел из дома на север, а вернулся с юга. Так окончился мой поход в поисках пропитания. Хотя был он и неудачным, но не прошел бесследно для дальнейшего жизненного опыта.

К осени 1933 года положение несколько улучшилось. В Няндоме появился магазин «Торгсин» (торговля с иностранцами), в котором можно было купить все, но только за золото и иностранную валюту. Все, что было золотое, пошло в торгсин на продукты – обручальные кольца, цепочки, и т. п. У нас не было золотых вещей, кроме маминогo обручального кольца, которое мы проели очень быстро. У некоторых сохранились царские золотые червонцы, которые тут оченьгодились.

Кроме того, в Германии какое-то благотворительное общество организовало сбор средств в помощь голодающим в России (что-то наподобие АРА в голодный 1921 год). Стали поступать переводы валютой, на которую в торговине покупали продукты.

В обществе, организовавшем сбор средств, была проживавшая в Германии наша двоюродная сестра Лиза. Дядя Франц Валь, ее отец, сообщал ей адреса нуждающихся с ходатайствами об оказании помощи, и по его рекомендации поступали переводы.

Нельзя не отметить самоотверженную скромность дяди Франца и тети Лены Валь. Они, при таких возможностях для сытой и обеспеченной жизни, продолжали жить очень скромно. Не позволяли себе не только никаких излишеств в питании и одежде, хотя в Торгсине продавались любые промтовары, но и отказывали себе в самом насущном в пользу нуждающихся. Это казалось не только немцев, но и русских, и украинцев, и спецпоселенцев других национальностей, адреса которых дядя Франц сообщал дочери с ходатайствами об оказании помощи.

Дядя Франц сапожничал, в основном делал широко применяемые тогда по бедности ботинки на деревянной подошве, а зимой подшивал валенки. Желая помочь нашей семье, он еще в 22-м квартале взял меня к себе в ученики. Продолжалась совместная с ним работа и на поселке Холмолево. Мастерская была у них дома, в такой же единственной комнате, как наша, а жили они в ней со своими взрослыми тремя дочерьми и сыном. Так что мне при-

шло очень близко знать эту семью, преклоняюсь перед их памятью и прошу у них прощения за свою черную неблагодарность.

Да, помощь этого немецкого благотворительного общества была сильной поддержкой, без которой многие бы не выжили. Но и дорого она кое-кому обошлась. Позже, в 1938 году, эту помощь обратили в массовые обвинения в шпионаже и контрреволюционной деятельности. В числе первых жертв были и Франц Валь, и его жена Лена, а затем и вся их семья.

Итак, весной 1934 года началась моя трудовая деятельность. Сначала сестра Катя брала меня с собой на лесобиржу на окорку рудостойки и балансов, сырьё для бумажно-целлюлозной промышленности. Летом работал в организованном на поселке колхозе.

Мама, Катя и Иван решили, что мне надо продолжить учебу. Осенью 1934 года я со своими одноклассниками поехал в Коношу поступать в 5-й класс. Принимали туда со вступительными экзаменами, которые я сдал на «отлично». Видимо, поэтому директор школы после экзаменов оставил меня одного для личной беседы. Повторился, примерно, диалог с инспектором РОНО, состоявшийся перед моим исключением из школы. Снова те же вопросы насчет религиозных убеждений, примерно те же ответы, и то же поведение – спазмы, предательские слезы. В результате в 5-й класс, как и другие мои сверстники немецкой национальности, тоже успешно сдавшие экзамены, не был принят, и мы поехали к себе домой на свой родной спецпоселок.

Снова возобновилась трудовая деятельность, больше уже не прекращавшаяся до самой старости. Вскоре после возвращения из Коноши меня взяли учеником в столярную мастерскую, которая была побочным производством колхоза. В этой мастерской проработал до осени 1936 года, став относительно квалифицированным столяром.

Здоровье у меня было неважное, особенно после того, как осенью 1934 года переболел корью. Болезнь протекала очень тяжело, очевидно потому, что для нее был юным переростком, болезнью-то детская. Если и раньше, еще в школе, все время находили какие-то катары в легких, то после этой злосчастной кори дело дошло до диагноза «туберкулез легких». В 1936 году с этим диагнозом переводили меня даже на инвалидность.

В это время в нашем все еще неуставном колхозе (теперь его называли бы главбухом, хотя и в единственном числе) работал грамотный бухгалтер из тех же спецпереселенцев Алексей Иванович Вдовин, который хотел перейти на лесное предприятие, но для этого должен был подготовить замену. Выбор пал на меня. Вот так, осенью 1936 года началась моя «бухгалтерская карьера», продолжающаяся уже шестой десяток лет.

Тогда же я поступил на заочные курсы Наркомзема СССР. В 1937 году окончил отделение счетоводов колхозов, а в 1939 году - отделение инструкторов - бухгалтеров райземотделов. Поступил также в заочную школу взрослых при Архангельском ОБЛЮНО в 5-й класс, но учиться в общеобразовательной школе тогда не хватило духа, силы воли. Как я впоследствии об этом пожалел.

Увлечшись автобиографией, я забежал вперед, перескочив через важные события 1934-35 годов, касающихся других членов нашей семьи, в частности сестры Кати.

В августе 1934 года набирали молодых женщин со спецпоселка в домработницы и няни к областному начальству в Архангельск. Выбор пал на немок. Опять-таки сказались немецко-меннонитские задатки, вопреки своим

* В 5-й класс вечерней школы отец все-таки пошел снова в 1963 году, когда ему было 45 лет, одновременно с сыном. Потом окончил техникум в Ухте.

предубеждениям, признаваемые «сильными мира сего». Ими, конечно же, признавались безупречная честность, трудолюбие и приученность ко всем домашним делам. В числе этих «избранниц» были и сестра Катя, и двоюродная сестра Катя Валь. Они попали к секретарю Северного крайкома Падалькину, первая в качестве домработницы, повара, а вторая - няни. Это было, конечно, избавлением от каторжного труда на лесозаготовках, хотя нелегкая жизнь ждала их и там. Правда, Катя никогда не жаловалась на грубости или издевательства со стороны «хозяев». Их хозяин, как и первый и второй секретари крайкома Иванов и Конторин, в 1937 или 1938 году был расстрелян как враг народа. Хозяйка их тоже попала в тюрьму, а затем и в лагерь, как ЧСИР (член семьи изменника Родины). Впоследствии, после XX съезда партии, все они реабилитированы, большинство – посмертно.

Еще до репрессий своих хозяев прислуги были возвращены на спецпоселок, где их снова ждал непосильный, изнуряющий труд на лесозаготовках. Теперь, оглядываясь назад, поражаюсь силе духа и выносливости своей сестры Кати и ее ровесниц. Такие адские условия работы и жизни сегодняшнее поколение, особенно женщины, не вынесли бы. А ведь впереди их ждали еще куда более жуткие испытания.

С конца 1935 года жить стало немного легче. Отменили карточную систему, пошла свободная торговля хлебом и другими продуктами. Правда, с нашими заработками мы были весьма ограничены в возможностях, но хлеба и картошки, хотя при скуднейших порциях мяса и масла, мы стали есть вдоволь.

Настал мрачный 1938 год. Описывать обстановку в стране нет необходимости. О сталинских массовых репрессиях, физическом истреблении людей, по жестокости превзошедших средневековые инквизиции католической церкви, написано и сказано уже много. Ваши же потомки узнают об этом, изучая историю.

20 марта 1938 года арестовали маму, Ренату Яковлевну, а 30 марта - Катю и Ивана. Для арестов из района приезжала бригада энкавэдэшников, со списками расходились по баракам, проводили обыски и уводили арестованных, которых каждый раз набиралось несколько десятков. Арестованных увозили в Няндому, в тюрьму, оттуда их этапировали в Архангельск, где около года продержали в тюрьме. Всех арестованных, за редким исключением, осудили за «контрреволюционную деятельность» к различным срокам лишения свободы. Ивана осудили на 10 лет, Катю - на 8. На что осудили маму, мы тогда не знали.

Была арестована и Маргарита, в июне 1938, в ноябре ей даже объявили приговор - 10 лет, но после доследования суд оправдал ее, и ее освободили, продержав в тюрьме 10 месяцев.

После ареста мамы, Кати и Ивана сестру Эрну в числе других детей репрессированных взяли в детский дом в селе Моша. Забирали этих детей в принудительном порядке. Правда, нашей Эрне повезло - из детдома она попала в санаторий на Южном берегу Крыма. С поселка это было бы невозможно.

О судьбе мамы мы ничего не знали, как и о судьбе папы, репрессированного еще в 1930 году. Лично я, к великому своему стыду, к выяснению их участи ничего не предпринял. Никогда не смогу простить себе этого, как и многое другое, содеянное в те годы по отношению к родителям, сестре, брату, другим родным и близким. В своих убеждениях и действиях я был на стороне творивших произвол и поправших элементарные права человека палачей. Очевидно, это «спасло» меня от ареста. Дорого дал бы я теперь за то, чтобы не было этого «спасения». Пожалуй, никогда с такой остротой я не

прочувствовал всю глубину своей вины, как сейчас, вспоминая, осмысливая эти события и давая беспощадную оценку своим поступкам. Вот уж истинно: «самый бескомпромиссный судья – это собственная совесть». Того, что это будет угнетать меня до конца жизни, я вполне заслуживаю, и не ищу оправданий. Были моменты, когда, осмысливая свои действия и поступки тех лет, был готов покончить счеты с жизнью. Но это было бы слишком дешево и трусливо. Нет, сумей до конца отчитываться перед своей совестью.

Легче в этом отношении верующим: покаяться, получили прощение, отпущение грехов. Как у Некрасова:

«Рухнуло древо,
скатилось
С инока бремя
грехов...»

В конце 60-х годов на запрос сестры Кати УКГБ по Архангельской области сообщило, что отец в 1931, а мать в 1938 году осуждены

Тройкой ОГПУ (НКВД) к 10 годам лишения свободы. И что они умерли в местах заключения:

отец 2 марта 1939 года от гипертонической болезни, а мать 12 марта 1942 года от туберкулеза легких. Сообщили также, что отец реабилитирован посмертно. Последнее официальной справкой от 11 февраля 1967 года подтвердил Военный трибунал Ленинградского военного округа, пересмотревший дело по обвинению отца.

Сознание своего безучастия в выяснении судеб родителей не давало мне покоя, все больше преследовало меня. Вопросы: где прошли последние годы и дни родителей, где они похоронены, требовали ответа.

Фото 15. Из материалов Следственного дела № 280

Наконец, в июле 1988 года, с этими вопросами обратился в УКГБ по Архангельской области, которое подтвердило ранее сообщенные сестре Кате сведения, указав в конце своего ответа-письма: «Установить места захоронения родителей не представляется возможным».

Не удовлетворенный ответом, я написал снова, аргументируя свою настойчивость тем, что «сообщения о времени и причинах смерти откудато ведь поступали, так это и есть место последнего пребывания родителей». И снова ответ: «Принятыми мерами установить места захоронения родителей не представляется возможным».

Последние события показали, что сообщения о судьбе родителей ока-

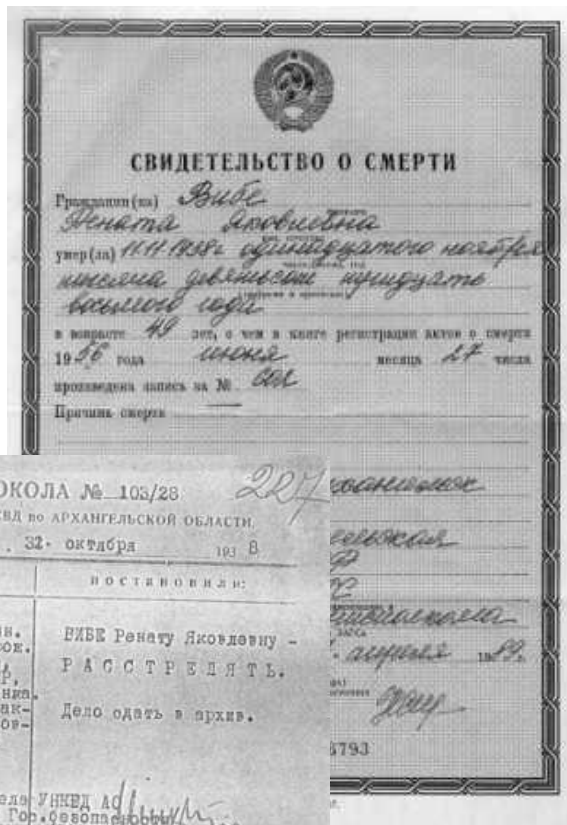

Фото 16. Из материалов Следственного дела № 22083

зались умышленной ложью. А разворачивались эти события так. Не удовлетворенный ответами, я обратился в газету «Известия». Оттуда запросили Прокуратуру РСФСР, затем Архангельской области. В результате этой переписки, в конце концов, сообщили, что родители расстреляны: отец 17 апреля 1931 года, а мать 11 ноября 1938 года. А сообщил об этом устно явившийся домой на квартиру сотрудник УКГБ по Пермской области. Из ЗАГСа Архангельского горисполкома прислали официальные свидетельства о смерти, в которых строка «причина смерти» подчеркнута.

Таким образом, живые сообщения имели исходящие номера и подписаны «солидными» должностными лицами. Написать же правду никто не отважился

ся. Слова «расстрел», «высшая мера наказания», «приговор приведен в исполнение» ни в одной полученной мною бумаге не фигурируют.

Еще одним результатом этой переписки явилась официальная справка Архангельского областного суда от 7 апреля 1989 года о реабилитации мамы. И в этой справке мера наказания обойдена молчанием.

Брат Андрей, окончив в 1938 году семилетку, поступил в Грязовецкий техникум механизации сельского хозяйства. Где-то в это время арестовали сестру Маргариту. Мы с Гришей какое-то время оставались одни.

Эрна пробыла в детдоме недолго, мы забрали ее обратно на поселок. Окончив семилетку, Эрна поступила в педучилище в г. Ульяновске, а Гриша в железнодорожный техникум в г. Вологде на паровозное отделение. В Ульяновске тогда жили Августа и Борис Матисс, дети их помнят по фотографиям, те, к которым мы с братьями Иваном и Гришей в 1974 году ездили на золотую свадьбу. У них на квартире в Ульяновске и жила Эрна. Там она прожила и училась до начала войны, один год, кажется, недоучившись. В начале войны она попала под переселение немцев в Казахстан.

Андрей и Гриша учились в техникумах до введения платы за обучение в средних специальных и высших заведениях. Кажется, это было в конце 1939 года. Не окончив курс обучения, они вернулись на поселок и начали работать. И это в значительной степени на моей совести. Конечно, с моими бедными трудными счетовода колхоза платить за учебу и содержать студентов было бы нелегко. Но, если бы я тогда этому вопросу дал должную оценку и готов был кое-чем пожертвовать, можно было бы общими усилиями преодолеть трудности.

Особенно больно и стыдно мне за брата Гришу. Для него прекращение учебы было тяжелейшим ударом. Как он мечтал стать паровозником. Учился он в техникуме на паровозном отделении. Он был очень способным, учился хорошо. Ему не было еще 16-ти лет, когда он вернулся на поселок. И что он должен был делать? Выбор был очень небольшой: или в колхоз, или на лесозаготовки.

Попытались мы его устроить и в ФЗУ, для поступления в которое он ездил в Шенкурск (недалеко от Вельска), но с клеймом «кулацкого сына» старались не брать. Какое-то время он работал киномехаником кинопередвижки, мотался по району, по лесопунктам, колхозам. Наконец, нашел дело по душе - стал кочегаром паросиловой установки на шпалорезке на нашем же поселке.

Андрей после возвращения из Грязовца работал на лесопункте на вывозке леса до самой войны.

Счетоводом колхоза я проработал до конца 1939 года. К этому времени наш колхоз уже стал уставным, полноправным, и ему присвоили имя наркома внутренних дел Берия. Видите, какая ирония судьбы.

В конце 1939 года мне предложили перейти на работу инструктором-бухгалтером райземотдела. Для этого надо было подготовить замену. Выбор пал на сестру Маргариту, которая и стала моим преемником.

Итак, в начале 1940 года, я стал жить и работать уже в районном центре. В правовом положении ничего не изменилось: никаких документов, без права свободного передвижения за пределы района, необходимость периодически отмечаться в комендатуре НКВД.

Работа инструктора-бухгалтера была очень непростой. Колхозы коренных Архангельских деревень в то время были доведены «до ручки». Почти все трудоспособное население из всех деревень выехало на заработки на пред-

* Фотокопии выписок из протоколов получены позже, в 2002 году,

приятия лесной промышленности и железнодорожного транспорта. В стране вообще все колхозники не имели паспортов или заменяющих их документов, а поэтому принудительно задерживались в деревне. А вот для лесной промышленности и железнодорожного транспорта были сделаны исключения. Желающих там работать не имели права задерживать. Так что коренное население, доведенное до нищеты, уходило из села, и работать в колхозах было некому.

В пример можно привести колхоз «Большевик» Андреевского сельсовета Няндомского района, объединивший 5-6 деревень с общим количеством дворов 80-100. По крайней мере, в колхозе должно было работать 150-200 человек, а в страдную пору и того больше, за счет привлеченных в каникулы школьников и студентов. А работали в этом колхозе три мужика Зарубиных, два брата и сын одного из них. Старший Зарубин был председателем, брат его – бригадиром, а сын – бухгалтером. Они же выполняли основные сельхозработы. Остальная же рабочая сила состояла из полутора – двух десятков старух. Где уж было обработать им большие площади пахотных земель, осваивать сенокосные и пастбищные угодья, обихаживать продуктивный и рабочий скот. Правда, пахоту, жатву, сенокос на ровных, чистых лугах, которых было не так уж много, производила МТС, машинотракторная станция. Колхоз рассчитывался с ней натурой, хлебом, и деньгами.

Налоги, как денежные, так и натуральные, обязательные поставки государству продуктов растениеводства и животноводства, натуроплаты за услуги МТС, взимались с площади пахотных земель и намного превышали весь урожай и произведенную продукцию животноводства. Колхоз, чтобы рассчитаться по обязательным поставкам, обеспечить себя семенами, фуражом, и, наконец, хоть по 200-300 граммов выдавать на трудодень колхозникам, брал у государства семенные, фуражные и продовольственные ссуды, из года в год залезая все в большие долги, которые уже не покрывались всеми средствами колхоза, его движимым и недвижимым имуществом.

В этом колхозе, расположенном недалеко от районного центра, мы, сотрудники райисполкома, его отделов, райкомов партии и комсомола, чуть ли не каждое воскресенье работали на полевых работах, сенокосе.

Примерно в таком же состоянии находились и остальные колхозы коренного населения. В несколько лучшем положении находились колхозы спецпереселенцев, их было в Няндомском районе четыре. Объяснялось это тем, что там были отменные труженики-земледельцы, не зря подвергнутые раскулачиванию. Во-вторых, в значительной степени этому способствовало принудительное привлечение к сезонным работам в колхозе всех трудоспособных с производства лесозаготовительных предприятий. Об отпусках для нас в то время не могло быть и речи. Об отказе от работы в колхозе никто и не помышлял, так как это повлекло бы за собой немедленный арест.

Сидеть в райземотделе мне приходилось очень немного. Больше мотался по колхозам. Часто меня посылали в различные колхозы, а то одновременно и в группу колхозов одного сельсовета, уполномоченным райкома партии и райисполкома, попросту «толкачом», по организации сельхозработ и кампаний: посевные, уборка хлебов, хлебозаготовки, и т. п. Это были жандармские обязанности: выгонять и так загнанных колхозниц на работу. Правда совесть не позволяла мне не принимать в этих работах самое непосредственное и активное участие.

Посылали и на проверки различного характера, разрешения спорных вопросов землепользования. Во всех вопросах должен был разбираться. Это была большая школа, давшая мне богатый жизненный опыт.

Автотранспорт и дороги твердого покрытия для сельской местности Архангельской области были в то время несбыточной мечтой. Большинство дорог проходило лесами и болотами, летом были труднопроходимыми даже для конного транспорта. Так что, несмотря на большие расстояния, в основном приходилось ходить пешком.

Характерен такой случай. Из Ступинского сельсовета поступил сигнал о злоупотреблениях руководства колхоза со свинопоголовьем: продавали поросят за счет неоприходования приплода и списания на падеж. По заданию первого секретаря райкома партии проверку этого сигнала поручили мне. Сельсовет этот находился на расстоянии 40 км от ближайшей железнодорожной станции Шалакуша, а до этой станции надо было ехать по железной дороге километров 90. В Шалакуше я взял в прижелезнодорожном колхозе лошадку под седлом и поехал верхом до Ступина. Закончив за два дня дела, вернулся, сдал колхозу лошадь и поехал поездом в Няндому. Выслушав мою информацию о результатах проверки, «первый» подозрительно заботливо поинтересовался моим здоровьем, не жалею ли на ноги. Затем устроил мне такой разнос за отвлечение от сельхозработ лошади, что я навсегда запомнил это, и после уже ходил только пешком.

26 июня 1940 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении увольнения с работы и уголовной ответственности за прогул». Уже в июле я попал под этот Указ. А получилось это так. Поехал на воскресенье на свой родной поселок, где жили Маргарита, Андрей и Гриша. Вернуться надо было в понедельник утром поездом. По иронии судьбы поезд опоздал на час-полтора, и я на 30 минут опоздал на работу. На второй же день осудили меня на четыре месяца принудительных работ с вычетом 15% из заработной платы. Ехавшая в том же поезде сотрудница райкома комсомола, тоже побывавшая в воскресенье дома, была еще исключена из комсомола. Вот какие были «драконовские» порядки.

Дело было не столько в 15% и так скудной зарплате, сколько в судимости. Из-за нее я не стал полноправным гражданином, когда в конце 1940 года восстанавливали в правах кулацких детей, достигших 16-летнего возраста на поселке. Правда, недолго пришлось бы пользоваться этими правами, так как в начале войны всех немцев мобилизовали в трудовую армию, и там поставили в положение бесправных заключенных. Но об этом разговор впереди.

Нападение на нас фашистской Германии резко изменило все в жизни страны и народа. Почти все мужское население было мобилизовано в армию, на борьбу с врагом. Ушли на фронт и мужчины спецпереселенцы русской, украинской, и других национальностей. Немцев же в армию не брали. Правда, некоторых, в том числе и брата Андрея, мобилизовали временно на строительство оборонных объектов в прифронтовой полосе Карелии.

Вскоре после начала войны меня вернули на спецпоселок. Работал там на лесопункте, мастером по разделке и погрузке лесопроductии, шпалопилению. В основном выполнялись военные заказы, все для фронта. На шпалорезном станке распиливали березовые чураки на лыжный брус и ствольную накладку. Рабочая сила состояла в основном из женщин.

В марте 1942 года всех мужчин немецкой национальности мобилизовали в трудовую армию. С этого начался новый мрачный период в нашей жизни, в жизни десятков тысяч граждан немецкой национальности, полный унижений, оскорблений человеческого достоинства. Подробнее об этом в следующей главе.

5 Трудармия

30 марта 1942 года нас вызвали в Няндомский райвоенкомат. В числе вызванных были десять человек с поселка Холмолеево, в том числе и мои братья Андрей и Гриша, и пять человек, проживавших в районном центре, из которых один я был спецпереселенцем. Прodelав процедуру мобилизации, нас тут же передали сотруднику НКВД, для сопровождения к месту службы.

То, что нас направляют не на фронт, а на какие-то работы оборонного значения, мы поняли сразу потому, что призывались одни немцы. Недоумение же вызывал сопровождающий энкавэдэшник, особенно у тех, кто не был спецпереселенцем, мы-то уже свыклись с их постоянным присутствием.

До станции Коноша мы ехали в пассажирском поезде. Там к нам присоединили еще пятерых немцев из Коношского района, тоже из спецпереселенцев. Тут мы узнали, что едем в Котлас, в распоряжение Севжелдорлага НКВД.

От Коноши до Вельска снова ехали пассажирским поездом. Дальше пассажирского движения тогда не было. От Вельска начиналось безраздельное царство ГУЛАГа НКВД. Он, ГУЛАГ, строил там железную дорогу, города и поселки занимались лесозаготовками, переработкой древесины и другими производствами. Вся рабочая сила ГУЛАГа состояла из «зеков», добрая половина которых были «контрики», жертвы сталинских репрессий 30-х годов.

Вот и мы оказались во владениях этого всемогущего ГУЛАГа, «прелести» которого нам очень скоро предстояло вкусить. Самое мрачное воображение не могло нам тогда нарисовать то, что предстояло испытать. Но все по порядку.

В Вельске мы встретились с еще одной группой мобилизованных немцев из Плесецкого района Архангельской области. Эта группа, состоявшая в основном из спецпереселенцев, была вдвое больше нашей и насчитывала больше 40 человек. Она имела своего сопровождающего охранника, сотрудника Плесецкого РОНКВД. Погрузили нас в Вельске в товарные вагоны: Няндомско-Коношскую группу в двухосный вагон, а Плесецкую – в четырехосный, и повезли на Котлас. Расстояние от Вельска до Котласа, которое мы теперь в пассажирском поезде преодолеваем за 6-7 часов, мы ехали целую неделю.

Железная дорога Вельск – Котлас и весь подвижной состав были Севдвинлаговские. Паровозные машинисты, водившие составы, и поездные бригады были из заключенных. Не припоминаю, чтобы мы проезжали гражданские населенные пункты, одни зоны лагерей, высокие заборы с колючей проволокой, частые вышки с вооруженными часовыми. Состав, к которому были прицеплены наши вагоны, часто останавливался и часами, а часто и сутками простаивал у лагпунктов.

Продуктами, сухим пайком, мы были обеспечены на 4 дня, и, конечно, гораздо раньше срока мы с ним покончили. Так что нас начал мучить голод. К нашему счастью, наш сопровождающий, старший сержант Крылов, оказался добропорядочным человеком. На длительных остановках он добивался получения на лагпунктах продуктов по продаттестату, спасая нас от голода. Следовавшая в соседнем вагоне Плесецкая группа по настоящему голодала. Их

* зек - заключенный

** контрик – осужденный по статье 58, за контрреволюционную деятельность

сопровождающий не беспокоился об обеспечении своих подопечных продуктами, ограничиваясь своими прямыми обязанностями – охраной их.

Наконец-то мы прибыли к месту своего назначения, в город Котлас. Еще в пути мы гадали, что нас ждет. Были среди нас бывалые люди, знавшие эти лагери и условия в них, как вольнонаемных, так и заключенных. Конечно, мы считали, что окажемся, примерно, на правах вольнонаемных, но уж никак не заключенных. Не ведали, не гадали мы, что нас ждало в действительности, что мы будем завидовать заключенным – уголовникам.

Рано утром 8 апреля привезли нас к большой «зоне», у ворот которой мы расположились со своим шмотками, прямо на земле, сплошь покрытой лужами талой воды. Переминаясь с ноги на ногу, мы прождали у этих ворот часа 3-4, пока принимали там от наших сопровождающих наши личные дела. Когда настало время приема-передачи самих живых объектов, начали нас по одному пропускать через проходную. Пока работник второй части лагеря устанавливал личность, работник ВОХРа (воензированной охраны), производил тщательный обыск каждого и его вещей. Это был первый «шмон», которых впоследствии было еще много. Эта процедура длилась еще часа два-три. Прошедшие ее и оказавшиеся в зоне, смогли рассмотреть ее внутреннее содержание.

Это была территория на высоком правом берегу Северной Двины, километрах в четырех ниже железнодорожного моста, огороженная высоким сплошным непроницаемым забором, с несколькими нитями колючей проволоки по верху и частыми вышками с часовыми по всему периметру.

На этой территории находились пять овощехранилищ огромных размеров, предназначенных для хранения и перевалки больших количеств картофеля и овощей. Отсюда они в мирное время в баржах поставлялись в северные районы Беломорья, а в период половодья - в Архангельские глубинки, в верховья малых рек. Теперь эти овощехранилища были приспособлены под казармы, бараки, для размещения трудармейцев. Внутри в четыре ряда протянули сплошные трехъярусные нары.

Всего в этой зоне было около 10 тысяч человек, значит в каждом овощехранилище было около двух тысяч. Ко времени нашего прибытия зона была уже густо заселена, большей частью бывшими гражданами Республики немцев Поволжья. Много было и военных, взятых из действующей армии, с фронтов Великой Отечественной войны. Бросались в глаза изможденный вид, истощенность и отрешенность большинства обитателей зоны.

Да, мрачные были первые впечатления, не обнадеживающие.

После предварительной приемки от наших сопровождающих, нас провели в одну из казарм (овощехранилищ), где отвели секцию трехэтажных нар. В проходе перед этими нарами установили несколько столов, за которыми уселись работники второй части, разложив на столах бумаги и другие принадлежности для процедуры оформления личных дел, мало чем отличавшихся от формуляров заключенных.

Самой важной деталью этой процедуры было оформление отпечатков пальцев. Делалось это на специальных бланках из плотной бумаги. Каждому пальцу каждой руки отводилось отдельное место. Прежде, чем наносить отпечатки на бланк, каждый палец в отдельности обмывался в специальную пасту.

Когда приемка и оформление личных дел были закончены, началось формирование бригад, тогда их официально называли взводами. Из наших двух групп, отобрав несколько специалистов, сформировали две бригады по 30 человек, бригадиром одной из которых стал я (тогда еще командиром взво-

да). В моей бригаде были все Холмолевские, в том числе и мои братья, Андрей и Гриша, Нядомские, Коношские и несколько Плесецких.

Весь день, пока проводились оформление и формирование, нас не кормили. Только к концу дня нам, уже на бригаду, выдали пайки хлеба и горячую пищу, после чего, не дав отдыха, вывели на работу в ночное время. Две наши «северные», как нас называли, бригады поставили на разгрузку балластных «вертушек» на левобережной железнодорожной насыпи к Котласскому мосту через Северную Двину. Разгрузка щебня производилась лопатами вручную. Подадут «вертушку», а это около 20 двухосных платформ, и две бригады должны были быстро ее разгрузить. После каждой вертушки короткий отдых, пока уведут порожняк и снова подадут грузный состав.

Весь апрель 1942 года нас продержали на этой работе в ночную смену.

Расстояние в 5 километров от нашей зоны до места работы мы проходили пешком. Водили нас под конвоем, хотя вся огромная территория строительства Котласского железнодорожного узла была оцеплена воензированной охраной с овчарками.

Тяжелая изнуряющая работа по 12 часов, а с учетом ходьбы и все 14, к тому же в ночную смену, отсутствие элементарных условий для отдыха (теснота, духота, шум, клопы, вши), быстро выматывали людей, даже закаленных тяжелыми лесозаготовительными работами и лишениями в сыльных условиях Севера. Для более полного представления о положении трудармейцев необходимо охарактеризовать бытовые условия в зоне. Не бывшему в этих условиях трудно себе представить «муравейник» этой зоны вообще, и каждой казармы в частности. Описывать это даже непосредственному участнику тоже не так просто, особенно слабо владеющему пером.

Но память об этом должна остаться.

Так что, пусть нескладно, все же постараюсь, как смогу, описать эти тяжелейшие испытания, выпавшие на долю ни в чем не повинных граждан, только потому, что они немцы. Даже с такими условиями, если бы они были неизбежными, люди мирились бы, учитывая тяжелейшее военное положение всего народа страны. Но дело в том, что условия содержания немцев умышленно усложнялись, большие страдания, чем непосильный труд и голод, причиняли издевательства, унижения человеческого достоинства.

Внутреннее обустройство казарм-овощехранилищ ограничивалось сплошными трехэтажными нарами. Ни столов, ни стульев или табуреток, ни другого бытового инвентаря в них не было. На этих нарах, тесно прижавшись друг к другу, спали, сидели. Тут же принимали пищу. О чтении или играх никто и не помышлял. Для этого не было ни условий, ни настроения. Одним постоянным и неизбежным занятием было выворачивание белья и бой со вшами, буквально заедавшими обитателей барака.

Постельных принадлежностей не давали. Спали на том, что у кого было захвачено собой, чаще всего это была та же верхняя одежда, в которой работали. Если же эта одежда намокала, то высыхала под нами или на нас. Можно себе представить, каким был воздух в этом помещении от двух тысяч живших в нем в таких условиях.

В зоне не было помещения для приема нищи. Ее получали в свои котелки из общей для всей зоны кухни через раздаточные окна. Ели в бараках на своих нарах или тут же на ходу около кухни, где отсутствовали какие-либо приспособления для приема пищи.

Одной из главных проблем в зоне была вода. Ни умыться, ни попить. Воду в зону возили конной водовозкой, которая только, и то с переборами, обеспечивала кухню для приготовления пищи.

«Водная проблема» приняла буквально катастрофический характер. Люди в зоне жестоко страдали от жажды, которая усугублялась преобладанием в рационе соленой рыбы. На водовоза совершались настоящие нападения. Люди с котелками набрасывались, стараясь зачерпнуть из бочки, невзирая на яростные удары дубинки, которой водовоз отбивался от нападающих. А ведь находилась зона на берегу Двины. Были попытки проникновения через забор и спуска с высокого берега к реке, но они во всех случаях оканчивались трагично: часовые с вышек любого, проникшего через забор, застреливали наповал.

Люди стали пить из луж талую воду, как в самой зоне, так и при следовании на работу. В результате вспыхнула неизбежная в таких условиях эпидемия дизентерии. Это было что-то трудно вообразимое. Общий на всю зону туалет, «сортир», не вмещал нуждающихся в нем. Подходы к туалету и территория вокруг него были сплошь загажены. Люди ходили по испражнениям по щиколотку.

Заболевания и смертность приняли массовый характер. Умиряли в бараках, на территории зоны, по пути следования на работу и с работы. Изнуренные непосильной работой, голодом, жаждой и болезнью, люди тащили под руки совсем занемогших. Наконец, выбившись из последних сил, укладывали водимых на обочину дороги, чтобы, подкрепившись в зоне черпаком баланды и куском соленой рыбы, вернуться за ними. Возвращаясь же, чаще всего заставляли уже бездыханные трупы. Сколько этих трупов на обочинах дороги мы каждый день видели, идя на работу и возвращаясь с нее! Даже жутко вспоминать не столько этих мертвецов, сколько наши безразличие, равнодушные, жестокость. Страшно зачерствели наши сердца.

Мы, архангельские, еще как-то держались. Сказалась, видимо, закалка пройденными испытаниями и лишениями. Правда, были и среди нас случаи заболеваний и смерти. Заболел брат Гергард. Заболел и вскоре умер член моей бригады Эккерт (из Коноши).

Наконец, больных дизентерией стали изолировать в отведенное под стационар овощехранилище. Условия содержания больных в этом «стационаре» ничем не отличались от других бараков. Не было там ни постельного белья, ни больничного питания, никаких лекарств, никакого лечения. Обслуживающий персонал (санитары), состоявший из тех же больных, державшихся еще на ногах, был без халатов, в своей грязной рабочей одежде. В его обязанности входило получение в каптерке и кухне пайков тяжелобольных, кормление их и вынос нечистот, а после кончины и их самих.

В «стационаре» действовал принцип: «спасайся, кто как может». Подавляющее большинство попавших туда, были обречены. Каждую ночь вывозили полные тракторные сани (часто и по два рейса) трупов. Для их похорон была создана специальная бригада во главе со старшим лейтенантом-строевиком Бауманом. Как этот офицер переживал свое унижение!

Где и как хоронились эти тысячи и тысячи погибших немцев-трудармейцев, не знаю. К своему стыду никогда не пытался об этом узнать. Одно знаю достоверно: заметных братских (а тем более индивидуальных) могил трудармейцев в Котласе и его окрестностях нет.

В «стационар» попал и брат Гергард, выкарабкавшийся оттуда только благодаря своей сильной воле, оптимизму, вере в жизнь. На железной печке, обогревавшей помещение, он сушил, жарил свою хлебную пайку. До черноты зажаренной ее частью заваривал «кофе» и пил с сухарями. Он не впал в отчаяние, не валялся на нарах, а много двигался. Конечно, его поставили санитаром. Сколько он сделал добра этим обреченным людям. Какая доброта и житейская мудрость затаились в этом 18-летнем юноше!

Смертность была так велика, что медперсонал и работники второй части не успевали оформлять документы на выбывших по литеру «В» (так назывался уход в лучший мир). Документы оформлялись уже по остаточному признаку, т. е. активировали всех, кого не оказалось в наличии при ежедневных проверках.

Помню такой случай. Поймали одного шарившего по нашим шмоткам в поисках съестного. Устанавливая его личность, обнаружили, что он уже списан по литеру «В».

Все эти безобразия, зверские истребления людей в этой зоне творились под руководством начальника отряда Требукова (не знаю ни звания, ни имени). Впоследствии этот Требуков был командиром партизанского отряда в тылу у немцев. Если он также беспощадно воевал с фашистами, как со своими согражданами немецкой национальности, он, вероятно, заслужил высокие награды.

Но зверское обращение с немцами-трудармейцами, видимо, не было самостоятельностью Требукова. В других отрядах и колониях как Котласского узла, так и других регионов страны творилось аналогичное. Об этом мы тогда не знали. Уже позднее в этом убедились на собственной шкуре в Жешарте, а после войны узнали от служивших на Урале, в Сибири и в других местах.

С окончанием строительства железнодорожного моста через Северную Двину (в мае 1942 г. по мосту прошел первый пробный поезд), размещенных в овощехранилищах трудармейцев начали перебрасывать в другие лагерные подразделения как в пределах Котласского ж. д. узла, так и за его пределами. Нас, Няндомских, Холмолевских, разбросали по разным лагпунктам. Разлученными оказались и мы с братьями. Андрей попал в район Сольвычегодска, а Гергард - на разезд Березовский (километрах в 40 южнее Котласа в сторону Кирова). Я попал в колонну на строительство станции Котлас-Узел, где пробыл всего несколько дней.

В середине мая 1942 г. я попал в первую партию из 200 трудармейцев, этапированных из Котласа в Коми АССР, на Жешартский ОЛП (отдельный лагерный пункт) Севжелдорлага. Везли нас в запертых «телячьих» вагонах под конвоем. Ехали из Котласа целую неделю. Достопримечательностей, кроме борьбы со вшами, которые нас буквально заедали, в пути не было.

Наверное, надо дать краткую характеристику Жешартского ОЛПа, на базе которого впоследствии (в феврале 1944 г.) организовалась Жешартская лесоперевалочная база, с которой оказалось связанными почти 14 лет моей последующей жизни.

Жешартский ОЛП был организован в 1942 году как топливная база Северной железной дороги. Тогда паровозы еще работали на дровах. Освоение Печорского угольного бассейна только начиналось, железная дорога на Воркуту еще строилась.

Приплавленный с верховий рек Сысолы и Вычегды лес выкатывался на берег и разделялся на дрова, которые по железной дороге отгружались на топливно-экипировочные склады. При этом на дрова разделялась вся древесина: стройлес, пиловочник, спецсортименты.

Производственная территория, лесобиржа, расположилась на берегу реки Вычегды, на заливных лугах большого коми села Жешарт. На этой территории размещалась и рабочая сила (заключенные и трудармейцы). Вся территория была оцеплена вооруженными охранниками с овчарками. Проникновение из этой зоны «на волю» было практически невозможно. Выход разрешался только по специальным пропускам через единственный пропускной пункт по железнодорожной ветке.

Ко времени нашего прибытия на территории ОЛПа была уже одна колонна (№ 16) заключенных, в основном «контриков» сталинского набора. Нас привезли на чистое место - колхозные луга. Там мы установили палатки, соорудили в них сплошные двухъярусные нары, устроили навес-кухню (пища готовилась в подвешенных котлах, без дымовыводящих труб), и халабуду под каптерку - хлеборезку.

Место нашего поселения назвали колонной № 17. Первое время оно не было огорожено и охранялось бойцами ВОХР путем патрулирования по территории.

Прибывший контингент был тут же разбит на бригады по 10-20 человек, в зависимости от характера работы. Несколько человек зачислили в ХЛО (хозлагодобслугу) - повара, каптер-хлеборез, счетоводы и др. На руководящие должности (прорабов, бухгалтеров, экономистов) нас не допускали. На эти должности назначались вольнонаемные или заключенные из соседней колонны № 16.

На следующий же день после прибытия нас вывели на работу, в основном на выкатку и разделку древесины (дров). Стационарных, выкаточных агрегатов тогда еще не было. Первые два-три месяца лес из реки выкатывался лебедками и даже конной тягой. Часть бригад поставили на строительство стационарных выкаточных агрегатов: бревнотасок (продольных цепных транспортеров), гидролотка, а часть - на строительство новой зоны: каркасно-засыпных барakov и забора.

Я попал в бригаду на строительство гидролотка - нового изобретения, не имевшего аналогов, заключенного инженера Немцова. Правда, это громоздкое сооружение так никогда и не заработало. Сколько мы жили в Жешарте, гидролоток служил только ориентиром: «у гидролотка».

А вот строить мы его строили, и положили немало трудов. Сколько одних только свай нами там забито. Забивали мы их вручную деревянной «бабой». Это был чурбак длиной 120-150 см с тремя парами ручек по бокам. Три человека, стоя на сборных лесах, этой «бабой» забивали деревянные сваи: 15 ударов и передышка, снова 15 ударов и передышка. И так ежедневно по 12 часов. Выматывало нас, конечно, основательно. К тому же мы всегда были голодны, хотя получали по 600-700 г. хлеба (в зависимости от выработки). Кроме хлеба была в основном только «баланды».

Утром получишь свою пайку и распределишь ее на три части. Одну съешь на завтрак, а две кладешь в карман (оставлять в палатке было нельзя - украдут, съедят). Пока идешь на работу, рука так и тянется в карман, и отщипывает по кусочку. Хорошо, если заставишь себя оставить хоть одну часть, к обеду, к черпаку баланды. А уж оставить на ужин никак не хватало силы воли. И вот, поужинав черпаком баланды без хлеба, спать ложишься голодным. И так изо дня в день. Все мысли были направлены только на то, чтобы поест. Путей же добычи пищи дополнительно к пайке практически не было. Очень редко что-нибудь перепадало.

Помню такой курьезный случай. С двумя примерно ровесниками из нашей бригады - Яшей Финк и Костей Киблером мы держались вместе, дружили. Яша Финк сумел пристроиться на хозяйственные работы в колонне - работать на лошади по перевозке различных грузов, в т. ч. и продуктов. Как-то он вечером, когда мы уже пришли с работы, повез продукты - горох в мешках и растительное масло во флягах. Мы у него выпросили подкрепиться. Горох мы насыпали в карманы и за пазуху. Но захотелось и масла, а куда? Так мы масла прямо из фляги выпили грамм по 200-300, а потом сварили горох и наелись его на это масло. В этот вечер мы уснули сытые и проспали ночь бога-

тырским сном. В хорошие, мирные времена нас пронесло бы и спать не давало. А тут хоть бы что.

Недолго, всего месяца два, пришлось мне работать на общих работах. Пригнулся я экономисту нашей колонны корейцу Ану (бывшему крупному работнику наркомата, сидевшему по сталинскому «призыву») и он меня взял техучетчиком. В мои обязанности входило вести учет объемов выполненных работ, использования рабочей силы, составлять и представлять в ОЛП ежедневную оперативную отчетность о деятельности колонны.

Мне стало гораздо лучше. Физически уже не выматывался, да и пищей мой начальник меня поддерживал: то даст дополнительную порцию баланды или каши, а то и кусок хлеба. Будучи уже опытным лагерником, он умел «зашибать» как для себя, так и для своих подчиненных.

Объемы лесоперевалочных работ ОЛПа постоянно возрастали. Соответственно росла и численность рабочей силы. Большого восполнения требовало и все возрастающее выбытие трудармейцев из строя. Пополнение происходило за счет переброски трудармейцев из Котласских лагпунктов и строительных батальонов других регионов страны.

Осенью 1942-го и в 1943 году в Жешартскую колонну прибыли с нашего поселка Холмолеево Генрих Янцен (с ним мы впоследствии сошлись очень близко), Леонгард Дик, Яков и Альфред Классен. Последние задержались не долго: кого этапировали в другие лагподразделения, а кого активировали и отправили в Алтайский край или Казахстан.

К осени 1942 г. строительство колонны было закончено, численность трудармейцев в ней доходила до полутора тысяч. Условия жизни и труда все ухудшались.

Жили мы в каркасно-засыпных бараках в зоне. Несмотря на сплошное оцепление всей территории ОЛПа военизированной охраной с овчарками, зона нашей колонны была огорожена высоким забором с несколькими рядами колючей проволоки по верху. На расположенных по всему периметру забора вышках круглосуточно находились часовые ВОХРа. Единственный выход из зоны, тоже круглосуточно охраняемый, можно было пройти только по специальным пропускам: или бригадами по строгому счету или индивидуальным.

Фото 17. Трудармейцы п. Жешарт, 1954 год.

Слева направо:

- 1 ряд: Янцен Андрей, Лоран Иван, Вайгандт Карл.
- 2 ряд: Беккер Андрей, Вибе Корней, Адлер Рафаил, Гумель Рихард.
- 3 ряд, стоят: Вайсбек Викентий, Гюнтер Эрвин, Ротермель Костя, Вибе Иван.

венный выход из зоны, тоже круглосуточно охраняемый, можно было пройти только по специальным пропускам: или бригадами по строгому счету или индивидуальным.

Как и в Котласе, постельных принадлежностей не давали. Люди спали на своей рабочей одежде и ею же укрывались. В большинстве случаев, особенно осенью, эта одежда была мокрая.

Не жившему в таких условиях трудно себе представить атмосферу в таком бараке, где на двух рядах сплошных нар, оставлявших только небольшой проход в середине, прижавшись друг к другу, лежали люди, кутающиеся в свою грязную и сырую рабочую одежду. К тому же, когда изможденные 12-ти часовым тяжелым трудом и голодные, они укладывались на нарах, на них набрасывались полчища клопов, буквально обжигая все тело.

Но еще больше, чем тяжелый физический труд, недоедание и ужасные жилищные условия, людей убивали бесчеловечное обращение, систематические унижения их человеческого достоинства.

Примером такого обращения можно привести проводившуюся осенью 1942 года генеральную проверку (по лагерному - «великий шмон»). Всех с вещами вывели за зону. Охранники, разделившись на две группы, производили тщательный обыск людей и их вещей за зоной и одновременно опустошенных барачных в зоне. К этому было приурочено «разжалование» офицеров и сержантов, заключавшееся в спарывании и изъятии знаков отличия.

Был среди нас капитан - летчик Дрейлинг, человек оптимистичного склада, коммунист, поддерживавший нас своей твердой верой в победу, а после нее и в восстановлении справедливости по отношению к нам. Когда рядовой охранник срезал с его гимнастерки петлицы со «шпалами» и бросил их в мешок, этот капитан заплакал. После этого он буквально сломался и вскоре скончался.

Поздней осенью 1942 г. перед колонной была поставлена задача: выкатать на берег весь приплавленный лес, не допустить его замораживания в реке. Приказом начальника колонны Якоби был установлен порядок, при котором бригады, не выполнившие сменную норму, не пускали в зону, а возвращали на производство. Валившиеся с ног от 12-ти часового изнурительного труда в промозглую погоду, голодные люди насильно задерживались на работе до выполнения установленной нормы.

До конца своих дней не забуду трагедию большой бригады (30-35 чел.), работавшей на выкатке древесины бревнотаской (продольным цепным транспортером). Бригадиром этой бригады был Шляйхер, работавший до войны учителем в АССР Немцев Поволжья, добрейший человек. Бригада работала в ночную смену и не выполнила сменную норму. То ли слякотная погода повлияла, то ли организационные неполадки, а скорее всего, люди уже окончательно выбились из последних сил. На проходной вахте в зону бригаду встретил начальник колонны и, узнав, что норма не выполнена, приказал вернуться на рабочее место. Для поддержания духа и тела им туда вывезли по черпаку баланды и кусочку хлеба. К вечеру только несколько человек вошли в зону на своих ногах. Остальных вводили или вносили, кого еле живых, а нескольких уже бездыханными трупами. Через несколько дней от всей бригады осталось несколько человек. Сломался и физически, а еще больше морально и бригадир Шляйхер.

Приведенные факты являлись не исключением, а системой.

Зимой 1942 и в течение всего 1943 г. условия быта и труда продолжали ухудшаться. Заболеваемость и смертность приняли катастрофические размеры. Если в Котласе причиной массовой гибели явилась эпидемия дизентерии, то в Жешарте умирали от истощения.

Хоронили умерших (погибших) тут же, на лугах за 17-ой колонной, без каких-либо похоронных процедур, дани памяти. Просто зарывали в землю и сверху заравнивали. Родные о гибели не извещались.

Работая с осени 1942 г. счетоводом продстола, я ежедневно при начислении пайков в рабочих сведениях видел десятки отметок: «литер «В», которые означали, что работавшие вчера люди уже на том свете, и в пайках не нуждаются.

Уже в 70-х, 80-х годах, оставшиеся в Жешарте бывшие трудармейцы рассказывали мне, что при строительстве лесоперевалочных сооружений в районе бывшей 17-й колонны постоянно наталкивались на останки массовых захоронений.

Да, сколько погибло этих трудармейцев в Котласе, Жешарте и других местах - эту тайну надежно хранят ГУЛАГовские секретные архивы. К сожалению, до сих пор ничего не предпринимается для восстановления их памяти.

Когда почти в каждом, номере газеты «Neues Leben» в рубриках: «Wer gibt Auskunft» (кто может сообщить), «Wer kennt sie» (кто их знал), «Gesuch werden» (разыскиваются), вижу перечни немецких фамилий и фотографий разыскиваемых родными, перед глазами возникают вывозимые из зон истощенные трупы, преданные земле со тщательным уничтожением памяти о них.

Неужели не будут рассекречены и раскрыты массовые преступления против своих граждан?

В конце января, начале февраля 1944 г. Жешартскую лесоперевалочную базу передали из системы Севжелдорлага МВД тресту Киртранслес министерства путей сообщения.

Фото 18. Жешарт. Бухгалтерия Жешартской лесобазы, 1946(?) год.

Слева направо, сидят: Дегнер Эдмунд, Мишин, Мингалева, Кирушев, Харюкова Ольга, Вибе Корней.

Стоят: Освальд Костя, Минина, Тушина, Розенгрин Христ., Панова, Стуков, Панова.

Заклоченных вывезли в другие лагерные подразделения. Нас же, трудармейцев, передали местным органам МВД на правах спецпереселенцев. Назвали эту операцию «демобилизацией», хотя проводилась она без участия военкомата.

Хотя мы по-прежнему были лишены права выезда за пределы села Жешарт без разрешения коменданта-эмпвэдэшника*, все же мы получили возможность свободно передвигаться в пределах села, ходить в окрестные леса за ягодами, грибами.

С разрешения коменданта начались общения с родными, проживавшими в других районах страны. Начали соединяться семьи. По усмотрению органов МВД разрешали выезд бывших трудармейцев к своим семьям (в основном в Казахстан, Алтайский край, области Сибири), или приезд семей в Жешарт. Стали создаваться новые семьи (многие были еще не женаты).

Бывших трудармейцев, ставших спецпереселенцами, стали назначать на руководящие должности (начальниками, мастерами, механиками лесоперевалочных производств, электромеханических цехов, плановиками, бухгалтерами). Этому, конечно, способствовало их трудолюбие, добросовестность, организационные способности. Я стал главным бухгалтером вновь организованного при лесоперевалочной базе ОРСа, а в 1948 г. - главным бухгалтером лесоперевалочной базы.

Фото 19. Жешарт, встреча нового, 1955 года.

Слева направо: сидит Оля, стоит Надя, за ней Таня, я с Сергеем на руках, Параня, жена Ивана, Нелли, их дочь, Иван.

Второй ряд: Андрей (приехал с Алтая), Рита с сыном Володей, Гриша (приехал из Лузы), Катя.

для острастки присутствовал первый секретарь Устьвымского райкома партии Сидоров, который в своем выступлении внушал «непонятливым» комсомолкам, что этих немцев привезли сюда на истребление.

Пройти по селу было небезопасно. Местная молодежь, настроенная партийными и советскими руководителями солидного (вплоть до республикан-

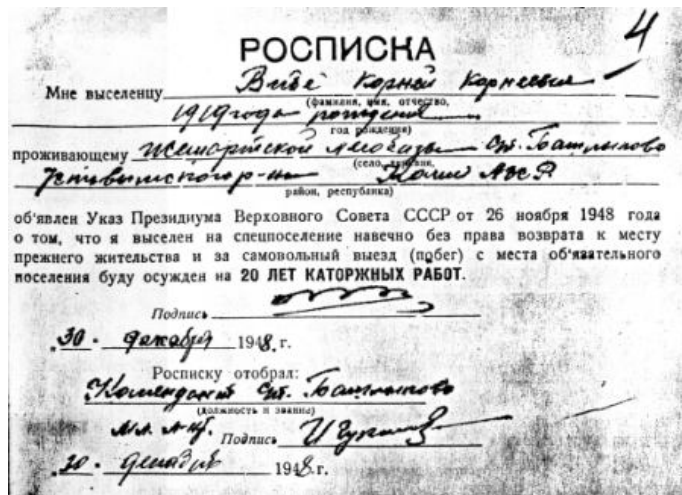
* МВД – Министерство Внутренних дел

ского) уровня враждебно, как к фашистам, могла напасть, избить и даже убить. Был случай, когда в нашего товарища Адольфа Шенберга выстрелили из ружья. К счастью, он «легко» отделался - дробинка попала в глаз, и он на всю жизнь остался одноглазым. Хотя стрелявший был известен, он никакого наказания не понес. Просто считалось, что он следовал призывам И. Эренбурга и К. Симонова: «Убей немца», при этом по невежеству или слепой озлобленности не сознавая, что этот клич был брошен в самый тяжелый период войны с фашизмом, а здесь были советские граждане и самоотверженные труженики.

Вот когда, очевидно, мы уже двигались к неизбежному с такими бездарными, тупыми руководителями, экономическому и политическому кризису.

Мы твердо надеялись, что с окончанием войны окончатся наши бесправия и унижения. Уверен, что ни у кого из нас не осталось бы обид за несправедливо пережитое. Конечно, боль, особенно за безвременно погибших, осталась бы.

Но не тут-то было. Вместо восстановления справедливости, нам объявили уже послевоенный Указ о том, что мы высланы НАВЕЧНО, и что самовольный выезд с места поселения карается КАТОРЖНЫМИ РАБОТАМИ сроком на 20 лет.

Соответственно этому Указу с нами, как со ссыльными, обращались местные партийные и советские органы, руководители предприятия. Ни один из бывших трудармейцев не был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Такова была

установка властей.

На руководящие должности (среднего звена) нас стали допускать только потому, что нашим руководителям нужны были наши добросовестность, самоотверженное трудолюбие и организационные способности. Ими они прикрывали свою тупость, лень и разврат. Это не мешало им крепко держать нас «в уздечке», не ослаблять поводья. Разделаться со «строптивыми» зазнавшимися и разложившимися руководителям не стоило труда.

Характерен такой случай. Были среди нас признанные лидеры: Роман Гренц, Александр Мейснер, Рафаель Адлер. Первого тысячный коллектив предприятия избрал председателем рабочего комитета профсоюза, а Мейснер и Адлер стали руководящими мастерами лесоперевалочных работ. Не могли

* К этому времени у Корнея и Ольги уже было двое детей.

эти принципиальные товарищи мириться с творимыми руководителями лесоперевалочной базы безобразиями, произволом, бесхозяйственностью. Они выступали с критикой неправильных, несправедливых действий начальства.

Стоило руководству и партийному комитету, не потерпевшим критики от «каких-то немцев», обратиться в районный отдел МВД, как этих троих сослали (из одной ссылки в другую) на отдаленный лесопункт на лесоповал, разлучив их с семьями, которыми они в Жешарте успели обзавестись.

Но ведь истинные качества остаются при любых условиях. Впоследствии эти «опальные» товарищи вновь стали признанными руководителями производства, а творившие над ними произвол оказались отброшенными и жалкими.

В отношении немцев не предъявлялось должных требований по охране труда и технике безопасности. Не проявлялась должная забота о получивших производственные увечья.

Молодой самоотверженный труженик из республики Немцев Поволжья Иван Аман, работая на выкатке древесины из воды, в 1944 году попал под обвалившийся штабель выкатанного леса и получил серьезную травму позвоночника. В результате бездушного к нему отношения, несвоевременного и неправильного лечения, он полностью потерял трудоспособность, стал инвалидом. Никаких забот о нем, о материальном возмещении утраты трудоспособности руководство предприятия не проявило. Его, уже безнадежного, отправили в республиканскую больницу в г. Сыктывкар. После выхода из больницы он остался жить в Сыктывкаре полным инвалидом, живя на мизерной пенсии.

Фото 20. Иван Александрович Аман, 1990-е годы

Когда этот Аман лежал в Сыктывкарской больнице, неподвижный, прикрученный к койке, с двумя привязанными к ногам кирпичами (для вытяжки), к нему в палату два раза в месяц приходил комендант МВД для оформления подписки в журнале отметок спецпереселенцев. Неподвижному инвалиду клали на живот табуретку, заводили на нее руки и заставляли расписываться в том, что он еще не сбежал вместе с койкой и привязанными к ногам кирпичами.

Лежащие в палате больные смотрели на эти процедуры и думали: какие же надо совершить преступления, чтобы тебя так охраняли. А преступление заключалось всего-навсего в том, что он осмелился родиться немцем.

Каким надо обладать мужеством и жизнелюбием, чтобы после таких унижений и издевательств не озлобиться, не отчаяться. А этот Аман, 50 лет тому назад ставший полным инвалидом, и сегодня живет в Сыктывкаре, не только дня, но и часа не проводит праздну, без упорного целенаправленного труда.

Да, это были подвиги, которых этими людьми совершено немало. Только остались они не отмеченными, не вознагражденными. Никто перед этими униженными и оскорбленными даже не извинился и, видимо, до сих пор извиниться не собирается. Изувеченному Аману не нашли даже возможным предоставить благоустроенную квартиру.

Вступая в браки с немцами, русские и коми женщины в большинстве случаев не переходили на наши фамилии, т. к. это грозило им ущемлением в правах. Дети с немецкими фамилиями со дня рождения становились спецпереселенцами, со всем предусмотренным для них бесправием.

Написать о полном обиде и бесправии положении немцев - спецпереселенцев, которое длилось вплоть до 1955 года, можно очень много. Надеюсь, что это будет сделано более литературно одаренными людьми, тоже прошедшими эти испытания.

Описание же своей личной жизни и жизни моей семьи в этот период неизбежно вызовут необходимость трудной исповеди, основанной на пересмотре, переоценке своих поступков и действий, всей прожитой жизни. Чтобы сделать это более обстоятельно без ущерба для других членов нашей семьи, оставляю эту тему на конец повествования.

А нам пока пора вернуться к сестрам и братьям, оставленным в этих воспоминаниях в разное время и на разных этапах. Начну по возрастному порядку.

Катя и Иван, осужденные к 8 и 10 годам лишения свободы за «контрреволюционную деятельность», отбывали отмеренные им сроки в лагерях знаменитого «Архипелага ГУЛАГ». Катя отбывала свой срок в Кемеровской области, работая швеей на швейной фабрике, а Иван находился в Кировской области в системе Вятлага, работая на лесоповале, лесо- и шпалопилении. Подробностей их лагерной жизни знаю очень мало. В то время их переживания меня мало интересовали, не говоря уже о принятии какого-то участия в удовлетворении их материальных нужд. Знаю, что Иван, будучи заключенным, усиленно работал над совершенствованием технологии шпалопиления, обеспечившем рекордную в то время производительность труда и оборудованная.

Фото 21. Наша семья, 1951 год. Моя жена Оля, у нее на руках Нелли, Таня, я с Надей на руках, сзади стоит Катя.

После окончания сроков заключения их, как немцев, оставили на положении спецпереселенцев по месту отбытия сроков. По нашим ходатайствам и разрешениям органов МВД они впоследствии переехали к нам в Жешарт (Катя в 1948, а Иван в 1952 г.).

Катя так замуж и не выходила, семьи своей не создала. Вот уж поистине жизнь, целиком отданная другим. Семь лет (1948-1955 г.) она прожила у нас, вела наше домашнее хозяйство, воспитывала наших детей, окружая их и нас любовью и заботами, не заботясь о себе. Вся наша семья, а больше всех я лично, перед Катей в долгу неоплаченном. Да такое никакими земными благами и не оплачивается. А на ответные, равноценные любовь и заботы мы (во всяком случае, я лично) оказались неспособны.

Иван создал семью в лагере. Его жена Параня (Парасковья), западная украинка, была репрессирована сразу же после войны тоже за «контрреволюционную деятельность». Ей, кажется, было всего лет 17-18. В лагере у них родилась дочь Нелли (3

февраля 1949 г.) По просьбе родителей ее в 1950 году мы взяли к себе в Жешарт. До приезда родителей (отца в 1952, а матери в 1954 г.) и ее воспитания занималась наша добрейшая сестра и тетя Катя.

Испытания, выпавшие на долю нашего брата Ивана, отбытием десятилетнего срока заключения не закончились. После освобождения, оставаясь там же, в системе Вятлага (Кайский район Кировской области) на положении спецпереселенца, он стал директором лесопильного завода. На его беду в результате возникшего ночью пожара завод сгорел. Конечно, Ивана тут же арестовали, снова обвинив в контрреволюционной деятельности.

Около года просидел он в тюрьме под следствием. Только благодаря десятилетнему лагерному опыту и некоторым доброжелателям из лагерного...*

1993-1998 гг.

* На этом «Воспоминания» отца, имеющиеся в нашем распоряжении, снова обрываются.

6 Моя исповедь

До сих пор эти воспоминания написаны «убежденным» атеистом. Этим и объясняется их самодовольный тон. Все «удачи» приписывались сильной воле, трудо- и жизнелюбию, оптимизму, а не чудному вождению нас нашим любящим Господом, который, несмотря на наше богоотступничество, продолжал искать своих блудных сыновей, оберегать их от опасностей, от гибели.

Долго не мог я написать эту самую трудную часть своего повествования. Умолчать о своей негативной роли в судьбах членов нашей семьи, других родственников и близких в годы разгула сталинских репрессий, о своей безнравственности в общественной и личной жизни, развращенности в созданной молодой семье - не позволяли остатки привитой праведными родителями совести. Рассказать же о них без утайки, не обеливая свои действия, не хватало мужества. Так окончание этих воспоминаний затянулось почти на три года, за которые я много пережил и, наконец, вся моя жизнь переменялась.

В этих Воспоминаниях я уже цитировал Некрасова. Теперь приведу еще одну цитату из той же поэмы «Кому на Руси жить хорошо», характеризующую мое состояние в эти годы (до апреля 1991 г.): «Долго боролся, противился Господу зверь-человек...» Слава Богу, эти борьба и сопротивление не устояли против великой благодати и бесконечной любви Господней, которыми я теперь спасен от вечной гибели.

Об этом, дорогие мои дети, внуки, племянники, родные и друзья, хочу, вернее обязан, свидетельствовать. Это свидетельство хочу совместить с повествованием о моей личной жизни, жизни моей семьи. Молю Бога о дарении мне силы духа и мудрости написать эту покаянную исповедь, это свидетельство о великой благодати и безграничной любви Господа нашего. Молю Его о том, чтобы Дух Святой коснулся и ваших сердец, чтобы и вы познали Его и приняли своим Спасителем.

В этих Воспоминаниях уже говорилось о том, в какой истинно христианской семье я родился и провел детство. С малых лет родители, наставники в воскресных библейских школах, большинство из окружающей меннонитской среды прививали нам любовь к Богу. Это продолжалось и после высылки нас в 1930 году в Архангельскую область, несмотря на жестокие преследования любых проявлений Богослужений.

К глубокому горю моей мамы, старших сестер и брата, в 17-18-летнем возрасте я начал удаляться от Бога, а в 19-20 лет совсем отрекся, и с присущим мне максимализмом стал воинствующим безбожником, вступил даже в такой союз (в 30-х годах существовал союз воинствующих безбожников «СВБ»). Для совращения меня с пути истинного коварный враг, сатана воспользовался отрицательными чертами моего характера: тщеславием, болезненным стремлением к верховенству, первенству среди моих сверстников. Я органически не переносил насмешек, даже намеков на них. А верующие в Бога в те годы подвергались самым изощренным насмешкам и издевательствам, рассматривались как враги советской власти и преследовались. «Мир» захватил меня своими «прелестями», соблазнами. Уговоры и внушения моей мамы, старших сестер и брата, других родных и близких возымели на меня обратное действие: восстанавливали против моих доброжелательных праведных наставников.

Богоотступничество совпало с началом моей трудовой деятельности, которое уже описано в этих воспоминаниях. В столярной мастерской, куда меня осенью 1934 года взял учеником муж моей двоюродной сестры Вильгельм Дридгер, по возрасту годившийся мне в отцы, работали одни пожилые мужчины-немцы. Будучи истинными христианами-меннонитами, они благотворно влияли на мою духовную жизнь. Но во второй половине 1935 года бригада столяров пополнилась молодыми украинцами, которые были безбожниками, и зло насмеялись над всем святым. Очень скоро я поддался влиянию новых «друзей-наставников», стал стыдиться своей принадлежности к верующим христианам. Это сопровождалось падением привитых нравственных устоев, я включился в разнузданную безнравственность: богохульство, пошлость, сквернословие, курение, употребление алкоголя. Поскольку безнравственность была нормой жизни наших руководителей и наставников, мое поведение всемерно поощрялось.

Сколько горя причинил я своим поведением моей доброй любящей маме, вместо того, чтобы быть ей опорой в её и без того тяжелейших испытаниях. Но это были еще только цветочки, ягодки-то были впереди. Они, эти ягодки, проявились по-настоящему в 1938 году, в разгул произвола сталинских репрессий. Об аресте мамы, сестер Кати и Риты, брата Ивана я уже писал. Намекнул я там и на свою неприглядную роль в судьбе репрессированных. Да, я давал свидетельские показания по обвинению арестованных, в т. ч. и мамы, и сестры Кати, в которых наставления нас в вере и любви к Богу, учение нас Слову Божию характеризовались как антисоветская агитация. При этом допускались угодные следователям НКВД искажения и фальсификации высказываний и действий, т. е. самые настоящие лжесвидательства.

Вся глубина подлости и преступности этих лжесвидательств открылась моему сознанию, когда в июле 1992 г. перечитывал свои показания в уголовном деле по обвинению матери, сестры Кати и других репрессированных, пересланных по моему заявлению для ознакомления из Архангельского КГБ в Пермский. Если бы я не познал Господа, не принял Его своим Спасителем, после ознакомления с этим делом 50-летней давности, которое освежило в моей памяти всю глубину моего падения, я поступил бы, наверное, как Иуда Искариот после предательства Христа. Но это меня еще раз убедило в неизмеримом величии Божьей благодати, которой эти тягчайшие грехи мне прощены, омыты кровью Христа. Ведь по человеческим понятиям такое не прощается.

Но эти события - падение и полное осознание всей его глубины - разделяют более 50 лет жизни без Бога, жизни глубоко греховной. Основные моменты моей жизни довоенного и военного периодов, да и первых послевоенных лет - спецпоселения - я в своих «Воспоминаниях» уже описал. Все эти годы я вел глубоко греховную жизнь, все более опускаясь и нравственно разлагаясь. Каждый прожитый день был полон повторяющихся и усугубляющихся греховных деяний: лжи, сквернословия, богохульства и [?]*. Особо изобиловали эти грехи в состоянии алкогольного опьянения. Пристрастие к употреблению алкоголя развивалось все больше и больше, трудно сказать, что тут явилось причиной, а что следствием. То ли пьянство порождало пороки, то ли оно явилось средством глушения оставшихся еще отголосков совести. Очевидно, эти два фактора взаимодействовали, вызывая цепную реакцию. Первопричиной морального разложения, нравственного падения, безусловно, явилось богоотступничество. Ведь человек, оставивший Бога, неизменно теряет и себя, как личность, как [?], как творение Божие. Он становится слугой дьявола, все

* В оригинале (копии, которая есть у меня), неразборчиво

глубже увязая в его сетях. В этом меня твердо убедил собственный опыт. Тяжелым камнем на моей совести лежит моя несправедливость, жестокость по отношению к окружающим, к моим родным. Судьба репрессированных матери, сестры Кати и брата Ивана меня не интересовала. Очень мало заботился я о младших братьях Андрее и Грише, сестре Эрне. Отсутствие материальной поддержки вынудило Андрея и Гришу бросить учебу в техникумах и идти на тяжелые лесные работы. Имея возможность облегчить страдания братьев от голода во время войны, я этого по жестокосердию не сделал. Жестокость и несправедливость я проявлял и к своим собратям-трудармейцам. До конца жизни не забуду случая в Жешартской «зоне» зимой 1942-43 гг. На конных подводах ввозили в зону для питания трудармейцев мерзлые корнеплоды турнепса. Я, как работник пищеблока, участвовал в охране этого турнепса от растаскивания. При этом жестоко бил голодных братьев, набрасывающихся на проезжавшие по зоне груженные повозки, чтобы завладеть хоть одной турнепсиной и утолить ею голод. Подобные действия и поступки в те годы стали в моей жизни системой. Падение же было таким глубоким, что они перестали вызывать угрызения совести.

Во второй половине 1943 года судьба меня свела с прибывшей по вольному найму в Жешарт на работу в должности бухгалтера нашей колонны Ольгой Харюковой, обладавшей миловидной внешностью и добрым нравом. Мои к ней симпатии встретили у неё ответные чувства. Наше общение с ней не только по совместной работе в конторе, находившейся внутри нашей зоны, а также вне рабочей обстановки углубили наши взаимные симпатии. В феврале 1944 г., после моей демобилизации (расконвоирования), мы поженились, и у нас родилось трое детей: Татьяна (8 июля 1945 г.), Надежда (28 ноября 1948 г.) и Сергей (28 сентября 1952 г.).

Фото 22. Ольга Харюкова, 1941 год

Если бы тогда кто-то усомнился в моей любви к жене и детям, я бы искренне недоумевал и возмущался. Сам я был уверен, что люблю их больше всего на свете, не отдавая себе отчета в том, что такое любовь. Только теперь, сопоставляя тогдашние чувства и отношения с определением любви Апостолом Павлом (1 Кор.13:4-8), признаю, что в моем сердце тогда не было и не могло быть истинной любви. Искал я во всем только своего: плотских увлечений и наслаждений, удовлетворения своего тщеславия, а прежде всего и во всем разгульных выпивок с безмерными возлияниями. В пьяном же состоянии полностью утрачивал контроль над своими действиями и поступками, оскверняя свои тело и душу, причиняя безмерные горе и страдания своей жене, являя плохой пример окружающим и, прежде всего, своим подрастающим детям. Несмотря на это, благодаря заботам и стараниям их матери и тети Кати (моей сестры) все трое выросли и «вышли в люди». А насколько счастливее, духов-

но богаче могла бы быть жизнь наших детей и их семей, если бы мы воспитали их в любви к Богу, в вере в Него и в Слово Божие.

Детей наших (Татьяну с трех лет, а Надежду и Сергея с рождения) до 1955 г. выходила и воспитывала жившая у нас моя сестра Катя. Татьяну до трех лет нянчили привлеченные старушки или девочки. В отношении одной из этих нянь, сосланной западной украинки, на моей совести лежит тяжелый грех. После того, как она около года прожила у нас, ее вернули в посёлок ссыльных, где по недоразумению она лишилась продовольственной карточки, и оказалась обреченной на голодную смерть. Неоднократные просьбы об оказании ей помощи мы жестокосердно отвергли, хотя и были в состоянии это сделать. Голодная смерть этой старушки тяжелым бременем легла на моей совести.

Несмотря на увлечение пьянством, на ограниченное четырьмя классами образование, я преуспевал по службе, занимая ведущие должности в бухгалтерском учете и финансово-экономической работе. Еще будучи спецпоселенцем, я стал главным бухгалтером крупной лесоперевалочной базы в Жешарте, по месту ссылки. После снятия с учета спецпоселения вышестоящие организации переводили меня в должности главного бухгалтера

Фото 23. Сестра Катя с нашими детьми. Новый, 1955 год. Надя, Нелли (Ивана), Сережа, Таня, Володя (Ритин)

на предприятия лесной промышленности: сплавной конторы в г. Сыктывкар (1955 г.), Братской лесоперевалочной базы (1957 г.), Судостроительного завода (снова г. Сыктывкар, 1962 г.). Весной 1964 г. меня перевели в аппарат Коми совнархоза в должности главного бухгалтера управления материально-технического снабжения. В этом же, реорганизованном в конце 1965 г. Коми территориальном управлении Госнаба СССР, я продолжал работать в должности начальника финансово-бухгалтерского отдела.

Сознавая явное несоответствие моего образования занимаемой должности в 1964 г. начал заочно учиться с 7-го класса и в 1971 г. окончил Ухтинский лесотехникум.

В 1972 г. по предложению Татарского главснаба и Госснаба СССР перешел в г. Набережные Челны на работу в управление материально-технического снабжения строительства КАМАЗа, где проработал сначала главным бухгалтером, а затем заместителем начальника управления по экономическим вопросам.

Значительные успехи в организации бухгалтерского учета и финансовой работы, признания руководством моих заслуг в этих успехах, вскружили мне голову. Если уже и раньше я возгордился успехами в работе и учебе, то здесь, в Набережных Челнах, буквально терял голову. Появилась уверенность

ность во вседозволенности. И на самом деле никто меня не останавливал в быстро прогрессирующей безнравственности, пьянстве, прелюбодеяниях. Дело дошло до разрыва в 1974 г. с женой и вступления в новый брак с сотрудницей бухгалтерии нашего управления Раисой Морозовой.

Особая тяжесть этого греха заключалась в том, что, во-первых, жестоко разбив жизнь матери моих детей, я еще выискивал и высказывал обвинения в ее адрес; во-вторых, совершив тяжкий грех прелюбодеяния, втянул в этот грех Раису Морозову. Я совершил этот грех, зная Божьи Заповеди, тогда как она, выросшая и воспитанная в детдоме, ничего не знала о Боге и Его Слове.

Очень кстати мне пришлось предложение Госснаба СССР возглавить бухгалтерский учет и финансовую работу во вновь образованном главном управлении материально-технического снабжения в г. Тюмени. В апреле 1976 г. мы с новой женой Раисой переехали в г. Тюмень. Здесь продолжались неблагоприятные, безнравственные поступки и действия, особенно увлечения выпивками, перешедшие в заболевание алкоголизмом. Утрачивая в состоянии опьянения контроль над своими поступками, я снова причинял страдания и [?] своей жене Раисе, в лице которой я совершенно незаслуженно обрел самого преданного друга. Черной неблагодарностью я отвечал на ее заботу и любовь.

Это продолжалось и в Перми, куда мы переселились после моего выхода на пенсию в мае 1980 года. Здесь же алкоголизм еще [усилился], приняв форму продолжительных (до недели) запоев. Несмотря на это я продолжал, преуспевая, работать все в той же системе, в Пермглавнаб.

Тогда я не признавал, что все мои успехи были результатом природной одаренности и привитого родителями трудолюбия и чувства долга, которые я просто не успел полностью растратить. Только теперь у меня открылись глаза, на краю какой пропасти я находился все эти годы жизни без Бога. Но и открылось мне, что от падения в эту пропасть на заслуженные вечные муки и страдания хранили меня бесконечные благодать и любовь Господа, принявшего на себя и вознесшего на голгофский крест и мои грехи. Уверен, что от заслуженной кары за богоотступничество, богохульство, бесчисленные тяжкие грехи, меня уберegli молитвы моих праведных родителей, старших сестер и других родственников, в том числе и дяди Ивана (маминоного брата). То, что не в состоянии были сделать внушения и советы, достигли их молитвы к Богу.

Довольно часто (раз в два-три года) я навещал своих родных в Братске. Был на похоронах всех трех братьев: Гергарда - в январе 1976 г., Ивана - в январе 1986 г., Генриха - в марте 1989 г. Ни соприкосновения с порогом вечности, ни свидетельства глубоко верующих детей Божиих, моих сестер и других родных, тогда не тронули мое окаменевшее сердце. Евангелие и другая духовная литература, которые давали мне старшие сестры, оставались нечитанными. Сказать, что все это совсем не трогало мое сердце, будет неверным. Всякие признаки голоса совести глушились винными парами, пошлыми, богохульными речами и действиями.

Недавно прочитал очень образное определение пастором Вильгельмом [?]уш «греховой цепи». Суть этого определения на русском языке, примерно, такова: представьте себе, что мы от природы имеем на шее железное кольцо. Каждый новый грех, даже кажущийся нам незначительным: обман, ложь, злословие, осуждение ближнего, нечестность, непристойная мысль и т. п., не говоря уже о пьянстве, прелюбодеяниях, богохульстве, приваривают к нему новые звенья. Трудно вообразить, какая длинная цепь висела на моей шее. Тащить её стало просто неважно. Хотя эта цепь для человеческого глаза невидима, тяжесть её, лишавшая меня удовлетворения жизнью, радо-

сти, становилась невыносимой. Все чаще я впадал в угнетенное, подавленное психическое состояние, депрессию. Я стал серьезно подумывать о смысле жизни, вернее, о ее бессмысленности, стал подумывать о сведении счетов с жизнью, придумывая способ, смягчающий страдания остающихся близких мне людей.

Между тем любящий Господь продолжал искать меня, закоренелого грешника, несмотря на моё яростное сопротивление: «Ибо Сын человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (Лук.9:56). А для Господа нашего нет ничего невозможного. Пути Его неисповедимы, как чудно Он повел меня к познанию Его, ко спасению! Об этом хочу коротенько рассказать.

В июле 1990 г. мы с гостившими у нас в Перми дочерью Надеждой, её детьми (моими внуками) Ольгой и Игорем поехали в Братск на 80-летие моей старшей сестры Кати. На этот юбилей приезжали и родные из города Токмака (Кыргызстана): двоюродная сестра Лена Тиссен (урожденная Валь), вдова моего брата Гергарда Мария, её племянницы (18-20 лет) и племянник Петя (16 лет). Все они глубоко верующие истинные христиане.

Я видел, что для этих родных, как и для моих старших сестер, вопрос о смысле жизни совершенно ясен. Их жизни посвящены Господу. Ему они принадлежат и служат. Живут они по Слову Божию: «Все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков, зная что в воздание от Господа получите наследие; ибо вы служите Господу Христу!» (Кол.3:23-24). В этой истинно христианской жизни нет и признаков скуки или одиночества. Их общение между собой полно любви и согласия, радости и счастья. И все это настолько чисто и свято, что просто невозможно не видеть огромной разницы между жизнью моей и мне подобных и жизнью этих детей Божиих. Свидетельство о Господе, о своем спасителе Иисусе Христе является составной частью их жизни. Этим свидетельством насыщены все их слова и действия, причем без признаков навязчивости, а тем более своего превосходства.

Тогда во время общения с этими родными в Братске никаких видимых изменений в моей внутренней жизни не произошло. Встречи с не познавшими Господа племянниками и их семьями сопровождалась возлияниями алкогольных напитков и греховными разговорами. Вместо благотворного, я оказывал на них отрицательное влияние.

На дороге (а возвращались мы из Братска поездом) сестры снабдили нас духовной литературой, чтение которой, да еще на фоне наблюдений в Братске образа жизни истинных христиан, заставило меня серьезно задумываться. Особо сильное впечатление на меня произвела книга «Не просто плотник». Автор этой небольшой книги, американец Джордж Мак-Дауэлл, будучи в студенческие годы убежденным атеистом, с целью доказать несостоятельность христианского учения, решил самостоятельно исследовать документы двухтысячелетней давности. Но эти исследования привели его к обратному - убеждению в достоверности и Богодуховности Библии. Неоспоримые свидетельства об этом, приведенные в его книге, сначала поколебали, а затем и опрокинули вбитые в мою голову лжеистины о несовместимости веры Бога с наукой.

Приехав домой в Пермь, я получил бандероль из Германии от Августы Янцен с духовной литературой, из которой на меня сильно подействовала брошюра Вернера Хейкельбаха «От богохульника до Евангелиста». В приведенной в брошюре автобиографии я увидел много общего в судьбах и переживаниях автора и моих.

Все это - встречи с родными в Братске, появление и чтение врученной мне сестрами и присланной из Германии литературы, взбудоражившей мою душу, - не случайные стечения обстоятельств, а мудрые Божии предначертания.

Это Он, отдавший жизнь Свою для нашего спасения, искупивший нас Своєю кровью, шаг за шагом шел в поисках жалкого грешника, чтобы спасти его.

Еще целых восемь месяцев шло мое сопротивление Господу. Продолжая греховную жизнь, я заглушал голос совести алкоголем.

Наконец, последовав зову Господа, я посетил молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, где 21 апреля 1991 г. покаялся в своих грехах и по своей молитве, основанной на вере в Иисуса Христа, в то, что Он и мои грехи вознес на голгофский крест, получил прощение грехов. С моих плеч свалилось тяжелое бремя грехов, оборвалась «греховная цепь». 6 июля 1991 г. я принял водное крещение. Божией благодатью я стал дитем Божиим, и ко мне стало относиться Слово: «Благодаря вере в Иисуса Христа вы стали сыновьями Бога» (Гал.3:26).

От многих возрожденных детей Божиих я слышал, что они сразу же после обращения ощутили радость и счастье спасения. Ждал и я этого и был разочарован отсутствием этих чувств. У меня даже возникли серьезные сомнения в моем спасении, с которыми обратился к духовному наставнику. После неоднократных бесед с наставниками, усердного чтения Слова Божия - Библии, совместных с наставниками и уединенных молитв, Господь открыл мне причины моих сомнений: во-первых, это были происки сатаны, ухватившегося за свою жертву, своего многолетнего слугу, всеми средствами стремившегося вернуть его в свои сети, во-вторых, эти сомнения были вызваны незнанием Священного Писания. Вместо того, чтобы исследовать Писание, с полной верой уповать на Божьи Заветы и Обетования, я полагался на свои чувства, эмоции. Ведь Иисус Христос, сказал: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин.5:39). В том же Евангелии от Иоанна в 5-й главе, 24-м стихе мы имеем Обетование нашего Господа: «Истинно, истинно говорю вам - слушающий Слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь!» Ясные утверждения, что всякий, уверовавший во Христа и принявший Его, стал чадом Божиим, мы имеем во многих стихах Евангелия и других книг Нового Завета. Вот, некоторые из них: Ин.1:12 «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими». Ин. 5:12-13 «Имеющий Сына Божия имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни, Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы, веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную».

Когда прочитал я в Слове Божиим эти чудные Обетования и уверовал в них, у меня появилась уверенность в моем спасении. Что сопровождалось потребностью в молитвенном общении с Господом, чтении Его Слова, общения с детьми Божиими. Во всем этом я испытывал радость и счастье спасенного чада Божия.

Поразительные перемены в моей жизни увидел не только я сам, но и мое окружение, в частности моя семья. Жена моя Раиса, никогда не слышавшая и не читавшая Слово Божие, стала посещать со мною богослужения. Слово Божие коснулось ее сердца. Она покаялась, получила прощение грехов, приняла водное крещение, стала чадом Божиим. Вот когда я во всей полноте ощутил счастье спасения, радость быть дитем Божиим.

Всем вам, мои дорогие дети, внуки, племянники и племянницы, друзья и близкие, желаю этого счастья! Приидите ко Христу, отдайте Ему ваши жизни! Он и за вас страдал и умирал, и ваши грехи он вознес на голгофский крест. Не откладывайте, не упустите время благодати!

У всех, кому я причинил зло (а причинил я его очень многим), я искренне прошу прощения. Глубоко сожалю о содеянном.

Из глубины сердца произношу слова третьего куплета песни «Не хотел бы я бесплодным к трону Господа прийти»: «Если б мне года былые дано было возвратить, мне и радостью и счастьем было б Господу служить».

Да, возвратить былые года нам не дано. А вот посвятить служению Господу все оставшиеся дни - это я должен, этого я хочу, об этом молю Бога. Дай Бог мне силу духа всей оставшейся жизнью служить Ему, нести Благою весть о спасении еще многим.

г. Пермь, октябрь 1993 г.

Корней Вибера

7 Aus der GESCHICHTE

Johann Wiebe (1840-1918), seiner Kinder, Großkinder und ihren Familien. *

«Selig sind, die um der Gerechtigkeit willen verfolgt werden; denn ihrer ist das Himmelreich».

(Matth 5;10)

«...Selig sind die Toten, die in dem Herrn sterben... sie sollen ruhen von ihrer Mühsal; denn ihre Werke folgen ihnen nach».

(Off 14; 13)

Es ist ja sehr schade, das keine schriftlichen Erinnerungen aus der Geschichte der Familien meines Großvaters und seiner Kinder vorhanden sind. Zwei Bücher solcher Familien Beschreibungen wurden konfisziert bei der Verhaftung meines Vaters, Kornelius Wiebe, im Juni 1930 und sind natürlich vernichtet.

Mein Großvater Johann (geb. 1840) starb im Jahre 1918, kurz nach meiner Geburt. Heute bin ich sein einziger am Leben gebliebene Enkel, der seinen Familiennamen trägt. Dieses Verhältnis legt auf mich gewissermaßen Verpflichtung die Geschichte unserer Vorkommen den Nachkommen kund zu tun.

Bei unseren Großeltern Johann und Auguste Wiebe wurden 17 Kinder geboren, von denen 8 als ganz kleine Kinder starben und 9 erwachsen wurden:

Maria (1870-1929), Heinrich (1871-1919), Johann (1872-1936), Katherine (1873-?), Anna (1876-1937), Louise (1878-?), Agate (1881-1937), Gerhard (1882-1922), Kornelius (1885-1931).

Die älteste Tochter Maria war als kleines Kind wegen einer schweren Krankheit ein Krüppel geworden (verkrüppelte Wirbelsäule, Füße und Hände).

Johann Wiebe (1872-1936) heiratete seine Cousine Magdalene Wiebe (die Tochter Margarete und Kornelius Wiebe). Sie Haben 6 Kinder: 4 Töchter und 2 Söhne. Beide Söhne, Ernst und Johann, waren taubstumm. Magdalene Wiebe starb 1927-28. Im März 1930 wurde die ganze Familie Johann Wiebe verbannt - ausgesiedelt in das Gebiet Archangelsk. Dort wurde Johann Wiebe noch einmal verhaftet und starb im Konzlager 1936. Von dieser Familie sind keine Nachkommen geblieben. Niemand von den 6 Kindern heiratete.

Katherine war verheiratet an Heinrich Nickel. Im Anfang der 20-ten Jahren siedelten sie aus Rußland nach Canada, wo ihre Nachkommen wahrscheinlich auch heute leben. Nach Erzählungen unserer Eltern war es eine große Familie. Alle Briefe und Fotografien von dieser Familie wurden bei uns konfisziert. Anna Wiebe war verheiratet an Jakob Fedrau. Sie hatten 2 Kinder: Auguste, geboren 1900, und Johann (1905). Jakob Fedrau wurde geisteskrank und starb im Irrenhaus am Anfang der 20-ten Jahren. Auguste heiratete Bernhard Mattis. Sie hatten keine Kinder und starben im Alter über 80

Jahren in der St. Karaganda. Johann Fedrau starb an Knochenschwindsucht im Alter 16-17 Jahre. Louise Wiebe heiratete einen Witwer Johann Klassen mit 2 Kindern: Lena und David. Sie hatten noch zusammen 5 Kinder, die älteste von denen, Maria, war verheiratet an Heinrich Suckau. Sie hatten 10 Kinder, die jetzt mit ihren großen Familien in Deutschland wohnen. Die zweite Tochter, Erna Klassen war verheiratet an Johann Harder. Ihre 3 Kinder: Irina, Wera und Eugeni wohnen mit ihren Familien in Rußland. Von allen Kindern Louise Klassen (Wiebe) ist noch am Leben die jüngste Tochter Hedwiga (1920-1921). Sie wohnt mit ihren 2 Töch-

* Глава «Из истории» написана отцом на немецком языке и отправлена в Канаду для включения в следующее издание книги «Wiebe Family Tree».

ter und ihren Familien in Rußland. Agathe Wiebe bis 45-46 Jahre war nicht verheiratet. Sie hatte Hochbildung, war Lehrerin. 1928 heiratete sie einen Witwer Johann Töws mit 5 Kindern. Im März 1930 wurde auch diese Familie verbannt - ausgesiedelt in das Gebiet Archangelsk, nach der Verhaftung und Tod ihres Mannes (Er wurde erschossen 1935-36), fuhr sie mit 2 am Leben gebliebenen Kinder - Johann (1918) und Frieda (1920) - zurück in die altsamarische Mennonitenkolonie. Dort starb sie 1937 im Alter 55 Jahre.

Ich berichte nichts von Heinrich (1871-1919) und Gerhard (1882-1922), weil ich von ihnen nichts weiß. Ihr habt aber doch Information von ihren Töchtern Anna Suckau und Anna Hamm aus Deutschland.

Jetzt will ich etwas umständlicher berichten aus dem Leben der Familien unserer Eltern Kornelius und Renate Wiebe und ihren Kindern. Alle Namen, Geburts- und Todesdatum, Fotografie unserer Familie und andere Information haben Ihr ja schon.

Mein Vater Kornelius Wiebe (1885-1931), wie auch sein Vater und Bruder war ein fähiger und fleißiger Landwirt. Seine Gattin Renate war auch aus einer Bauernfamilie. Sie wurde geboren und wuchs auf in Familie Jakobs und Barbara Fast, (geborene Wiebe) die 21 Kinder hatten. Meine Eltern, wie auch die Großeltern, waren fest gläubige Christen-mennoniten. Auch uns, ihre Kinder, erzogen sie in diesem Glauben. Morgen- und Abenddachten aus der Bibel und Predigstbücher mit gemeinen Gebeten wurden niemals versäumt. Jeden Sonntag fuhren die Eltern mit allen Kindern ins Versammlungshaus zum Gottesdienst.

Mein Vater bekam einiger messende Bildung, wahrscheinlich die Mittelschule. Als junger, noch unverheirateter Mann wurde er einer der Gründer im 1906 j. eines Landmaschinenhandelsbetriebs. «Harder, Wiebe und K°». Teilhaber des Betriebs waren zwei Brüder Harder und zwei Brüder Wiebe: Johann und Kornelius.

Einer dieser Teilhaber, Bernhard Harder, in seiner «Geschichte der letzten deutschen Ansiedlung in Rußland – «Aleksandrthal» (Deutschland. April 1985) schreibt, das dieser Betrieb zu einer Revolution in der Industrialisierung der Landwirtschaft wirkte, wie in der Mennonitenkolonie, so auch in der russischen Umgebung des Samaragebietes und noch weiter. Der Betrieb «Harder, Wiebe und K°» brachte den Landwirten nicht nur progressive Technik, sondern auch kaufte bei ihnen auch den Überfluß von Getreide und anderen Landwirtschaftsprodukten.

Dieser Betrieb war sehr erfolgreich wie für die Teilhaber, so auch für die Bauern der Umgebung. Wie lange er existierte, weiß ich nicht – wahrscheinlich, bis zu dem ersten Weltkrieg (1914).

Später, in den 30-n Jahren, brachte die Teilnahme an diesem Berief viel Leiden: Johann Harder und Kornelius Wiebe wurden erschossen (1931), Johann Wiebe starb im Konzlager. Bernhard Harder vermeidet dieses Schicksale: er emigrierte nach der Revolution nach Deutschland.

Der Erste Weltkrieg (1914) und die Revolution (1917) brachten viel Leiden und Elend mit sich auch für unsere Familie. Mein Vater Kornelius Wiebe wurde in den Militärdienst einberufen (in Sanitarabteilungen). Die ganze Wirtschaft lagt sich auf die Schultern unserer Mutter, die mit 3 kleinen Kindern (4, 2 und 1 Jahre alt) und das vierte erwartend, ohne Stutze ihres Mannes blieb.

Von dieser schweren Zeit weiß ich leider sehr wenig, auch nicht wie lange unser Vater im Kriegsdienst war. Wie ich schon erwähnte, sind keine schriftliche Erinnerungen vorhanden - alles wurde in den späteren (30-ten) Jahren konfisziert und vernichtet.

Die Revolution annullierte das Privateigentum auf das Land, brachte Unordnung und Chaos in die Wirtschaften. Jeder, durch Fleiß und Fähigkeit einigermaßen wohlhabend gewordene Wirtschaftler wurde als Klassen und Volksfeind betrachtet und behandelt. Dieses betraf die meisten Mennonitenkolonisten und, natür-

lich, auch unseren Vater. Als solcher wurde er untragbar besteuert. Das normale Wirtschaften wurde einfach unmöglich.

Solche unsinnige Wirtschaftspolitik der Kommunisten, die Mißernte wegen Dürre 1920, brachte das Wolgo-gebiet 1921 zu einem schrecklichen Hunger. Die Mennonitenkolonisten hatten doch Vorrat an Lebensmitteln, die sie bei sparsamen Ausnutzen von Hunger befreite. Aber die russische, tatarische und andere Völker der Umgebung verhungerten Tausende. Sie kamen scharenweise in die Mennonitendörfer, setzten und legten sich auf die Hofe, bettelten um ein Stückchen Brot, eine Kartoffel oder anderes Lebensmittel. Es ist nur zu bewundern, das niemand von diesen hungrigen ohne Hilfe vom Hof gejagt wurde. Bei aller Knappheit, wurde noch fühlbare Hütten für den Hungernden organisiert. Mein Vater Kornelius Wiebe (1885-1931) war einer der aktiven Organisatoren dieser Hilfe. Die kommunistische Sowjetregierung mit Lenin an der Spitze sah wohl, zu was einer Katastrophe sie das Land brachte. Sie machte eine straffe Wendung - führte 1921 eine neue Wirtschaftspolitik ein, die das Privateigentum wieder herstellte, der Wirtschaftlerin Selbständigkeit und Freiheit in Unternehmungen gab.

In den Wirtschaften der Mennonitenkolonisten zeigte sich auch gleich ein steiler Aufstieg: wieder wurde hochergiebiges Rassevieh eingekauft und aufgezogen, neue Sorten Getreide gesät, hochleistungsfähige Maschinen eingekauft. Diese Jahre (1924-1927) kann ich mir noch klar erinnern, unsere Wirtschaft wurde erneuert, erweitert, mit Selbstbinder, einen Traktor («Fordson») und Anhänge Aggregate zu ihm; das Rindvieh wurde mit rassigen Simmentaler erneuert. Mit welcher Begeisterung und Fleiß arbeiteten wir alle in der Wirtschaft! Auch die Kleinen (von 6-7 Jahren) mußten schon tüchtig arbeiten.

Aber diese Freude war nur kurzdauernd, der wirtschaftliche Aufschwung hatte ein schnelles und trauriges Ende. Stalin, der sich nach dem Tode Lenins an der Spitze der kommunistischen Partei und Sowjetregierung stellte, nahm einen harten Kurs auf sozialistischen Reformen, durchgängige Kollektivierung der Landwirtschaft. Nicht nur Andersdenkende, sondern auch jeder Verdächtige wurde repressiert. Die meisten der Mennoniten wurden als Klassen- und Volksfeinde an erkannt, viele verhaftet und verbannt.

Viele, auch unser Vater Kornelius Wiebe, wollten in dieser Zeit (1928-29) aus Rußland emigrieren, aber es war zu spät- die Grenzen der Sowjetunion wurden fest geschlossen.

Viele, die emigrieren wollten, wurden repressiert. In dieser Zeit (1928-1930) verstärkten, auch die Verfolgungen für den Glauben an Gott. Ältesten der Gemeinde, Prediger wurden in die Gefängnisse und Konzlagern geworfen.

1929-1930 wurde Stalins Plan der Liquidierung des Kulakentums als Klasse erfüllt jeder einigermaßen wohlhabende Bauer wurde als «Kulak» gestempelt und entsprechend behandelt verfolgt. Vielen aus der Mennonitenkolonie als solchen «Klassenfeinden» wurde alles abgenommen (konfisziert), die ganzen Familien wurden verbannt - ausgesiedelt in die nördliche oder sibirische Gebiete.

Dieses Schicksal traf im März 1930 auch die Familien unseres Vaters, Kornelius Wiebe (1885-1931), seines Bruders Johann Wiebe und seiner Schwester Agathe (Johann Töws).

Die Ungerechtigkeit und Grausamkeit, mit denen diese Verbannung ausgeführt wurde, kann man sich kaum vorstellen.

In unseres Haus mit kleinen kranken Kinder (5 kleinsten Kinder lagen mit Infektionen Krankheit – Ziegenpeter) unerwartet stürmten Parteiaktivisten ein und geboten uns auszusiedeln. Zu aller Vorbereitungen erlaubten sie einige Stunden.

Das Gepäck, daß wir mitnehmen dürften, wurde streng begrenzt. Das meiste, sehr notwendige, blieb im Haus, so wurden wir auf die Station gefahren, dort wie

Vieh in Eisenbahngüterwagen verladet (5 große Familien in einen Wagen), von aussen verschlossen und mit bewaffneten Soldaten bewacht.

Eine ganze Woche ging es nach Norden. Was diese Woche im verschlossenen Wagen, ohne jegliche Hygiene, sanitäre Verhältnisse, besonders für Frauen und kleine, sogar noch kranke, Kinder, bedeutete, ist kaum vorzustellen.

Anfang April 1930 kam der Zug mit den Verbannten auf einer kleinen Zwischenstation 300 km südlicher von Archangelsk an. Aus den Wagen ausgeladen, wurden wir in Waldarbeiterbaracken (8 km von der Eisenbahn entfernt) gebracht. Die kleinen und kranken Kinder führen mit dem Gepäck auf Pferdefuhrwerke. Die größeren Kinder mußten mit den Erwachsenen zu Fuß gehen.

Unsere Familie wurde mit noch 6 großen deutschen (mennonitischen) und einer estischen Familien in eine Baracke untergebracht. Die Enge in der Baracke kann man sich vorstellen: ungefähr 60 Personen wohnten in einem Raum 12x7 m. Ein russisches Sprichwort lautet: «Wie Heringe im Faß».

Das ganz Schreckliche zeigte sich in der Nacht. So wie die Beleuchtung (Petroleumlampe) gelöscht wurde, krochen aus allen Ritzen der Decke, den Wänden, den zweistöckigen Pritschen - von überall scharen Wanzen raus, bedeckten unsere Körper, brennten die ganze Haut.

Solche Verhältnisse waren doch nicht für 1-2 Monaten, sondern diese Baracke sollte auf unbegrenzte Zeit unsere Wohnung sein. Aber auch in solchen Verhältnissen - verzagten unsere Eltern nicht, sie nahmen alles aus

Gottes Hand und vertrauten auf ihn.

Gottes Wort wurde täglich gelesen. Jeder Tag begann und endete mit Gebet. Jeden Sonntag versammelten sich die Deutschen (Mennoniten) aus allen Baracken zum gemeinen Gottesdienst. Gottes Wort wurde auch in den Baracken der Russen und anderer Nationen verkündigt. Dieses tat oft unser Vater, der gut russisch konnte. Dieses Predigen wurde für ihn später eine Beschuldigung an Konterrevolutionären Taten.

Natürlich brachten solche Verhältnisse auch zu Krankheiten. In unserer Familie bei 4 Kinder, ging der nicht ausgeheilte Ziegenpeter zu Meningitis (Gehirnhautentzündung) über. Agathe starb 21.05.1930. Die anderen 3 wurden ins Krankenhaus in der St. Wologda gebracht (300 km südlicher). Dort starben die zwei Kleinsten: Alfred (den 07.06.1930) und Wilhelm (den 08.06.1930). Sie wurden in einem Sarg begraben. Margarete (Greta) wurde nach langer Kur gesund.

In der Zeit, als unsere Mutter mit den kranken Kindern weit von der Familie war, wurde unser Vater, Kornelius, Wiebe verhaftet (den 5 Juni 1930). Er wurde beschuldigt an Spionage (die Beziehungen mit Ausländer Verlandeten), an konterrevolutionäre Agitation (das Predigen). Die Wahrheit von seinem Schicksal wurde uns bis 1989 nicht kundgetan. Beinahe 60 Jahre wußten wir nicht, daß unser Vater erschossen war. Unsere Mutter wußte es nicht bis zum Ende ihres Lebens (sie wurde 1938 auch erschossen).

Wieviel Leiden und Weh mußte unsere Mutter aushaken. Nur ihr starker Glauben, volles Vertrauen auf Gott gab ihr Kraft in diesen Prüfungen nicht zu verzagen. So blieb jetzt unsere Mutter mit 8 Kindern ohne männlicher Stütze. Die 3 Ältesten: Käthe (20 Jahre), Louise (18 Jahre) und Johann (17 Jahre) mußten schwere Waldarbeitern tun. Den 21.11.1931 starb unsere Schwester Louise an Typhus. Sie war noch nicht 20 Jahre alt. An unserem Verbannungsort waren 2 Jahre keine Schulen und wir, die kleineren Geschwister lernten auch nicht.

Anfang 1932 wurden wir auf eine neue Wohnsiedlung übersiedelt, die sich an der Eisenbahn befand. Hier bekam jede Familie eine eigene Stube, wurde auch eine Schule geföhlt und wir konnten lernen.

1933 gab es wieder ein Hungerjahr. Viele, viele Verbannten verhungerten (starben). Von diesem Schicksal bewahrte uns Gott. Ja, wir hungerten, aber niemand

aus unserer Familie starb. Diesem vermittelte eine große Hilfe des Deutschen Roten Kreuzes (aus Deutschland).

Anfang 1938 gab es wieder neue Repressivmassnahme, bei denen die Haupt Beschuldigungen waren konterrevolutionäre Agitation (die Gottesdienste) und Spionage. Zu dem letzten wurde die Hilfe des Deutschen Roten Kreuzes im Hungerjahr (1933) ausgenutzt.

Den 20-30 März 1938 mit anderen 40-50 Deutschen (Mennoniten) wurden unsere Mutter, die älteste Schwester Käthe und Bruder Johann verhaftet. Die Mutter wurde am 11 November 1938 erschossen. Käthe und Johann bekommen 8 und 10 Jahre Konzlager. Sie hielten auch diese Verhaftung aus und kamen nahe den 8 und 10 Jahren wieder in die Freiheit.

Der Krieg 1941-1945 brachte uns viel schwereres. Wie alle Deutschen, wurden wir noch strenger verbannt. Die neue Verbannung dauerte bis 1954.

Nach meist 25 jährlicher Verbannungen und Verhaften bekommen wir endlich die Freiheit. Der älteste Bruder Johann, der ein angesahend Spezialist der Holzindustrie war, fuhr mit seiner Familie nach Ostsibirien, in die Stadt Bratsk (am Fluß Angara). Bald zog er auch seine Geschwister dorthin. So waren wir alle am Leben gebliebene 7 Geschwister (Käthe, Johann, Greta, Kornelius, Heinrich, Gerhard und Erna) in der St. Bratsk (1955-1962). Kornelius siedelte im Jahre 1962 mit seiner Familie in die Stadt Syktyvkar (Komi Republik), Erna übersiedelte nach Kasachstan (1966-1967).

Margarete (Greta) übersiedelte im März 1998 mit ihrem Sohn Woldemar Wiebe und seiner Familie nach Deutschland.

Unsere Brüder Johann, Heinrich, Gerhard und die älteste Schwester Käthe starben in der St. Bratsk und sind dort begraben.

Von den 11 Kindern Kornelius (1885-1931) und Renate Wiebe am Leben sind heute noch 3: Margarete (1917), Kornelius (1918) und Erna (1924). Margarete mit ihrem Sohn Woldemar und seiner Familie und Erna, ihre 2 Töchter mit ihren Familien wohnen in Deutschland. Kornelius mit seiner Frau Raisa, seine 2 Tochter mit ihren Familien wohnen in der Stadt Nabereschnyje Tschelny (Tatarische Republik). Sein Sohn Sergej wohnt mit seiner Familie in der Stadt Syktyvkar.

Ganz besonders will ich noch etwas mitteilen von 2 Kinder Kornelius Wiebe (1885-1931): der ältesten Tochter Katheriene (Käthe) (1910-1995) und seinen Sohn Kornelius (1918), den Autor dieses Schreiben. Damit will ich meinen Kindern, Enkeln und allen, die diese Zeilen lesen werden, zeugen wie unendlich groß die Liebe und Gnade Gottes ist.

Unsere älteste Schwester Käthe weihte ihr ganzes 85-jähriges Leben ihrem Erlöser Jesus Christus, ihren Geschwistern und denen Kinder und Enkeln. Sie war nicht veheuratet, hatte keine Kinder. Ihre große Liebe gab sie uns und unseren Kindern. Auf unsere Schwester Käthe bezogen sich die Worte. «Die Liebe ist langmütig und rechnet der Böse nicht zu..., sie erträgt alles, sie glaubt alles, sie hofft alles, sie duldet alles» (Kor.3:5-7). Diese Liebe und den standhaften Glauben an Gott konnten auch Jahre in Gefängnis und Konzlager nicht wahren.

Ich Kornelius war der Gegensatz meiner Schwester Käthe. Aufgewachsen und erzogen in der selben gottesfürchtigen Familie, wurde ich von 17-18 Jahren ein aktiver Gottesleugner und tat viel Böses gegen Gott und Menschen, gegen meine Geschwister und meiner lieben und liebende Mutter, der ich viele Sorgen machte und Tränen kostete.

Lange dauerte meine Gottlosigkeit (bis zum Alter über 70 jähren), sie brachte mich zu schweren Sunden und Laster (Ehebruch, Alkoholismus und anderen). Ich trennte mich von meiner Frau, der Mutter meiner Kinder, trat in eine neue Ehe (1974).

Aber die Gebete meiner Mutter, meiner gläubigen Schwestern und anderen Verwandten, die unendliche Liebe und Gnade Gottes brachten mich zur Erkenntnis meiner Verlogenheit, zur Buße und Wiedergeburt, dieses geschah im April 1991. Von dieser Wendung konnte ich, viel erzählen, zeugen. Aber das wahre schon ein neues Thema. Eins will ich euch, meine lieben Kinder, Enkel und andere Nachkommen der großen Familie Wiebe mit fester Überzeugung sagen: Unglauben ist das Resultat der Unwissen heißt in der Heiligen Schrift.

Aus der Tiefe meines Herzens wünsche ich euch allen: «Sucht in der Schrift..., sie ist, die von Mir (Jesus Christus) zeugt» (Joh.5:39)

8 Следственные дела

8.1 Следственное дело № 280

Няндомского Окротдела ОГПУ.
Архивный № 11725 (7306-старый?)

Корней Иванович

1. Обвинительное заключение *

по делу № 280 по обвинению Гардера Ивана
Борисовича, Резина ** Георг. Яковл. и
Вибе Корнелия Иван. по ст. 58/6 УК.

В/к*** Гардер, Резин и Вибе, проживая в поселке 22 квартала, путем переписки со своими родственниками, находящимися как в местах прежнего жительства, а также и за границей (Германия и Америка) и с религиозными общинами, вели к/р агитацию вплоть до собирания различных сведений, посылаемых за границу с целью шпионажа.

Так, Гардер И. Б., будучи фотографом и имея свой аппарат, систематически занимался съемкой мест расселения и условий быта высланных кулаков, в искаженном иногда виде, с приданием в таких случаях снимку моментов «издевательства» и лишений. На одном из снимков, была изображена перевозка бревна на санях, «запряженных» в/к, чего в действительности не было. Эта карточка, как наиболее характерная, имела большой спрос и распространение среди в/к, и к моменту изъятия негатива, по заявлению самого Гардер, было отпечатано 20 экземпляров. Эти карточки в большинстве своем были разосланы в/к по своим знакомым. Сам Гардер эти карточки послал: [зятю]**** на родину, шурина Гардер (в/к) в Котлас и двоюродному брату Гардер в Германию, являющемуся миссионером и редактором газеты (см. письма из Германии). Помимо этой карточки Гардер послал в Германию и другие фотокарточки, как то: общий вид поселка, чаепитие на улице и т. п. Эти карточки в Германии были получены, о чем свидетельствует письмо двоюродного брата из Германии, в котором он просит прислать еще фотоснимки и писать на тему о своем быте с условием, что им использовались в своих статьях в газете (см. письмо из Германии). При посылке фотоснимков в Германию Гардер делал соответствующие иронические надписи, в частности на карточке, изображающей перевозку бревна он написал: «Вместо лошадей у нас в СССР запрягают людей, которые заменяют последних». Для переотправки [?] корреспонденции Гардер пользовался услугами адм. высланного Нельсон, проживающего в пос. Няндомы (теперь арестованного), куда Гардер неоднократно приезжал.

Активное участие в агитации принимали в/к Резин и Вибе, которые, как и Гардер, имели переписку и связь не только со своими родственниками, про-

* Со следственными делами я ознакомился уже в 2002 году в УФСБ Республики Коми, в Сыктывкаре. У меня есть копии некоторых документов (страниц) из этих дел. Здесь приводятся выдержки из них. Орфография документов в основном сохранена.

** Так в документе. Конечно же, Ризен.

*** в/к – высланный кулак, к/р, к-р. – контрреволюционный, б/п – беспартийный.

**** [...] - в документе неразборчиво.

живающими на территории СССР, но и за границей. Оба они в своих письмах (первый в Америку, а второй в Германию) указали географическое расположение поселка, свой быт и условия, подкрепляя это вышеуказанными фотоснимками, приобретенными у Гардера, что служило почвой для антисоветских агитаций о «ужасах» и «издевательствах» в СССР. При чем Вибе, как проповедник менонитов, у себя в бараках проводил беседы, для которых использовались письма, получаемые из-за границы, после прочтения сразу же уничтожались, т. к. по показанию самого Вибе, они могли послужить для них обвинением, как например: «Теперь вы никакой помощи ни от одного государства не ждите, мы вам ничем не поможем». Свои письма они посылали с приезжающими в гости родственниками из Вологды и из Няндомы, с которыми получали и сами. [...] с высланным кулачеством в С.Двинский округ.

Допрошенные в качестве обвиняемых Гардер, Резин и Вибе виновными себя в предъявленном им обвинении признали, указав, что это делалось ими не с целью шпионажа и агитации.

На основании вышеизложенного в/к Гардер Иван Борисович, 1868 г. рождения, происходящий из С.Волжской области, Ульяновского округа, Кошкинского р-на, дер. Надеждино, женат, имеющий до высылки 70 д. земли и обложенный с/х налогом в 1000 рублей, грамотный, ранее не судимый; Вибе Корнелиус Иванович, 1885 г. рождения, происходящий из той же местности, с Мариенталь, [...] был проповедником, женат, до раскулачивания имел 52 дес. земли, 8-10 лошадей коров от 4 до 10, с/х [...] обложен в 1040 рублей, был совладельцем торговой фирмы с/х машинами, грамотный, ранее не судимый, и Резин Гергард Яковлевич, 1878 г. рождения, происходящий из той же местности, пос. Гротсфельд, женатый, до высылки имевший 30 дес. земли, 6 лошадей, [...] коров, с/х налогом был обложен в 600 рублей, грамотный, ранее не судимый,

- изобличаются в том, что они, будучи высланными, путем переписки с родственниками и знакомыми, как в пределах СССР, так и с за границей и с целью шпионажа, вели к/р агитацию (сообщали данные о расположении поселка и о своем быте и условиях, подтверждая это высылкой фотоснимков, оттеняющих «издевательство» над в/к, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58/6 УК, а потому, руководствуясь ст. 208 УПК, настоящее дело, по согласованию с окр. прокурором, направить для внесудебного рассмотрения тройки при ПП ОГПУ Севкряя.

Составлено в гор. Няндомы 20 июня 1930 г.

Справка: Вещественные доказательства: письма 8, фотоснимки 30 шт. негативов и разные записные книжки находятся [при деле]

Обвиняемые Гардер, Резин и Вибе находятся под стражей в Каргопольском ИТЛ с 6/VI-30 г.

Подписи...

2. Выписка из протокола

заседания тройки при ПП ОГПУ Севкряя по внесудебному рассмотрению дел от 7 февраля 1931 г.

Слушали:	Постановили:
Дело №1701 по обвинению ГАРДЕР Ивана Борисовича и др. в числе 3-х человек по 58/5 Ст. УК.	1. ГАРДЕР Ивана Борисовича 2. ВИБЕ Корнелиуса Ивановича 3. РЕЗИН Гергарда Яковлевича РАССТРЕЛЯТЬ. Дело сдать в архив.

Верно: Нач. РСО ПП ОГПУ Севкряя *подпись* (Огрин)

8.2 Следственное дело № 22083

УНКВД Няндомского района.
Архивный № П-11606 (2 тома)
УФСБ по Архангельской области

Рената Яковлевна

1. Справка на арест и привлечение к уголовной ответственности Фаст Ренаты Яковлевны, 1887 г.р., проживающей в трудпоселке Холмолеево, барак №15, по статье 58, п.6. Прокурору Няндомского района от начальника Няндомского районного отдела УНКВД по АО (Архангельской области). Систематически занимается шпионской деятельностью.

«Санкционирую». Прокурор, 19.03.1938г.

2. Ордер на обыск и арест от 19.03.1938

3. Обыск (протокол?) 20.03. Проводился без нее, Подписи Ивана и Кати. Изъято: Свидетельства «Марьевского менонитского братства» за №№ 8 и 148. Книги религиозного содержания –9, книги –17, письма –54, тетради, блокноты – 18, переписка разная, не поддающаяся учету. Все на немецком языке.

4. Постановление об избрании меры пресечения от 21.03.38г.: ...содержание под стражей в Няндомской тюрьме по 1 категории в качестве обвиняемого по ст. 58, п.6...

5. Протокол допроса 21.03.38. Показания: «Получала письма и переводы из Америки и из Германии».

6. Протокол допроса 27.03.38. «Получала письма и переводы из Германии от Валь Елизаветы Францевны, племянницы, и из Америки от Тевс Давида, двоюродного брата мужа. Контрреволюционные собрания в лесу не проводили. Религиозные собрания проводили в лесу, т. к. в поселке они были запрещены».

7. Протокол об объявлении окончания следствия Няндомского РО УНКВД, 8.04.38. Статья 58, п.6.

8. Обвинительное заключение

(По след. делу №22083)

По обвинению:

Герц Вильгельма Генриховича,

Валь Елены Яковлевны,

Франц Германа Ивановича и друг. в количестве

53-х человек в пр. пр. ст. 58, п.10 ч.1

и 58. п.11 УК РСФСР

В Управление НКВД по Архангельской области поступили сведения о том, что в Няндомском районе существует к-р. фашистско-повстанческая немецкая организация, состоящая из немцев трудпоселенцев, которая ведет активную контрреволюционную деятельность.

На основании этих данных были арестованы активные участники этой к-р. организации: Герц В.Г., Вель Е.Я., Франц Г.И. и друг. в количестве 53-х человек.

Проведенным по делу следствием установлено:

- В 1930 г. кулаками-трудпоселенцами Герц В.Г., Валь Е.Я. и Гамм Л.К. в Няндомском районе Архангельской области на трудпоселках была создана к-р. националистическая фашистско-повстанческая немецкая организация.

В состав этой организации были вовлечены обвиняемые по настоящему делу – Франц Г.И., Классен Э.П., Классен Д.П. и другие в количестве 53-х человек.

Организация ставила перед собой задачу – свержения Советской власти и установления фашистского строя в СССР, путем совершения террористических актов над партийно-советскими работниками и организации восстания в тылу в момент интервенции.

В этих целях, участники к-р. организации, под видом отправления религиозных обрядов, устраивали нелегальные сборища, на которых обсуждались методы борьбы с Советской властью, обрабатывали в фашистском духе кулаков-трудпоселенцев и вели антисоветскую фашистскую агитацию среди окружающего населения.

На собраниях т/пос. участники к-р. организации открыто выступали с призывами к объединению немцев. Вели агитацию среди немецкой молодежи, направленную на воспитание ее в к-р. фашистском направлении, в результате чего немецкая молодежь в школах отказывалась писать слова: пионер, ВЛКСМ, ВКП(б) и так далее.

Кроме того участники к-р. организации установили письменную связь с фашистскими организациями Германии и Швеции, которым направляли провокационные фотоснимки о якобы каторжном труде немцев на трудпоселках и сообщали к-р. клеветнические измышления о СССР, за что получали от последних денежные переводы и посылки.

На основании изложенного – **О Б В И Н Я Ю Т С Я :**

далее по списку – все 53 человека, в том числе на стр. 18:

В И Б Е Рената Яковлевна, 1889 г. рождения, урож.

Куйбышевской области, Кошкинского района,

немка, гр-ка СССР, б/п., кулачка, трудпоселенка, -

В ТОМ, ЧТО:

Вибе Р.Я. являлась активной участницей к-р. фашистско-повстанческой организации, вскрытой и ликвидированной в Няндомском районе.

Проживая в Няндомском районе, среди населения проводила к-р. агитацию, восхваляла фашистский строй в Германии.

Имела письменную связь с к-р. фашистскими «благотворителями» в Германии и Швеции, от которых получала материальную помощь, т. е. в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР.

Допрошенная в качестве обвиняемой Вибе виновной себя признала в том, что участвовала в нелегальных сборищах к-р. организации, кроме того, уличается показаниями обвиняемых и свидетелей.

на стр. 20:

В И Б Е Екатерина Корнеевна, 1910 г. рождения,

урожен. Куйбышевской области, Кошкинского

района, немка, гр-ка СССР,

дочь кулака, трудпоселенка, -

В ТОМ, ЧТО:

Вибе Е. К. являлась активной участницей вскрытой и ликвидированной к-р. фашистско-повстанческой организации в Няндомском районе.

Принимала активное участие в нелегальных сборищах к-р. организации. Систематически распространяла к-р. клеветнические измышления о Советских законах, о Советской торговле, о Сталинской конституции.

Имела письменную связь с фашистскими «благотворителями» в Германии Швеции, от которых получала денежные переводы и посылки, т. е. в преступлении предусмотренном ст.ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР.

Допрошенная в качестве обвиняемой Вибе виновной себя признала в том, что принимала участие в нелегальных сборищах, уличается показаниями обвин. и свид..

на стр. 26:

В И Б Е Иван Корнеевич, 1913 года рождения, урож. Куйбышевской области, Кошинского района, немец, гр-н СССР, сын кулака, трудпереселенец, -
В ТОМ, ЧТО:

Вибе являлся участником немецкой к-р фашистско-повстанческой организации вскрытой и ликвидированной в Няндомском районе Арх.области.

Проживая на трудпоселке Холмолеево систематически проводил к-р пораженческую агитацию, распространял к-р клевету о сталинской конституции, принимал активное участие в нелегальных сборищах к-р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР.

Допрошенный в качестве обвиняемого Вибе И.К. виновным себя признал в том, что он участвовал в нелегальных сборищах к-р организации и связь с фашистскими «благотворителями» в Германии и уличается показаниями свидетелей.

Настоящее дело подлежит рассмотрению на Особой Тройке при Арх.УНКВД.

Составлено 20 октября 1938 года, гор. Архангельск

Подписи

Утверждено, Упр. НКВД по Арх. обл. 26 октября 1938г., г. Архангельск.

9. Справка: Содержаться в Архангельской тюрьме №1 ОМЗ.

10. Выписка из протокола № 103/28

заседания Тройки при УНКВД по Архангельской обл. от 31.10.38

Слушали:	Постановили:
Дело №22083-3 отдела УГБ, по обвин. ВИБЕ Ренаты Яковлевны, 1889 г.р. урож. Куйбышевской обл. Кошкинского р-на, по национальности немка, гр-ка СССР, беспартийная, кулачка, трудпереселенка. Обвиняется в том, что являлась активной участницей к-р. фашистско-повстанческой организации. Занималась к-р. деятельностью.	ВИБЕ Ренату Яковлевну - Р А С С Т Р Е Л Я Т Ь. Дело сдать в архив.

Верно: Нач. 1 Спецотдела УНКВД АО *подпись* (...)

11. Акт. Постановление Тройки... приведено в исполнение 11.11.1938

12. Постановление об уничтожении изъятого как не представляющего ценностей. От ...02.1939.

Список обвиняемых по делу № 22083:

№	Фамилия	Имя	Отчество	Год.р.	Пометки
1	Герц	Вилгельм	Генрихович	1884	1
2	Валь	Елена	Яковлевна	1874	2
3	Гамм	Андрей	Корнеевич	1895	4
4	Классен	Эдуард	Петрович	1887	5
5	Классен	Иван	Петрович	1884	6
6	Классен	Дитрих	Петрович	1882	7
7	Дик	Яков	Петрович	1881	8
8	Реймер	Агата	Францевна	1906	опр
9	Маттис	Сусанна	Борисовна	1911	опр
10	Франц	Герман	Иванович	1879	3
11	Гамм	Анна	Ивановна	1884	9
12	Ризен	Яков	Яковлевич	1911	\
13	Янцен	Гергард	Иванович	1875	10
14	Тиссен	Франц	Борисович	1911	\
15	Дригер	Августа	Яковлевна	1893	\
16	Зуккау	Василий	Иванович	1907	опр
17	Реймер	Андрей	Францевич	1908	11
18	Валь	Рената	Францевна	1897	опр
19	Дик	Петр	Яковлевич	1911	\
20	Ризен	Эвальд	Германович	1908	?
21	Эпп	Елена	Рудольфовна	1906	\
22	Дик	Тереза	Яковлевна	1910	\
23	Маттис	Вальтер	Борисович	1908	\
24	Ризен	Герман	Борисович	1909	?
25	Ракко	Рейнгольд	Вольдемарович	1910	\
26	Берген	Екатерина	Ивановна	1910	\
27	Вибе	Рената	Яковлевна	1889	12
28	Берген	Анна	Ивановна	1912	\
29	Дик	Яков	Яковлевич	1916	опр
30	Гамм	Иоганн	Давыдович	1909	\
31	Ракко	Федор	Рейнгольдович	1914	\
32	Вибе	Екатерина	Ивановна	1905	\
33	Зуккау	Иван	Борисович	1902	13
34	Гамм	Мария	Ивановна	1909	\
35	Вибе	Екатерина	Корнеевна	1910	\
36	Валь	Екатерина	Францевна	1912	\?
37	Берген	Августа	Петровна	1888	14
38	Янцен	Мария	Густавовна	1906	\
39	Янцен	Генрих	Генрихович	1912	\
40	Фогель	Густав	Иванович	1907	\
41	Кауфман	Рейнгольд	Робертович	1911	\
42	Тиссен	Рудольф	Борисович	1907	15

43	Вибе	Иван	Корнеевич	1913	нет
44	Янцен	Герман	Давыдович	1912	нет
45	Тевс	Мария	Ивановна	1912	17
46	Гамм	Тереза	Андреевна	1895	16
47	Ризен	Мария	Германовна	1907	\
48	Классен	Вольдемар	Иванович	1912	\
49	Зуккау	Екатерина	Ивановна	1892	нет
50	Классен	Герман	Дитрихович	1912	нет
51	Янцен	Мария	Юльясовна	1880	нет
52	Янцен	Елена	Генриховна	1908	нет

8.3 Следственное дело № 25643

УНКВД Няндомского района.
Архивный № П-11089
УФСБ по Архангельской области

Маргарита

По обвинению Бергман Эрны Андреевны, Тиссен Юстины Борисовны, Вибе Маргариты Корнеевны и др.

1. Справка (на арест). 21.06.38

Прошу санкционировать арест Вибе Маргариты Корнеевны.

Вибе Маргарита Корнеевна – 1908 г. * рождения, уроженка с. Лицентелен, Кошкинского р-на, Арх.области, немка, гр-ка СССР, б.кулачка, т/поселенка, имеет за границей родственников, с которыми ведет переписку в шпионских целях.

Проживая в поселке Холмолеево, Няндомского р-на, Арх. области, среди колхозников ведет к.-р. агитацию. Подозревается в шпионаже.

Подлежит привлечению к ответственности по ст. 58 п.6 и 10 ч.1 УК РСФСР.

2. Ордер на обыск и арест 28.06.1938

3. Обыск 30.06

4. Постановление

Об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения на содержание под стражей от 21.06, объявлено 7.07.

5. Постановление

(О выделении следственного материала),

1938 года, декабря 27 дня, гор. Архангельск.

Я, и.о. пом. нач. отд-ния 3 отдела УГБ УНКВД АО, рассмотрев следственное дело № 22140 по обвинению Бергман Эрны Андреевны, Ризен Ренаты Яковлевны, Тиссен Юстины Борисовны, Вибе Маргариты Корнеевны, Классен Агаты Ивановны, Валь Марии Францевны и Реймер Эдуарда Францевича, - по ст.58 п.6 и 58 п.10 ч.1 УК РСФСР,-

Нашел:

Материалами следствия установлено, что все выше перечисленные обвиняемые являлись участниками контрреволюционной фашистской, национа-

* так в документе

листической немецкой организации, существовавшей на территории Няндомского района, Архангельской области. Все вышеперечисленные участники к.-р. организации активно посещали к.-р. нелегальные сборища, где пропагандировались к.-р. фашистские идеи. Среди окружающего населения вели к.-р. фашистскую националистическую агитацию, дискредитировали Конституцию СССР и выступали против мероприятий Советской власти. Все обвиняемые лично имели к.-р. связи с заграницей. В своих письмах за границу сообщали к.-р. измышления о положении в СССР. До 1937 года получали за это из заграницы денежные переводы и посылки.

Настоящее след. дело следствием было закончено 19 октября 1938 г., а 31 октября 1938г. рассмотрено во внесудебном порядке и все обвиняемые были осуждены, но приговор в отношении осужденных Бергман Э.А., Тиссен Ю.Б., Вибе М.К., Классен А.И. и Реймер Э.Ф. в исполнение приведен не был и на основании приказа НКВД СССР от 18 декабря 1938 года № 00762 потерял силу.

Принимая во внимание, что дело по обвинению Бергман Э.А., Тиссен Ю.Б., Вибе М.К., Классен А.И. и Реймер Э.Ф. подлежит направлению в суд, а по делу требуется производство дополнительных следственных действий, а потому,-

Постановил:

Имеющиеся в след. деле №22140 следственные материалы в отношении обвиняемых Бергман, Тиссен Ю.Б., Вибе М.К., Классен А.И. и Реймер Э.Ф.

..... нет второго листа

Утверждено 6.01.1939:

6. Постановление о продлении срока ведения следствия от 8.01.1939

7. Постановление от 29.01.1939

(О переквалификации состава преступления)

...Учитывая, что для предания суду по ст. 58 п.6 УК РСФСР материалов недостаточно, а поэтому принимая во внимание вышеизложенное и руководствуясь ст.ст.128,129 УПК РСФСР.

Постановил:

Уголовное преследование на обвиняемую Вибе М.К. по ст. 58, п.6 УК РСФСР прекратить, и предъявить ей обвинение по ст. 58 п.10 ч.1 УК РСФСР. Мера пресечения оставить прежнюю т. е. содержание под стражей в Няндомской тюрьме по 1-й категории.

Подпись...

Постановление объявлено 30 января 1939 года.

8. Допрос 30.01.1939

9. Обвинительное заключение

(по делу № 25643)

по обвинению: Бергман Э.А., Тиссен Ю.Б.,
Вибе М.К., Классен А.И. и Реймер Э.Ф.
по ст. 58 п 10 ч1 УК РСФСР

Няндомским РО УНКВД Арх. области в 1938 году была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная националистическая немецкая организация на трудпоселке «Холмолеево», маскировавшаяся под секты менонитов и проводившая активную контрреволюционную деятельность против Советской власти.

Позднее в Няндомское РО НКВД АО стали поступать сигналы о том, что лица систематически посещавшие нелегальные сборища немцев-менонитов, проживающие на трудпоселке «Холмолеево», Бергман Э.А., Тиссен Ю.Б., Вибе М.К., Классен А.И. и Реймер Э.Ф. проводят среди трудпоселенцев контрреволюционную агитацию, высказывают всевозможные контрреволюционные клеветнические измышления по адресу Советской власти, дискредитируют Сталинскую конституцию.

На основании этих данных все выше перечисленные лица 30.04.38г. были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по ст. 58 п 10 ч 1 УК РСФСР.

Произведенным по делу расследованием установлено, что все выше перечисленные лица на протяжении ряда лет участвовали на нелегальных сборищах немцев менонитов на трудпоселке «Холмолеево», проводившейся под руководством б/кулака трудпоселенца Герца Вильгельма Генриховича, ныне осужденного за активную контрреволюционную деятельность.

Следствием так же установлено, что привлеченные по делу обвиняемые: Бергман Э.А., Тиссен Ю.Б., Вибе М.К., Классен А.И. и Реймер Э.Ф. проживая на трудпоселке «Холмолеево», систематически проводили контрреволюционную агитацию, направленную против Советской власти.

Реймер... Бергман... Тиссен...

Вибе Маргарита Корнеевна в течении 1938 г. систематически собирала у себя на квартире детей школьного возраста, среди которых пропагандировала библейское учение, обрабатывала последних в антисоветском духе.

В апреле м-це 1938г. обвиняемая Вибе высказывала контрреволюционные клеветнические измышления по вопросу репрессивных мер применяемых Советской властью к контрреволюционным элементам.

В июне м-це 1938г. обвиняемая Вибе высказывала антисоветские взгляды по вопросу отправки детей в дет-дом, родители которых репрессированы.

Классен...

Допрошенные в качестве обвиняемых:

Реймер... Бергман... Тиссен...

Вибе Маргарита Корнеевна в предъявленном ей обвинении виновной себя не признала, но обличается показаниями свидетелей и очной ставкой.

Классен...

На основании вышеизложенного обвиняются:

1. Реймер... 2. Бергман... 3. Тиссен...

4. Вибе Маргарита Корнеевна – 1917 г. рож. урож. Куйбышевской обл. Кошкинского р-на с. Мариенталь, по национальности немка, дочь б/кулака, трудпоселенка, б/п., грамотная, гр-ка СССР, до ареста проживала на трудпоселке «Холмолеево».

В том что: В течении ряда лет посещала нелегальные сборища немцев менонитов, среди детей школьного возраста проводила религиозную пропаганду, обрабатывая последних в антисоветском духе, высказывала среди трудпоселенцев контрреволюционные клеветнические измышления по вопросу репрессирования контрреволюционных элементов, проводила контрреволюционную агитацию против отправки детей в дет. дом, родители которых репрессированы.

Т. е. в совершении пр.пр.ст.58 п 10 ч 1 УК РСФСР

5. Классен...

Настоящее следственное дело на основании ст. 208 УПК РСФСР подлежит направлению на рассмотрение Архангельского Областного суда, через Обл. Прокурора.

Содержащихся под стражей обвиняемых сего числа перечислить за Обл. Прокурором.

Подписи.....

Составлено: 4 февраля 1939г., г. Няндомы.

Справка. 1. Обвиняемые Реймер Е.Ф., Бергман Э.А., Тиссен Ю.Б., Вибе М.К., Классен А.И. арестованы 30.04.38г. и содержатся под стражей в Няндомской тюрьме.

2. Вещественных доказательств по делу нет.

10. Приговор от 29.04.1939. Реймер Эдуард Францевич, 21.05.1917г.р. – 6 лет + 3 года поражения в правах, Бергман Эрнэ Андреевна – 5 лет + 2 пораж. Классен Агата Ивановна, 22.05.1914г.р., с.Муравьевка., Тиссен Ю.Б., Вибе М.К. за недоказанность в их действиях ... по суду считать оправданными ... и из под стражи немедленно освободить.

9 Оглавление

1	Предисловие	5
2	Меннониты	6
2.1	Переселение в Россию	7
2.2	Образование Александртальской колонии	9
3	История семьи Вибе. Наша родословная	16
3.1	Семья моего отца	16
3.2	Семья моей мамы	26
4	Вибе – Фаст, наша семья	30
4.1	Высылка, жизнь на севере, новые репрессии	36
5	Трудармия	51
6	Моя исповедь	65
7	Aus der GESCHICHTE	73
8	Следственные дела	79
8.1	Следственное дело № 280	79
8.2	Следственное дело № 22083	81
8.3	Следственное дело № 25643	85
9	Оглавление	89